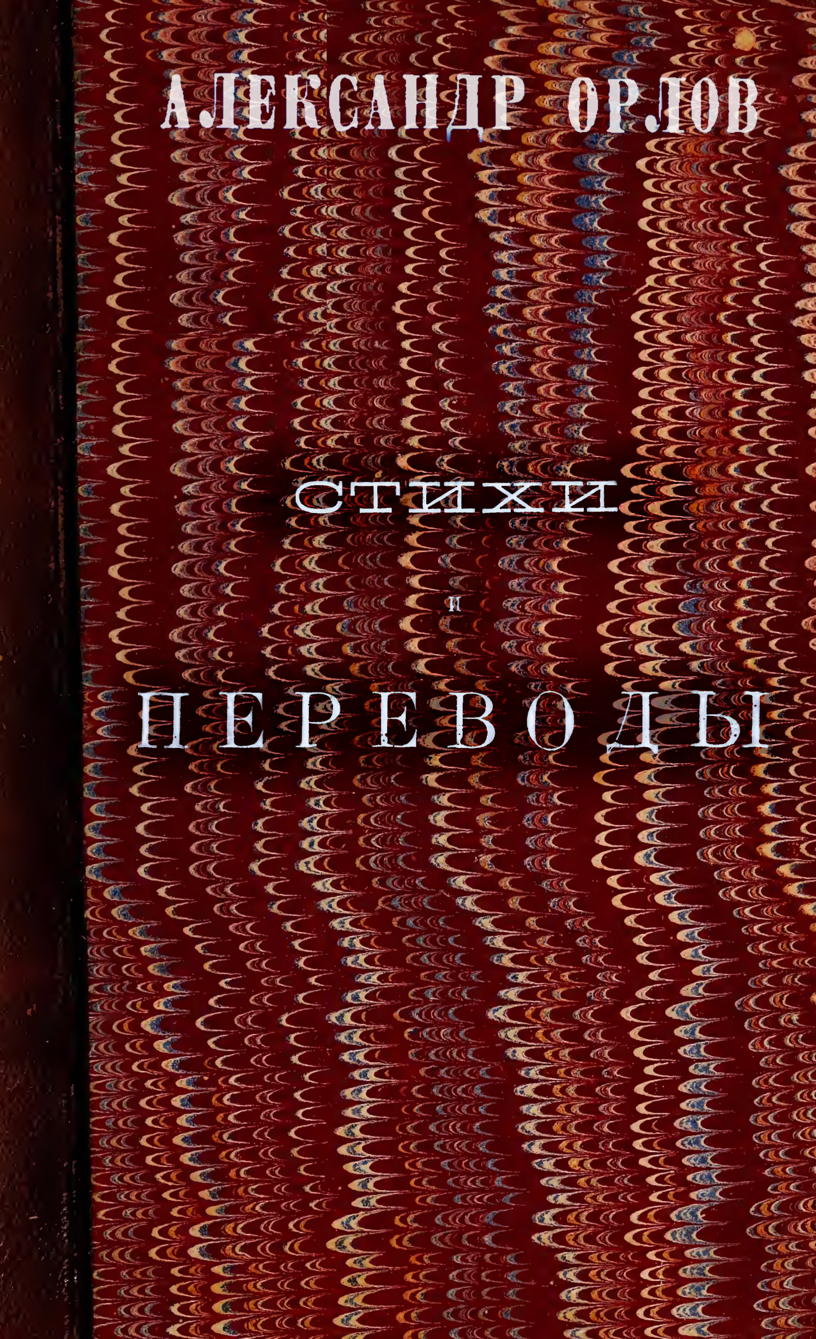

АЛЕКСАНДР ОРЛОВ
СТИХИ
И
ПЕРЕВОДЫ

СТИХИ

И

ПЕРЕВОДЫ

АЛЕКСАНДРА ОРЛОВА.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1872.

Дозволено цензурой. Москва, 13 Сентября 1872 г.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ

Т..... Т.......

Изъ моря вытекшій ручей
Сначала подъ землей струился,—
Въ глуши, внѣ солнечныхъ лучей;
Потомъ на вольный свѣтъ пробился,
Блуждалъ среди лѣсовъ, долинъ,
И рѣчкой ставъ, какъ вѣрный сынъ,
Къ родному морю воротился.

Іюль 1870 года.

I.

AD HOMINEM.

Съ отвагой безъ конца, съ живучестью Антея,
Вѣка̀ стремишься ты подняться къ небесамъ
И въ пламя превратить ту искру Прометея,
Что сдѣлала тебя—сродни богамъ!
Въ одеждѣ мудреца, ты нѣкогда являлся
Свободной истины классическимъ жрецомъ,
Вездѣ её искалъ, повсюду домогался,
И наконецъ нашелъ—въ рабѣ своемъ.....
И рыцаремъ ты былъ. Безъ страха и сомнѣнья
Ты шелъ освобождать изъ плѣна гробъ святой,
Любви ты гимны пѣлъ, молился въ воскресенье,—
А въ будни выходилъ безпечно на разбой.....
Ты и монахомъ былъ, ты слалъ грѣху проклятья,
И плоть свою казня, о небѣ тосковалъ,—
А на пути къ нему, держа въ рукахъ распятье,
На медленномъ огнѣ людей сжигалъ!
Но было то давно. Съ тѣхъ поръ ты измѣнился,

И прошлому прочтя суровый приговоръ,
Отъ ужасовъ былыхъ съ презрѣньемъ отрѣшился,—
Чтобъ къ новымъ обратить свой ненасытный
взоръ!
Ошибками отцовъ и опытомъ богатый,
Ты все преобразилъ, все перестроилъ вновь,
Но далеко ль ушелъ? Застоя врагъ заклятый,
Взгляни вокругъ себя,—все такъ же льется кровь,
Все такъ же тонутъ въ ней «отъ малыхъ сихъ»
мильоны,
Твой обновленный міръ возноситъ къ небесамъ
Все тотъ же роковой, кровавый ѳиміамъ,—
Осиротѣлыхъ душъ озлобленные стоны!
Гдѣ жь твой хваленый умъ? твое преуспѣянье?
За что среди звѣрей тебѣ такой почетъ?
О бѣдный полубогъ, подъ маскою сознанья
Все тотъ же дикій звѣрь въ тебѣ живетъ!

II.

Улетѣла! Прости золотая....
Не успѣла и здравствуй сказать,
Какъ пришлось мнѣ во слѣдъ за тобою
Свой прощальный привѣтъ посылать.....

Ну, не много же ты нагостила!
Легкокрылой мечтой пронеслась....
Иль тебѣ ужь совсѣмъ не повкусу
Моя бѣдная келья пришлась?

Было время—тебя поджидая,
Я её изукрасилъ, какъ могъ.....
Какъ прилежно въ саду выводилъ я
Дорогой, твой любимый цвѣтокъ!
И все ждалъ—вотъ придетъ моя гостья,
Какъ у всѣхъ, у меня погоститъ,

И обычною лаской своею,
Какъ другихъ, и меня подаритъ.....

А теперь даже стыдно,—не знаю
Какъ и чѣмъ мнѣ тебя вспоминать?
Второпяхъ ты совсѣмъ позабыла
Мнѣ на память хоть что нибудь дать.....

III.

СУДЬБА.

Кто эта дѣвочка съ повязкой на глазахъ,
Съ безумной прихотью порывистыхъ движеній?
Какъ будто ей смотрѣть, какъ стонетъ міръ въ слезахъ
Иль пѣсни онъ поетъ онъ радостныхъ волненій,
Наскучило давно... Вокругъ нея стоятъ
Болота и лѣса, избушки и дворцы,
И мячиковъ предъ ней раскинутъ пестрый рядъ
Различныхъ формъ, цвѣтовъ и цѣнъ. Во всѣ концы
Шалунья странная тѣ мячики кидаетъ;
Послушные летятъ то вверхъ, то внизъ, то вбокъ.....
И часто золото въ болото попадаетъ,
А тряпка прячется въ росписанный чертогъ...
Кто эта дѣвочка? Давнымъ давно она
Не знаю для чего и кѣмъ сотворена.
Живя среди людей, однихъ она любила,
Съ другими палачемъ неистовымъ была,

Нерѣдко подлецамъ, ворамъ благоволила.. .
Эдипа честнаго на жертву предала,
Малютку чистую Офелію сгубила,
А жениха ея совсѣмъ съ ума свела. ..
Ты хочешь знать её? Мой другъ, — напрасный
трудъ!
Её судьбой зовутъ.....

IV.

Я вспомнилъ тебя,—и дыханіемъ розъ,
И нѣгою вешнихъ лѣсовъ
Повѣяло на сердце мнѣ....
Я вспомнилъ тебя,—и воскресло во мнѣ
Такъ много несбывшихся сновъ,
Такъ много утраченныхъ грезъ!
Я вспомнилъ тебя.... но зачѣмъ вспоминалъ?
Что было—какъ сонъ пронеслось....
А сонъ быстролетный на вѣки мнѣ сталъ
Источникомъ муки и слезъ!

V.

ЗА УСОПШИХЪ.

О Господи, зачѣмъ такъ много силы,
Такъ много счастья, воли молодой
Низводитъ жизнь безжалостной рукой
По ступенямъ безвременной могилы?
Куда летятъ несбывшіеся сны?
Кто наградитъ погибшія желанья?
Кто дастъ отвѣтъ за немощь и страданья,
За холодъ смерти посреди весны?
Отвѣта нѣтъ; но мысль больная зрѣетъ,
И память, зло подсказывая ей,
На днѣ души воспоминанья сѣетъ,
И будитъ въ ней печальный сонмъ тѣней....
Я вижу ихъ! Подъ ихъ угасшимъ взоромъ
Душа моя тоскуетъ и болитъ!
Какимъ мучительнымъ, нѣмымъ укоромъ,
Какой тоской запечатлѣнъ ихъ видъ!
Я вижу ихъ, — все лица молодыя.

Но жизни въ нихъ не вижу, жизни нѣтъ, —
Однѣ черты, изсохшія, больныя,
Однѣ черты,—и разрушенья слѣдъ
По тѣмъ чертамъ безвременно разлитый....
Жизнь—зрѣлище страданія, но въ ней
Нѣтъ образа мучительнѣй, больнѣй, —
Какъ юный ликъ, страданіемъ убитый!....

. . . .

Я вижу и тебя, съ кѣмъ я дѣлилъ
Завѣтныя желанія и грезы,
И сердце жгутъ и давятъ злыя слезы:
Ты сердцу моему такъ близокъ былъ!
Не злой недугъ, не пагубная сила
Случайности иль страсти роковой,—
Безвременье одно тебя сгубило,
Безвременье, товарищъ дорогой!
Рвалося къ свѣту сердце молодое,
Но не могло во тьмѣ его найти;
Израненый, ты возвращался съ боя
И говорилъ: мнѣ некуда идти!
А жизнь впередъ, впередъ все уходила,
И каждый шагъ вопросомъ новымъ былъ,
Сомнѣніе, какъ червь, тебя точило,
По каплямъ изсякалъ источникъ силъ,
И онъ изсякъ. Я помню день печали,—
Смущенные, томимые тоской,
Передъ тобой безмолвно мы стояли.....
Ты насъ позвалъ изсохшею рукой
И, обведя вокругъ померкшимъ взоромъ,
Ты прошепталъ.... О, помню я твой взглядъ!

Твои слова зловѣщимъ приговоромъ
Въ ушахъ моихъ теперь еще звучатъ.......

. . . .

. . . .

Отцы, отцы! вамъ жить нетрудно было,
Вы жили въ долгъ, и жизнію шутя,
Играли съ ней, какъ съ мячикомъ дитя,
И многое вамъ въ жизни съ рукъ сходило...
Но дѣтямъ вашимъ трудно стало жить,
Вы дали имъ жестокое наслѣдство—
Въ потемкахъ проводить годину дѣтства,
А молодость въ сомнѣніяхъ губить!

VI.

Не расточай игривыхъ взглядовъ,
Не спорь съ упрямою косой,
Чтобъ показать, какъ гибокъ станъ твой,—
Я не прельщусь твоей красой

Не стану спорить—ты прекрасна....
О да,—тебѣ бы Гебой быть,
Боговъ классическаго неба
Безсмертнымъ нектаромъ поить!

Но знаешь ли, когда случайно
Я загляну тебѣ въ глаза,
Мнѣ снятся все глаза другіе,
Другая чудится краса......

Все снится блѣдная, святая,
Та, что умѣла такъ любить,
Когда у ногъ Христа сидѣла,
Готовясь мѵромъ ихъ омыть.

VII.

Едва жить начала ты, дитя, а ужъ жизнь своей
лаской суровой
На челѣ твоемъ чистомъ успѣла свой слѣдъ проложить....
Но она не могла омрачить твоихъ взоровъ тоскою тлетворной,
Не могла исказить дѣтскій ликъ твой сомнѣнья
чертою упорной,
И лишь грустнымъ сіяньемъ успѣла его озарить;
Оттого кроткій образъ твой дышетъ какою то прелестью новой;
Оттого въ беззаботно-шумливой толпѣ своихъ сверстницъ веселыхъ
Ты стоишь одиноко, въ ихъ играхъ тебѣ нѣтъ
участья;
Оттого и улыбка твоя и слеза—словно сестры родныя:

Улыбнешься, и чуетъ душа, какъ печальны восторги земные,
А заплачешь, — ей снятся восторги небеснаго счастья.....
Разцвѣтай же, дитя! Будь опорою людямъ въ сомнѣньяхъ тяжелыхъ!
И молясь о душахъ, изнемогшихъ на жизненной битвѣ,
Помяни и меня въ своей тихой вечерней молитвѣ.

VIII.

Трудно въ жизни тому, кто питаетъ въ груди
Для добра и любви много силы живой,
И любя, обрѣтаетъ въ награду за то
На житейскомъ пути лишь презрѣнье съ враждой.
Трудно въ жизни тому, кто, живя межь людей,
Лишь враговъ, озлобленный, въ нихъ видитъ своихъ
И клеймитъ въ нихъ равно—и добро и порокъ,
Презирая однихъ, ненавидя другихъ.
Но труднѣе тому, кто созналь глубоко́,
Что онъ крадетъ у многихъ, любя одного,
Что врага ненавидѣть прилично глупцу,
А винить невозможно ни въ чемъ никого.

IX.

СФИНКСЪ.

Изъ странъ безвѣстной высоты
Звѣзда падучая скатилась,
Блеснула въ мірѣ суеты —
И проблестѣвъ, на вѣки скрылась
Во тьмѣ безвѣстной пустоты....
То—наша жизнь, прямой отвѣтъ.
Но что она? Отвѣта нѣтъ.....

X.

СВѢТЛЫЙ МИГЪ.

Помню свѣтлый я мигъ.... Ты сидѣла со мной
Въ своемъ траурномъ темномъ нарядѣ.....
Расплелись по плечамъ твоимъ мягкой волной
Черныхъ косъ твоихъ тонкія пряди.....
Блѣдно было лицо, но тѣмъ глубже, чернѣй
Былъ огонь твоихъ черныхъ глубокихъ очей;
И изъ устъ твоихъ дѣтскихъ струились, спѣша,
Другъ за дружкою рѣчи живыя.....
Но не дѣтскія были онѣ, не простыя—
Смыслу ихъ я внималъ чуть дыша.....
И казалось мнѣ,—ангелъ сошелъ съ высоты
Своихъ звѣздъ и мнѣ въ душу проникъ,
Чтобъ причастникомъ сталъ я его чистоты,
Чтобъ я прожилъ безгрѣшно хоть мигъ!
И я думалъ: дитя, еслибъ міръ не дарилъ
Хоть разъ въ жизни намъ этихъ мгновеній,
Еслибъ онъ въ мутныхъ волнахъ своихъ не таилъ
Тебѣ чистой подобныхъ видѣній,—

Что сквозятъ въ его тьмѣ блескомъ дивныхъ лучей, —
И такихъ какъ твои благодатныхъ рѣчей,
Предъ которыми спятъ его страшныя муки, —
О дитя, въ немъ не стоило бъ жить!
И я первый дерзнулъ бы тогда наложить
На себя свои слабыя руки.....

XI.

NOTTURNO.

Ужъ солнце давно потонуло
Въ сіяньи златомъ.
Смотри, какъ все стихло кругомъ,
Какъ все, утомившись, уснуло.. .
Подъ дымкой прохладно-душистой
Долины ужь спятъ.
Укрывшись въ тѣни густолистой,
Росой окропленъ серебристой,
Давно уже дремлетъ нашъ садъ.
Родная, и ты утомилась,—
Наплакалась ты день—деньской,
И сердце твое возмутилось....
Усни же, дай сердцу покой,
Чтобъ завтра оно не разбилось
При встрѣчѣ съ обычной тоской.....

XII.

И Д И!

Qui igitur credunt, se ex libero mentis decreto loqui vel tacere vel quidquam agere, oculis apertis somnant.

Spinosa.

Куда, куда меня влечешь?
Останови свой бѣгъ жестокій!
Едва начавъ мой путь далекій,
Я чую трепетной душой
Конецъ дороги роковой:—
Тамъ, вѣчной тьмою угрожая,
Зіяетъ бездна роковая.....

А онъ, безстрастный, мнѣ въ отвѣтъ:
«Иди, иди, возрата нѣтъ!»

Остановись! Ты видишь—мы
Бѣжимъ цвѣтущими садами,
Деревья гнутся подъ плодами.
Трепещутъ сочные листы,
Благоуханные цвѣты

Насъ манятъ красками живыми....
Дай мнѣ полюбоваться ими!

А онъ, безстрастный мнѣ въ отвѣтъ:
«Иди, иди, возврата нѣтъ!»

О сжалься, сжалься! степь кругомъ.....
То степь безплодная, сухая.....
Въ пескѣ сыпучемъ увязая,
Я истомился, я усталъ!
Цвѣты, что на пути сорвалъ,
Завяли всѣ.... Изъ сожалѣнья
Дай отдохнуть хотя мгновенье!

А онъ, безстрастный, мнѣ въ отвѣтъ:
«Иди, иди, возврата нѣтъ!

Иди усталый и покорный,
И замѣчай, какъ за тобой
Дыханье жизни молодой
Нещадно губитъ вихрь тлетворный.
Иди, и падай, и томись,
И хорони все дорогое,
Пока велѣнье роковое
Не прогремитъ: остановись!»

XIII.

Дѣвственность сердца, любви серебристыя грезы,
Сны молодые о счастіи, юныя слёзы,
Всѣ вы, которыми такъ утро жизни богато,
Солнца восходъ повстрѣчавши,—не ждете заката!
Или безъ васъ солнце утромъ сіять ужь не станетъ?
Иль, молодое, безъ васъ оно грѣть перестанетъ?
Трудно жить въ мірѣ: тамъ счастье лишь къ счастію жмется,
Горе же тамъ одинокимъ всегда остается.....
Все, что чаруетъ, живитъ,—рано тамъ умираетъ,
Все же, что мучитъ, мертвитъ,—до конца доживаетъ....

XIV.

У ФАРИСЕЯ.

Былъ званый пиръ у фарисея.
Вокругъ трапезнаго стола
Собралось все, чѣмъ Іудея
Въ тѣ дни похвастаться могла:
Здѣсь былъ вельможа именитый,—
Краса двора и страхъ рабовъ,—
Законникъ славный и маститый
Пріѣзжій римскій философъ.
Но въ томъ блистательномъ собраньи
Одинъ былъ въ бѣдномъ одѣяньи:
То былъ Христосъ. Сюда былъ онъ
Изъ любопытства приглашенъ.

Онъ говорилъ. Но были глухи
Сердца ихъ къ смыслу словъ святыхъ,—
Черты ихъ лицъ такъ были сухи!
Такъ лицемѣрны взоры ихъ!
Онъ говорилъ. Но вдругъ въ собраньи

Неясный шепотъ пробѣжалъ......
Христосъ въ насмѣшливомъ шептаньи
Отвѣтъ лукавый услыхалъ:
«Пророкъ насъ учитъ,—какъ денница
Весь міръ очамъ его открытъ,
А самъ не знаетъ, что блудница
Теперь у ногъ его лежитъ.»
Насмѣшкѣ злой не отвѣчая
И рѣчь святую замедляя,
Христосъ, прекрасенъ и унылъ,
Свой взоръ скорбящій опустилъ.....

У ногъ его, ему внимая,
Какъ цвѣтъ поблекнувшій блѣдна,
Лежала дѣва молодая,
Въ нѣмой восторгъ погружена.
Волною съ плечъ ея дрожащихъ
Спадали пряди черныхъ косъ,
Глубокій взоръ очей молящихъ
Тонулъ въ ручьяхъ блаженныхъ слёзъ,
И руки блѣдныя припали
Безъ силъ къ сандаліямъ Христа,
И многогрѣшныя уста,—
Что такъ безумно расточали
Въ лобзаньяхъ пылъ любви земной,—
Теперь младенчески дышали
Любовью чистой и святой.....

Умолкъ Христосъ. Неизрѣченный
Съ его чела струился свѣтъ,

Въ его чертахъ сіялъ нетлѣнный,
На все одинъ святой отвѣтъ....
И кротко руки простирая,
Онъ дѣву падшую поднялъ,
И гласъ его, какъ вѣстникъ рая,
Въ душѣ воскресшей прозвучалъ:
«Ступай, дитя,—ты сокрушила
Свой грѣхъ у ногъ моихъ въ мольбѣ...
Прощаю многое тебѣ,—
За то что много возлюбила!»

XV.

Нѣтъ, блескомъ смѣлой красоты
Ея черты не ослѣпляютъ,—
Надежды робкія мечты
Въ глазахъ задумчивыхъ сіяютъ...

Не рдѣютъ розы на щекахъ..,..
О нѣтъ, больныя тѣ ланиты
Прозрачной блѣдностью покрыты,—
И ласка грусти на губахъ....

Толпа её не замѣчаетъ,
И сердце страстное твое
При встрѣчѣ съ ней не запылаетъ....
Нѣтъ, нѣтъ... но я люблю её!

XVI.

ФАНТАЗІЯ.

Склонивши гордую головку на плечо,
Она на берегу задумчиво стояла....
Въ глазахъ ея игралъ лучъ жизни горячо,
И все вокругъ нея, все жизнію дышало,
Той чудной жизнію, что изъ души зоветъ
Порывы, полные какой то жажды страстной,
И сладко такъ томитъ, и манитъ, и влечетъ
Въ какой то свѣтлый край, далекій и прекрасный.

И очарована той музыкой живой,
Она отозвалась на призывъ всей душою,
И внизъ по крутизнѣ, туда, гдѣ волнъ прибой,
Стремительно пошла отважною стопою.
Какъ трудно было ей спускаться по камнямъ!
Не разъ ея нога съ тропинки соскользала,
И тернъ, своей иглой цѣпляясь къ волосамъ,
Царапалъ ей лицо... Она не отступала,
И съ торжествомъ въ груди достигла зыбкихъ волнъ.

Лазоревая даль на встрѣчу ей сверкнула....
Назадъ оборотясь, «прости» она шепнула,—
И смѣлою рукой толкнула легкій челнъ.

И въ даль она плыла, и пѣсни громко пѣла,
Тѣ пѣсни звонкія, что узники поютъ,
Впервые вырвавшись изъ душнаго предѣла
Сырой тюрьмы на свѣтъ, что сердце обдаютъ
Проснувшейся весны живымъ благоуханьемъ,
И опьяняютъ кровь отвагой молодой.
Ей вторила волна созвучнымъ колыханьемъ.
Она ей отдалась довѣрчивой душой,
И въ даль, все въ даль плыла, и пѣсни громко пѣла....
Но вѣтеръ вдругъ окрѣпъ, и качка началась,—
Запѣнилась волна, весло отяжелѣло,
И туча сѣрая на небѣ собралась....

И грянула гроза. Она не унывала.
Отчаянно борясь, она смотрѣла въ даль.....
Но пѣна мутная глаза ей застилала,
И въ сумракѣ густомъ пропала эта даль.....
И вскрикнула она: ей сердце вдругъ пронзила
Мучительная мысль, что это все былъ сонъ....
Она взглянула вверхъ,—тамъ буря дико выла,
Удушливый туманъ густѣлъ со всѣхъ сторонъ,
Она взглянула внизъ,—предъ ней росла горою
Ужасная волна... Челнокъ туда несло....
Съ презрѣніемъ она отбросила весло,
И простонавъ «прости», исчезла подъ волною.

. . . . . .

На берегу лежалъ разбитый, блѣдный трупъ.
Въ глазахъ свинцовымъ сномъ страданье почи-
вало,
Гнѣздились черваки въ изгибахъ мертвыхъ губъ...
А вкругъ, какъ и тогда, все жизнію дышало,
Коварной жизнію, что изъ души зоветъ
Порывы, полные какой то жажды страстной,
И сладко такъ томитъ, и манитъ, и влечетъ
Въ какой то свѣтлый край, далекій и прекрасный.

XVII.

О нѣтъ, не говори такихъ святыхъ рѣчей!
Боюсь—подслушаютъ ихъ духи неземные,
Боюсь—узнаютъ въ нихъ созвучья имъ родныя,
И увлекутъ тебя туда... въ страну лучей....
Тогда... мнѣ страшно, другъ! съ тобой на вѣкъ
разстаться,
Тобою не дышать, тобой не любоваться,
Стонать въ гнетущей тьмѣ мучительныхъ ночей.....
О нѣтъ, не говори такихъ святыхъ рѣчей!

XVIII.

ПАМЯТИ ДИККЕНСА.

Ужь книга прочтена, прочтенъ разсказъ наивный,
А все еще въ душѣ сіяетъ, какъ живой,
Исполненъ красоты печальной и святой,
Изъ жизни вызванный тобою образъ дивный....
Онъ весь передо мной. Спокойныя черты
Проникнуты живой, высокой простотою....
Какъ блѣдны передъ нимъ, съ ихъ вычурной красою,
Созданія обманчивой мечты!

Ты въ жизни не искалъ блестящихъ исключеній,
Блескъ временныхъ свѣтилъ тебя не ослѣплялъ,
И все, чѣмъ умъ иной великихъ надѣлялъ,—
Все въ «малыхъ сихъ» нашелъ твой скромный геній.
И жизнь ты могъ назвать подругою своей......
Любимая тобой, она тебя любила, —
Отъ друга своего, что былъ такъ вѣренъ ей,
Завѣтныхъ тайнъ своихъ она не утаила....

О какъ ты зналъ её! Какъ ты умѣлъ мирить
Мятежный умъ съ ея тоской, слезами!
Какъ ты умѣлъ ея же словесами
Въ больной груди надежду поселить!
Не разъ въ тиши ночей, сомнѣньемъ исто-
мленный,
Въ созданіяхъ твоихъ забвенья я искалъ....
Стихала скорбь моя; тобою обновленный,
Мой павшій духъ вновь къ жизни воскресалъ,
Сомнѣніе съ груди моей спадало,
Вражда и ненависть смолкали въ ней, и вновь
Изъ пепла своего, какъ фениксъ, возникала
Безсмертная, всесильная любовь;
И плакалъ я, горя желаньемъ страстнымъ
Корыстныя мечты въ себѣ убить,
И снова міръ казался мнѣ прекраснымъ,
И снова я желалъ страдать и жить!

XIX.

Нѣтъ, не клейми её безжалостнымъ презрѣньемъ!
Вѣдь жизнь ея и безъ него—позоръ....
И не съ насмѣшкой злой, не съ пошлымъ наста-
вленьемъ,
Но съ ласкою къ ней обрати свой взоръ.

Забудь, что жизнь ея — рядъ грязныхъ сценъ
разврата,
И помня лишь, какихъ жестокихъ мукъ
Ей стоитъ эта жизнь,—сними рукою брата
Позора цѣпь съ ея усталыхъ рукъ,

Сними,—и уничтожь въ ней корень той отравы,
Что сдѣлала её—рабовъ рабой....
И вѣрь мнѣ другъ, весь блескъ мірской мишур-
ной славы
Въ единый мигъ потухнетъ предъ тобой!

XX.

СВѢТЪ.

Чародѣйственный свѣтъ въ мірѣ всюду разлитъ.
То въ лазури небесной онъ кротко сіяетъ,
То въ волнѣ отраженный пугливо мерцаетъ,
То звѣздой къ себѣ взоры манитъ;

То въ лучахъ восходящаго солнца блеститъ
И дождемъ бриллiантовыхъ искоръ сверкаетъ,
То въ вечернемъ сіяньи его замираетъ,
То зарею стыдливо горитъ....

Но милѣй мнѣ тотъ свѣтъ, что въ себѣ отразилъ
Цѣлый міръ полусвѣтлыхъ и кроткихъ лучей,
Что привѣтнымъ участьемъ мой путь озарилъ
Среди мрака глухихъ, непроглядныхъ ночей,
Тотъ, что павшую силу во мнѣ воскресилъ, —
Это свѣтъ твоихъ грустныхъ очей.

XXI.

ВЪ ЛѢСУ.

1.

Явилась ты—царилъ въ душѣ моей покой.
Въ ней струны чуткія молчали....
Но лишь коснулась ты струны ея одной,
Какъ всѣ въ ней хоромъ зазвучали!

Молчатъ вершины липъ предъ вешнею грозой,—
Какъ будто жить ужь перестали....
Но вѣтеръ вдругъ пахнулъ, коснулся лишь одной, —
И всѣ вѣтвями закачали!

2.

Какъ ты хорошъ весенній, юный лѣсъ!
Какъ чудно все въ тебѣ и надъ тобою!
Гляжу на верхъ, — прозрачною листвою,
Что кружевомъ, покрыта ткань небесъ;

Гляжу вокругъ, — все молодо, все живо,
Во всемъ разлитъ душистый, жаркій свѣтъ,
Все радостно, немолчно-говорливо,
И жизнь, все жизнь, ни тѣни смерти нѣтъ!

Задорно гнетъ березка стволъ свой гибкій,
И всей листвой трепещетъ и шумитъ,
И ель, — и та, угрюмая, съ улыбкой
Насупивъ иглы, на нее глядитъ......

И даже ты, забывъ свои невзгоды,
Больное сердце, даже ты поешь,
И въ стройный хоръ ликующей природы
На этотъ разъ разлада не несешь!

3.

Благодатныя вешнія бури!
Зрѣетъ туча на ясной лазури.....
Почернѣла, огнемъ прорвалася,
Загремѣла — гудитъ — пролилася
Оглушительнымъ ливнемъ-дождемъ,
И... да гдѣ жь эта туча, гдѣ громъ?—
Соловьиная трель раздается,
Небо синее будто смѣется,
Словно праздникъ на ясной лазури.....
Благодатныя вешнія бури!

4.

Іюльскій день. Часы жары и лѣни.
Тамъ, надо мной, сосновый лѣсъ шумитъ,
Внизу—обрывъ, за нимъ—рѣка бѣжитъ,
И ходятъ по рѣкѣ серебряныя тѣни,

И искрятся въ изгибахъ звучныхъ волнъ,
Со свѣтомъ звукъ причудливо сливая....
Таинственной гармоніи внимая,
Звучитъ и умъ мой, свѣтлыхъ мыслей полнъ;

Звучитъ и умъ, а сердце отвѣчаетъ
Ему на мысль біеніемъ своимъ....
Я чувствую,—природа мнѣ внимаетъ,
Я съ ней дышу дыханіемъ однимъ....

И ты недаромъ мнѣ родна, природа!
Твоя краса—краса души моей....
Не будь меня, съ лазореваго свода
Волшебникъ свѣтъ не сыпалъ бы лучей,

И тѣ лучи въ цвѣтахъ бы не играли,
Какъ радуга, на каждомъ лепесткѣ,
Серебряныхъ тѣней не стало бъ на рѣкѣ,
И сосны здѣсь безмолвно бы стояли........

5.

Я снова здѣсь. Надъ лѣсомъ дышетъ осень
Послѣдній лучъ сгарающаго дня
Прокрался межъ стволовъ высокихъ сосенъ,
И тихо, тихо все вокругъ меня....
И я одинъ... нѣтъ, не одинъ,—съ тобою,
Съ тобою я, мой чистый херувимъ!
Безвременья гнетущей суетою
Или тоской тяжелою гонимъ,
Сюда я прихожу бесѣдовать съ тобою
И думать о тебѣ, и именемъ твоимъ
Будить заснувшій лѣсъ, объятый тишиною.. ..
Зову тебя, зову, и любо мнѣ, какъ вдругъ
Проснется онъ на зовъ мой и внимаетъ,
И имя милое твое за звукомъ звукъ
На тысячу ладовъ мнѣ повторяетъ....

6.

Тебя ужь нѣтъ со мной. Душа моя болитъ.
Живительнымъ лучемъ ее ужь не даритъ
Улыбка милыхъ глазъ, и въ ней, осиротѣлой,
Царитъ лишь мракъ одинъ, какъ въ кельѣ опу-
стѣлой......

Такъ осенью—больной, поблекшій лѣсъ шумитъ.
Привѣтной теплотой его ужь не живитъ
Далекій солнца лучъ, и онъ, осиротѣлый,
Какъ въ трауръ стоитъ, изсохшій, пожелтѣлый.....

7

Я долго слушалъ васъ,—мнѣ тяжко стало,
И я ушелъ отъ вашихъ разговоровъ.
Ушелъ я въ лѣсъ. Тамъ свѣжая, густая
Трава меня взманила отдохнуть.
Я легъ въ нее; мой взоръ проникъ безцѣльно
Въ густую чащу зелени душистой,
И цѣлый міръ движенія и звуковъ
Открылся мнѣ: лѣсной, поджарый теноришко,
Комаръ мнѣ надъ ухомъ фальсетомъ заливался;
Кружась надъ ландышемъ, три пчелки дружно пѣли,
Кузнечикъ билъ имъ тактъ, а тамъ вдали гудѣла,
Весь покрывая хоръ, шмелиная октава......
Трещетка-стрекоза по временамъ мѣшала,
Но я прогналъ ее и долго слушалъ,—
И позабылъ всѣ ваши разговоры......

8.

Придешь ли ты опять? Въ душѣ моей больной
Зажжешь ли прежній свѣтъ?
И вновь всѣ струны въ ней звучать одной струной
Заставишь ты иль нѣтъ?

Приди: вѣдь бѣдный лѣсъ воскреснетъ вновь съ весной,
Лучемъ небесъ согрѣтъ,
И вновь вершины липъ шумливою волной
Пришлютъ намъ свой привѣтъ.

9.

Весна пришла, и съ нею воротились
И зелень травъ, и небо голубое,
И нѣга вешнихъ солнечныхъ лучей,
Въ лѣсу кипитъ раздолье молодое......

Весна пришла, но съ ней не воротились
Ни свѣжесть силъ, ни счастіе былое,
Ни красота минувшихъ юныхъ дней,—
Въ душѣ царитъ безмолвье гробовое.....

Весна пришла, а жизнь, спѣша, уходитъ,
И вешніе лучи въ ихъ юной силѣ
Насмѣшливо ей освѣщаютъ путь
Къ безсилію, а отъ него—къ могилѣ.......

XXXI.

ИЗЪ АЛЬБОМА ЖЕНСКИХЪ ГОЛОВОКЪ.

1.

Широкій лобъ, какъ смоль коса,
Морщинка гнѣва межъ бровей,
Въ слезахъ всѣ гордые, бездонные глаза,
И снѣжной кипѣни бѣлѣй, —
Какъ змѣйки, впившіеся зубы
Въ сухія, блѣдныя, трепещущія губы.

2.

Изъ рамки локоновъ льняныхъ
Глядятъ умильно и покорно
Два глаза блѣдно-голубыхъ
И носикъ, вздернутый задорно....
Но погодите, вотъ сейчасъ....
Сейчасъ зѣвнутъ вотъ эти губки,
И вы увидите, какъ разъ,—
Очаровательные зубки!

3.

Нѣтъ, въ жизни никогда заботъ она не знала!
Какъ ясный день блеститъ спокойное чело;
Каштановыхъ волосъ густое покрывало
На немъ себѣ пріютъ безоблачный нашло.
Но отчего же такъ не полѣтамъ серьезно
Глядятъ въ тѣни рѣсницъ глубокіе глаза?
Смотрите, будто въ нихъ сквозитъ.... сквозитъ безслезно
Былая, но на вѣкъ застывшая слеза.....
О нѣтъ, чрезъ много бурь головка та прошла!
Но всѣ ихъ переживъ, до пристани дошла.....

4.

Очаровательнѣйшій профиль....
Все дышетъ въ немъ коварной красотой....
Но въ этихъ глазкахъ, выгнутыхъ игриво,
Въ изгибахъ губъ, лукаво-шаловливо
Приподнятыхъ,—ручаюсь головой,—
Предюжинный гнѣздится мефистофель!

5.

Я узнаю тебя, цвѣтокъ страны родной....
Какъ хороша! Тебѣ, тебѣ одной
Такъ полно, жизненно пристали—
И темнорусая, волнистая коса,
И эти ясные и честные глаза,
Что такъ тепло, такъ ласково глядятъ,
Что въ жизни много такъ прощали,
И много вновь простятъ.....

6.

Какой апломбъ въ осанкѣ горделивой!
Величественъ, какъ нѣкій пьедесталъ
Блестящій подбородокъ; взоръ — кристаллъ
Безъ пятнышка, природы даръ счастливый!
О смертный, подойди, но помни—это храмъ,
А въ немъ погребены и мысль, и чувство,
И шаркнувши по правиламъ искусства,
Реки: je vous salue, madame!

7.

Какъ поблекнувшій ландышъ блѣдна.....
Въ темныхъ взорахъ улыбка и слезы:
Въ легкой дымкѣ тумана волна
Безмятежной и сладостной грёзы....
То—предвкусіе вѣчнаго дня....
То прощанье съ землею... Святая,
Когда будешь въ обители рая,
Помолись за меня!

8.

Мягкіе локоны,
Пухлыя губки,
Словно у кошечки
Острые зубки,
Щечки, о Господи,—
Просто какъ въ сказкѣ!..
И ужь какъ водится,—
Глупые глазки....

9.

Глаза, глаза, полцарства за глаза!
Такъ вскрикнулъ бы, увидѣвъ эти очи,
Король Ричардъ. Въ ихъ лучезарной ночи
Изчезла вся неправильность лица....
Волшебный взоръ, глубокій безъ конца,
Какъ синій лучъ мерцающей зарницы,—
И мракъ, и свѣтъ....и эта на рѣсницѣ
Жемчужиной повисшая слеза....
Глаза, глаза, полцарства за глаза!

XL.

ЗАСУХА.

Какъ душно! Въ воздухѣ—невидимое бремя...
Природа спитъ, безмолвствуетъ она
Въ оковахъ тяжкаго, болѣзненнаго сна,
И засыхаетъ плодъ, и умираетъ сѣмя....

—

Долины и лѣса притихли—не шумятъ.
Вездѣ безсилье. Зноемъ опаленый,
Въ садахъ безвременно желтѣетъ листъ зеленый.
Лопата и топоръ въ бездѣйствіи лежатъ....

—

Какъ тяжело дышать! Ослабѣваютъ руки....
Въ душѣ не спитъ сомнѣніе одно.
Проснется ли она? иль вѣчно суждено
Ей силы коротать средь этой сонной муки?

—

Приди, приди скорѣй, желанная гроза!
Дохни съ небесъ лихою непогодой,
Перунами промчись надъ спящею природой
И къ жизни пробуди и долы и лѣса!

XLI.

И колыбель и гробъ загадочны равно:
Какую цѣль таитъ твое рожденье?
Что ждетъ тебя подъ пепломъ разрушенья?
Узнать о томъ тебѣ не суждено.

—

Сумѣй лишь такъ прожить, чтобъ, умирая, силы
Твоей души вновь ожили бъ въ другой,
Чтобъ память и любовь свой свѣтъ живой
Затеплили надъ тьмой твоей могилы....

XLII

Нѣтъ, не скрывайся, не таи
Мечты завѣтныя свои!
Взрастивши ихъ въ душѣ своей,
Не допусти ихъ сгибнуть въ ней:
Другой душѣ ихъ передай,
А не пойметъ тебя—страдай....

—

Чего умомъ нельзя понять,
Пытайся сердцемъ передать.
Пусть ложью мысль облечена,—
Въ любви же истина одна!
Питаясь ей, другихъ питай,
А оттолкнутъ тебя,—страдай....

—

Умѣй въ другихъ собою жить,
Умѣй себя въ другихъ любить.
Узка, терниста та стезя,—
Но не страшись! По ней идя,
Сомнѣнью пищи не давай,—
Пріемли крестъ свой и страдай!

XLIII.

Есть въ жизни минуты тоски безысходной....
Душа изнываетъ. Какъ будто вампиръ
Незримый впился въ нее пастью голодной,
И душенъ, и тѣсенъ ей кажется міръ,
И рвется она вонъ изъ клѣтки тѣлесной
Во слѣдъ за мечтой, что манитъ ее въ даль,
Во слѣдъ за мечтой лучезарной, небесной,
Разстаться съ которой такъ жаль ей, такъ жаль....
Но тщетны порывы. Какъ саванъ могильный
Гнететъ ее тѣло. Нѣтъ выхода ей!
Она замираетъ въ борьбѣ непосильной,
Какъ въ вѣчно гнетущихъ цѣпяхъ Прометей!
Мечта же не ждетъ, и одна отлетаетъ
Въ свою безконечную, свѣтлую даль,
И въ бѣдной душѣ въ одинъ мигъ умираетъ
Все то, съ чѣмъ разстаться ей было такъ жаль ....

XLIV.

ИЗЪ ЛЕОПАРДИ.

Or poserai per sempre
Stanco mio cor...

Теперь ты спокойно на вѣки
Усталое сердце. Погибла послѣдняя греза,
Прошло заблужденье, хоть мы его вѣчнымъ считали.....
Мы въ сладкихъ обманахъ съ тобою
Не только надежды, — желанья, и тѣ издержали!
Покойся на вѣки. Довольно
Ты билось. Повѣрь мнѣ, ничто въ этомъ мірѣ не стоитъ
Біеній твоихъ, и вздоховъ твоихъ недостойна
Земля. Горька, безотрадна,
Скучна ея жизнь — и только, Свѣтъ теменъ и грязенъ.
Усни же. Пусть это роптанье,
Пусть будетъ послѣднимъ! Судьба ничего не дала намъ

Въ удѣлъ кромѣ смерти. Клейми же, о сердце, презрѣньемъ,
Клейми и себя, и тотъ вѣчный,
Слѣпой произволъ, что разноситъ повсюду страданье,
И міръ суеты безконечной!

XLV.

Видалъ ли ты, какъ путникъ изнуренный,
Томимый жаждою, въ полдневный зной,
Припавъ къ ручью, что льется углубленный
Среди камней извилистой волной,—
Пытается поймать спаленнымп устами
Прохладную струю, прикрытую камнями?
Такъ льнетъ мой чуткій слухъ къ изгибамъ тай-
нымъ
Твоихъ рѣчей, стремясь въ нихъ уловить
Участья лучъ, чтобъ имъ, хотя случайнымъ,
Хотя на мигъ мракъ сердца озарить!

XLVI.

Я далекъ отъ тебя. Но не ширью морей,
Не безумною силой житейскихъ препонъ
И не пошлостью свѣта, не злобой людской
Отъ тебя я, мой другъ, отдѣленъ.

—

Нѣтъ! Любовь такъ сильна—ей моря нипочемъ
Нипочемъ ей мірскую нужду побѣдить,
Бросить пошлости свѣта перчатку въ лице,
Злобу міра сего усыпить....

—

Нѣтъ,—красой твоей свѣтлой, безгрѣшной души,
Чистотой твоихъ тихихъ молитвъ, вотъ чѣмъ я,
Вотъ чѣмъ я, лучезарный мой другъ, навсегда,
Навсегда отрѣшенъ отъ тебя!

XLVII.

ИЗЪ РЮККЕРТА.

Бывалъ ли въ полѣ ты, не встрѣтивъ тамъ цвѣтка,
Въ которомъ видѣнъ Богъ, во всемъ, до лепестка?

Бывалъ ли ты съ людьми, не встрѣтивъ тамъ лица,
Въ которомъ не нашелъ подобія Творца?

Живи же межъ цвѣтовъ, а отъ людей—бѣгомъ...
Они тебя, мой другъ, поссорятъ и съ цвѣткомъ.

Когда же ты въ ладу съ цвѣтами будешь жить,
Ты худшихъ изъ людей научишься любить.

XLVIII.

Блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся.

Не бойся слезъ, въ нихъ есть своя отрада:
Въ минуты слезъ мы ближе къ небесамъ....
И знаю я,—насъ ждетъ за нихъ награда
Здѣсь —на землѣ, или надъ нею,—тамъ....

—

Не бойся слезъ! Кто въ жизни плакалъ много,
Тотъ жизни цѣль до глубины позналъ.
«Блаженство плачущимъ!»—то слово Бога....
Не человѣкъ, кто слезъ не проливалъ!

—

Не бойся слезъ, мой другъ,—онѣ святыя,
Онѣ символъ божественной красы,
Имъ нѣтъ цѣны: всѣ радости мірскія
Не выкупятъ одной мірской слезы!

XLIX.

День угасъ. Ты идешь долгожданная ночь!
Ты идешь, и бѣжитъ предъ твоимъ дуновеньемъ
Злоба дня съ ея смутнымъ волненьемъ
Отъ лица твоего величаваго прочь.
О царица, сойди благодатнымъ забвеньемъ
Къ изголовью ея, дорогой мнѣ души,
Силой чаръ своихъ въ ней заглуши
И болѣзнь и печаль съ ихъ томленьемъ,
Отжени отъ нея тяжкихъ думъ смутный рой,
И на лонѣ своемъ успокой!

L.

Дѣтьми еще другъ друга мы любили.
Была глупа та дѣтская любовь,
И мы ее, разставшись, позабыли.
Прошли года. Мы повстрѣчались вновь.
Взглянула ты,—и вскрикнулъ я невольно
Дремавшая въ груди, змѣя—печаль
Мнѣ сердце вдругъ ужалила такъ больно....
Такъ глупаго мнѣ дѣтства стало жаль!

LI.

Пощади, не смущай
Мое сердце слезой состраданья,
Не зови на признанья....
Прощай!

Не могу отплатить....
Не могу я за ласку живую
Все о чемъ я тоскую—
Открыть...

Ты не въ силахъ понять
Моихъ слезъ, моей муки постылой,
Ты не въ силахъ, другъ милый,
Понять:

Намъ судьбой не дано
Заглянуть въ сердце друга глубоко,
И всегда одиноко
Оно...

Пощади жь, не смущай
Мое сердце слезой состраданья,
Не зови на признанья...
Прощай!

LII.

Ты все ропщешь на то, что въ волненіяхъ дня
Отуманенъ стоитъ свѣтлый образъ искусства?
Что въ созданьяхъ ума нѣтъ святаго огня,
Что они въ насъ не будятъ ни мысли, ни чувства?

—

Не печался о томъ, то волненье пройдетъ,
Перебродитъ въ умахъ эта смута больная,
И поэзіи вѣчной краса неземная
Еще радостнѣй въ нихъ, еще ярче блеснетъ!

—

Посмотри, вотъ рѣка:—и грязна и мутна....
Часъ назадъ пролетѣла надъ ней непогода.
Ни зеленыхъ лѣсовъ, ни лазурнаго свода
Отразить въ своихъ волнахъ не въ силахъ она.

—

Не печался о томъ, туча скоро пройдетъ,
Волны стихнутъ, осядетъ въ нихъ грязь наплывная,

И безсмертнаго солнца краса неземная
Еще радостнѣй въ нихъ, еще ярче блестнетъ!

—

Не ропщи же на то, что больному уму
Въ пору смутъ и суетъ чужды свѣтлыя грезы:
Эти смуты, мой другъ, также нужны ему,
Какъ рѣкѣ ея бури и грозы.

LIII.

....Я былъ одинъ. Окрестъ,—какъ саванъ бѣлый,—
Равнина снѣжная легла со всѣхъ сторонъ....
Казалось, землю всю могильный обнялъ сонъ:
Въ безмолвіи тонулъ мой слухъ осиротѣлый....
Внизу—и мракъ и сонъ; но тамъ, надъ головою,
Въ прозрачной глубинѣ, подъ ризой золотою,
Волшебной жизнію дышали небеса...
Торжественный, безмолвный, неизвѣстный,
Мирьядами огней сіялъ чертогъ небесный,
Въ чертогѣ томъ свершались чудеса!
И чудилось мнѣ—тамъ, въ невѣдомомъ просторѣ,
Небесные міры собрались на совѣтъ,
Одна звѣзда другой передавала свѣтъ,
И всѣ они слились въ одномъ лучистомъ хорѣ,—
И тайна вѣчная предстала предо мной....
Неумолимая, полна грозы нѣмой,
Несчетной бездною очей она смотрѣла,
Казалось, свѣтомъ ихъ весь міръ обнять хотѣла,

Чтобъ затопить его бездонною ихъ тьмой!
И я стоялъ предъ ней, отъ ужаса нѣмѣя,
Стоялъ безпомощный, безсильный, какъ пигмей
Подъ тяжкою стопой могучаго Антея,
И страшно стало мнѣ за міръ и за людей!

LIV.

Ты не пришла. Измученный борьбою,
Съ тоской въ груди тебя я тщетно звалъ...
Мертвѣла жизнь, а я, я— все мечталъ,
Что эта жизнь воскреснетъ вновь съ тобою.
Ты не пришла!...А сколько свѣтлыхъ грезъ,
Святыхъ надеждъ съ тобой соединила
Душа моя...Но жизнь не такъ рѣшила:
Ты не пришла...Не надо больше слёзъ!
Нѣтъ, имъ я не отдамъ остатокъ силы!
Пусть мракъ кругомъ, пусть нечѣмъ озарить
Далекій путь...въ дорогу! Можетъ быть,
То лучшій путь до сумрака могилы....

LV.

ЭХО.

Нимфа, любимица горнаго Пана, красавца Нар-
цисса,
Сына Цертоса рѣчнаго безумно любила. Жестокій
Страстью ея пренебрегъ; ноя въ тоскѣ безнадежной,
Юная нимфа отъ горя въ былинку изсохла и сгибла,
Такъ что у Пана въ горахъ отъ нея одинъ го-
лосъ остался.
Онъ, безутѣшный, даетъ и понынѣ на зовъ человѣка
Отзывъ печальный, и ночью сонъ горныхъ духовъ
нарушаетъ.
Смертные, звуку внимая тому, его *Эхомъ* назвали.

LVI.

ПѢСНЯ.

Ни за грошъ судьба-колдунья
Молодца сгубила...
Знать не въ добрый часъ, родная,
Ты меня родила!

—

У груди своей кручина
Молокомъ вскормила—
Словно ѣдкимъ вражьимъ зельемъ
Меня опоила...

—

Незадача, да раздумье
Мнѣ друзьями были—
Мою силу молодую,
Волюшку сломили...

—

Да опричь тоска—дѣвица
Крѣпко полюбила—

Цѣлованьемъ, милованьемъ
Въ щепку изсушила!

—

Эхъ мятель-вьюга шальная,
Взвейся на просторѣ!
Утопи мое лихое
Счастье въ синемъ морѣ.

LVII.

КРАЛЬ ТРАЯНЪ.

(СЕРБСКАЯ СКАЗКА.)

1.

«Осѣдлай мнѣ скорѣе коня!
Ночь пришла. Посмотри, изъ за тучъ
Мѣсяцъ пролилъ свой трепетный лучъ...
Посмотри—онъ на землю упалъ,
По росѣ серебромъ засверкалъ,
Осѣдлай мнѣ скорѣе коня!
По долинамъ прохлада плыветъ,
Я спѣшу,—меня милая ждетъ,
Вся тоской и любовью горя....
Ночька—мигъ, не увидишь—пройдетъ,
А Траянъ по ночамъ лишь живетъ...
Эй, коня мнѣ скорѣе, коня!»
Такъ слугѣ своему Краль Траянъ говорилъ.
Жить во мракѣ ему рокъ суровый судилъ,
Не дышать теплотой ясныхъ, солнечныхъ дней,

Трепетать, убѣгать солнца яркихъ лучей.
Ахъ, смертеленъ ему былъ ихъ свѣтъ золотой:
Краль подъ нимъ разлился бы росой.
Къ воротамъ подвели быстроногихъ коней.
Краль готовъ, онъ бѣжитъ, онъ прыгнулъ изъ сѣней,
Ногу въ стремя вложилъ... вздрогнулъ конь боевой,
Чуя шпоры въ бокахъ, и помчался стрѣлой.
Вслѣдъ за нимъ поскакалъ Краля вѣрный слуга.
Замелькали лѣса и луга.

2.

И несется Траянъ, мракомъ ночи одѣтъ,
По полямъ окропленнымъ росой,
По дорогѣ онъ шлетъ свой сердечный привѣтъ
Темнотѣ и прохладѣ ночной.
И весельемъ кипитъ, и отвагой горитъ,
И смѣясь, самъ съ собой говоритъ:
«Мѣсяцъ, мѣсяцъ, гори въ вышинѣ!
Ты не страшенъ, серебряный, мнѣ...
Звѣзды, звѣзды, зажгитесь свѣтлѣй—
Не растаю отъ вашихъ лучей!
Въ ихъ сіяньи мнѣ любо скакать,
Любо мнѣ по травѣ замѣчать,
Какъ алмазами дивной красы
Они смотрятся въ капляхъ росы.
О красавица—ночь, ты какъ мать мнѣ родна!
Я живу, моей мысли легко,
Въ широтахъ поднебесья витаетъ она
Надъ землей высоко, высоко!»

Такъ Траянъ говорилъ, а слуга все грустилъ:
Ночь была не по немъ, ясный день онъ любилъ.
Не по сердцу ему, что подобно тѣнямъ,
Они въ сумракѣ ночи неслись по полямъ.

3.

Вся нетерпѣньемъ горя и любовью,
Съ грудью горячей и черною бровью,
Дѣва Траяна ждетъ въ замкѣ далекомъ,
Ждетъ и вздыхаетъ въ раздумьѣ глубокомъ.
Чу! На мосту конскій топотъ раздался,
Вотъ по немъ всадникъ, какъ вѣтеръ, промчался,
Вотъ у крыльца онъ; на землю сойдя,
Бросилъ поспѣшно слугѣ поводья....

4.

Долго съ дремотой боролся слуга,
    Сонныя вѣки смыкались,
    Сонныя нивы, лѣса и луга
    Тихо вокругъ разстилались.
Всюду царилъ безмятежный покой,
Сонъ навѣвалъ влажный вѣтеръ ночной.
Вдругъ онъ очнулся, на небо взглянулъ:
    На небѣ звѣзды блѣднѣли,
Мѣсяцъ серебряный въ морѣ тонулъ,
    Чу! пѣтухи ужь пропѣли!
Мощной рукою онъ въ дверь постучалъ:
«Краль, пробудись, ужь пѣтухъ прокричалъ!»

«Спать не мѣшай мнѣ,—онъ рано поетъ,
Долго еще до разсвѣта!
Зорька румяная, солнца восходъ—
Вотъ моей смерти примѣта!»
Кралю послушный, слуга замолчалъ,
Долго, напрасно Траяна онъ ждалъ.
Звѣзды померкнули, мѣсяцъ погасъ:
Зорька красавица встала!
Пурпуромъ теплымъ лазурь облилась,
Ожило все, засіяло....
«Краль, пробудись, тебѣ гибель грозитъ:
Зорька сгорѣла ужь, солнце спѣшитъ!»
«Слышу, мой вѣрный слуга, но постой,
Съ милою дай мнѣ проститься....
Солнце обгонитъ мой конь боевой,—
Вихремъ домой возвратится!»
Вышелъ Траянъ, въ поднебесье взглянулъ—
Раненый конь словно мячикъ прыгнулъ.

5.

И несется Траянъ, но ужь вспыхнулъ востокъ,
Загорѣлся! То солнце идетъ!..
Конь Траяна усталъ, Краль отъ замка далекъ....
Еще мигъ, и лучъ смерти блеснетъ!
Чуя гибель свою, Краль отъ страха дрожитъ,
И слугѣ, чуть дыша, говоритъ:
«Я съ коня соскочу, надо мной
Черный плащъ мой раскинь...самъ—домой,
За дружиною, въ замокъ, скорѣй,

Краль спасется отъ жгучихъ лучей!»
И несчастный на землю упалъ,
И слуга надъ нимъ плащъ разостлалъ.

6.

Солнце блеснуло—промчался
По лѣсу радостный гулъ,
Жаворонокъ къ небу поднялся,
Лугъ ароматомъ дохнулъ...
Тяжко дышалъ подъ плащемъ, недвижимый,
Краль злополучный, тоскою томимый.
Чу! раздались голоса—
То пастухи со стадами
Шли изъ селеній лугами....
Плащъ дорогой увидали,
Мигомъ находку подняли,
И содрогнулись лѣса:
Такъ злополучный Траянъ застоналъ—
Часъ роковой его смерти насталъ!
Солнце ударило въ очи—
Очи въ слезахъ потонули.
Слезы текутъ по ланитамъ—
Таютъ уста и ланиты,
Струйками льются на перси—
Съ персей ручьями стекаютъ,
На руки плещутъ—потокомъ
Стройныя ноги объемлютъ....
Мигъ—и Траяна не стало:

Въ капляхъ прозрачныхъ потока
Тѣло его заблистало....
Но не надолго: палящая сила
Жгучаго солнца потокъ изсушила.

7.

И съ тѣхъ поръ замокъ Краля развалиной сталъ,
По стѣнамъ его травы ростутъ.
А въ покояхъ его, гдѣ Траянъ обиталъ,
И гдѣ солнечный лучъ никогда не игралъ,—
Однѣ совы ночныя живутъ.

LVIII.

ИТАЛІЯ.

(СОНЕТЪ ФИЛИКАЙИ).

О родина моя! На горе надѣлила
Тебя судьба красою роковой:
Наслѣдіе печали вѣковой
Въ той чудной красотѣ она тебѣ вручила!
О лучше бъ не краса былъ даръ ея, но сила —
Чтобъ менѣе любя, поклонникъ твой
Отъ робости дрожалъ бы предъ тобой!
Тогда его любовь тебя бы не губила,

Тогда твои враги, толпою разъяренной,
Къ тебѣ съ высокихъ Альпъ не смѣли бъ приходить,
Тогда бы не пришлось волной окровавленной
Родимой По галлійскихъ ордъ поить,
И мечъ чужой нося, не стала бъ ты служить
Другимъ и вольною, и полоненной!

LIX.

НОВЫЙ ТРУДЪ.

О трудъ, ты одолѣлъ больное наше время,
На все свою печать успѣлъ ты наложить,
Всѣ чувствуютъ въ груди твое лихое бремя,
И всѣ твердятъ одно: какъ трудно стало жить!
Какъ царь, ты движешь всѣмъ и все къ себѣ приводишь,
Согнулось все подъ тяжестью твоей....
Предвѣстникъ новыхъ дней, ты уже не походишь
На прежнія «дѣла давно минувшихъ дней!»
Не требуютъ отъ насъ геройскаго страданья,
Мечтательныхъ побѣдъ отъ насъ уже не ждутъ,
Теперь отъ насъ хотятъ простаго прилежанья,
Готовности идти на тяжкій, черный трудъ....
И вотъ стоимъ мы всѣ надъ нашею работой,
И робости въ душѣ не въ силахъ заглушить,
И всѣ больны однимъ—сомнѣньемъ и заботой,
И всѣ твердимъ одно: какъ трудно стало жить!

LX.

Бѣги, бѣги успокоенья,
Вѣдь жизнь—борьба живыхъ началъ...
Въ одной борьбѣ твое спасенье,
Въ борьбѣ земной твой идеалъ!

—

Пусть предъ тобой и за тобою
Стоитъ одна слѣпая тьма,
И давитъ тяжкою стопою
Порывы свѣтлаго ума;

—

Пусть надъ тобой, грозя паденьемъ,
Какъ мечъ Дамокла, смерть виситъ
И дышетъ всюду разрушеньемъ...
Вѣдь мысль она не побѣдитъ!

—

Что цѣпь раба? его названье?
Что гнетъ безсмысленныхъ оковъ?
Одно лишь рабское сознанье,
Одинъ покой творитъ рабовъ!

ПЕРЕВОДЫ.

РАЗГОВОРЫ ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ.

(РИЧАРДУ ВАСИЛЬЕВИЧУ БЁМЕ.)

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Джàкомо Леопарди, имя котораго извѣстно большинству русскихъ читателей лишь по немногимъ и большею частію неудачнымъ переводамъ нѣкоторыхъ его стихотвореній, принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ, избранныхъ натуръ, въ которыхъ живой поэтическій даръ соединялся съ глубокими философскими и научными познаніями. Онъ жилъ и писалъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія, въ то время, когда Италія представляла собою печальную картину политическаго и нравственнаго упадка. Въ этомъ обстоятельствѣ отчасти можно искать причинъ его мрачнаго, безотраднаго міросозерцанія, которое отразилось во всѣхъ его сочиненіяхъ и которому онъ остался вѣрнымъ до конца своей жизни. Предлагаемые читателю Разговоры (Dialogi) составляютъ едва ли не главное и наиболѣе прочувствованное произведеніе Леопарди. Въ нихъ въ высшей степени ясно, глубоко и поэтично выражены и сущность его философіи, и характе-

ристическія черты его скорбнаго міросозерцанія, которое и свело поэта въ раннюю могилу. Леопарди умеръ въ 1837 г. на 39 году жизни.

РАЗГОВОРЫ ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ.

1.

ГЕРКУЛЕСЪ И АТЛАНТЪ.

Геркулесъ. Здорово, дядя Атлантъ. Зевсъ посылаетъ тебѣ поклонъ и желаетъ, чтобъ я облегчилъ тебя на нѣсколько часовъ отъ мiровой тяжести, какъ это разъ и было, не помню сколько вѣковъ тому назадъ. Онъ полагаетъ, что ты усталъ, и тебѣ не мѣшало бы отдохнуть немного.

Атлантъ. Спасибо тебѣ, милый Геркулесикъ. Я премного обязанъ его величеству Зевсу; но, видишь ли, мiръ сдѣлался теперь такъ легокъ, что даже этотъ плащъ, который меня защищаетъ отъ снѣга, тяжеле его; и если бы Зевсъ не приказалъ мнѣ стоять здѣсь и держать на плечахъ этотъ шарикъ,— я преспокойно взялъ бы его подъ мышку или въ карманъ, да и пошелъ бы себѣ, куда нужно.

Геркулесъ. Какъ же это онъ такъ вдругъ полегчалъ? Правда, я замѣчаю, что форма его нѣсколько измѣнилась, и онъ походитъ теперь скорѣе на сайку, нежели на круглый хлѣбъ, какъ это было,

когда еще я учился космографіи для участія въ походѣ Аргонавтовъ, но все-таки не понимаю, почему онъ потерялъ свой прежній вѣсъ......

Атлантъ. Почему—я и самъ не знаю. Но тебѣ легко убѣдиться въ этомъ: попробуй подержать его немножко на рукѣ......

Геркулесъ. Клянусъ Геркулесомъ, я не повѣрилъ бы этому, если бы самъ не чувствовалъ! Но погоди, я открываю еще кое что новое.... Помню очень хорошо, что прежде, когда я его держалъ, онъ бился о мою спину, какъ сердце о грудную клѣтку и безпрерывно жужжалъ, какъ осиное гнѣздо. Теперь же..... теперь онъ стучитъ едва слышно, будто часы съ сломанной пружиной, а шума и совсѣмъ не слыхать.....

Атлантъ. Объ этомъ я могу сообщить тебѣ только то, что уже давнымъ давно въ немъ незамѣтно ни движенія, ни чувствительнаго шума. Сначала я думалъ, ужь не умеръ ли онъ и со дня на день ожидалъ, что вотъ-вотъ запахнетъ мертвечиной; уже безпокоился о томъ, гдѣ бы его похоронить, даже придумывалъ ему приличную эпитафію. Но видя, что онъ не разлагается, я рѣшилъ, что онъ изъ животнаго превратился въ растеніе, какъ это было съ Дафной и съ другими, а потому не двигается и не дышетъ. Я еще и теперь побаиваюсь, какъ бы онъ не пустилъ мнѣ корней въ спину.....

Геркулесъ. А я такъ просто думаю, что онъ спитъ, и что сонъ его, какъ сонъ Эпименида, можетъ продолжаться полвѣка и болѣе. А можетъ быть, съ нимъ случилось тоже, что говорятъ о Гермотимѣ, душа котораго могла оставлять тѣло, когда ей бы-

ло угодно, путешествовала иногда цѣлые годы по разнымъ странамъ и, нагулявшись дò сыта, снова возвращалась домой; такъ было до тѣхъ поръ, пока услужливые друзья не сожгли тѣла и возвратившаяся душа, найдя свой домъ уничтоженнымъ, принуждена была перемѣнить квартиру или остановиться въ гостинницѣ. Боюсь, что съ міромъ можетъ случиться та же исторія и что какой нибудь другъ или благодѣтель, думая, что онъ умеръ, предастъ его огню; а потому, дядя Атлантъ, попробуемъ какъ нибудь разбудить его.....

Атлантъ. Хорошо, но какимъ образомъ?

Геркулесъ. Я былъ бы не прочь стукнуть его моей дубинкой, но боюсь, что онъ подъ моимъ ударомъ превратится въ вафлю или треснетъ, какъ яйцо, тѣмъ болѣе, что теперь онъ сдѣлался легче, и скорлупка его должна быть очень тонка. Да и люди, которые въ мое время сражались со львами, а теперь сражаются съ блохами, пожалуй, всѣ разомъ перемрутъ отъ моего удара.—Сдѣлаемъ лучше вотъ что: я уберу свою дубину, а ты снимай халатъ, и мы поиграемъ немножко.... въ лапту́. Жаль только, что я не захватилъ съ собой нарукавниковъ и отбойника, которыми мы съ Меркуріемъ играемъ въ залахъ и садахъ Зевса...... Впрочемъ, довольно будетъ и кулака.

Атлантъ. Такъ-то такъ. Но если твой родитель, увидя нашу игру, вздумаетъ присоединиться къ намъ съ своимъ огненнымъ мячикомъ, и мы оба очутимся, какъ Фаэтонъ, чортъ знаетъ гдѣ?...

Геркулесъ. Да, еслибъ я былъ, какъ Фаэтонъ, сынъ поэта, а не его собственный. Большая раз-

ница, дядя. Поэты звукомъ своей лиры населяли города, а я звукомъ своей дубинки могу обезлюдить небо и землю; а мячикъ родителя я однимъ ударомъ носка могу зашвырнуть на послѣдній чердакъ неба. Но будь покоенъ, мнѣ сходятъ съ рукъ и не такія штуки: еслибъ, напримѣръ, мнѣ вздумалось такъ, играючи, сорвать съ петель пять-шесть звѣздъ, или пострѣлять въ цѣль кометой, схвативъ её за хвостъ, или, наконецъ, сдѣлать изъ солнца цѣль для игры въ дискъ, родитель мой показалъ бы видъ, что не замѣчаетъ моихъ шалостей. Къ тому же не забудь, что цѣль нашей игры—сдѣлать добро міру, а не похвастаться своей легкостью передъ какими нибудь Орами, которые подсаживали бѣдняка Фаэтона на колесницу, или прослыть у боговъ искусными кучерами.... Однимъ словомъ, забудь, что папà можетъ разсердиться: я все беру на себя. Ну, живѣй, посылай мнѣ мячикъ!

Атлантъ. Дѣлать нечего, быть по твоему.... Смотри только, не урони его, иначе мы насажаемъ ему новыхъ шишекъ, либо испортимъ или оторвемъ у него что нибудь вродѣ того, какъ, помнишь, Сицилія оторвалась отъ Италіи и Африка отъ Испаніи......

Геркулесъ. Во мнѣ не сомнѣвайся....

Атлантъ. Ну, держи же! Смотри, какъ онъ ковыляетъ въ воздухѣ... Совсѣмъ испортился мячикъ.....

Геркулесъ. Эхъ, поддавай хорошенько.... не добрасываешь....

Атлантъ. Ничего не подѣлаешь.... вѣтеръ относитъ.... больно ужь легокъ....

Геркулесъ. Ну, это его старый грѣхъ.... Куда вѣтеръ, туда и онъ......

Атлантъ. Не мѣшало бы его немножко понадуть, а то прыгаетъ подъ рукой не лучше старой дыни....

Геркулесъ. Вотъ это ужь новость! Прежде онъ прыгалъ козломъ....

Атлантъ. Ахъ, бѣги, бѣги скорѣе... упадетъ, клянусь Зевсомъ, упадетъ.... Ну, такъ и есть! Чертъ бы побралъ тебя съ твоей игрой!

Геркулесъ. Ну, дядя, не сердись. Посмотримъ, что съ нимъ. Что, бѣдняжка? Больно ушибся? Что чувствуешь?.... Удивительное дѣло, хоть бы шелохнулся, ничего не слышно.... Спитъ, какъ прежде!

Атлантъ. Эхъ, оставь ты его въ покоѣ, ради самого Стикса! Я снова взвалю его на плечи, а ты бери свою дубину, отправляйся скорѣе на небеса и извинись за меня передъ Зевсомъ въ этой оплошности, что я сдѣлалъ по твоей милости.

Геркулесъ. Ладно, ладно. Но слушай, дядя: давнымъ давно у насъ въ домѣ живетъ извѣстный поэтъ Горацій, котораго папаша канонизировалъ. Онъ распѣваетъ славныя пѣсенки и въ одной изъ нихъ говоритъ, что справедливый человѣкъ не двинется даже тогда, когда упадетъ міръ. Я думаю, что сего—дня всѣ люди справедливы, потому что міръ упалъ, и никто не пошевелился....

Атлантъ. Кто же сомнѣвается въ справедливости людей? Но не теряй же времени, бѣги къ отцу: того и гляди онъ броситъ свою молнію и превратитъ меня изъ Атланта въ Этну.

2.

МОДА И СМЕРТЬ.

Мода. Госпожа Смерть, госпожа Смерть!

Смерть. Пробьетъ часъ, я приду и безъ твоего приглашенія.

Мода. Госпожа Смерть!

Смерть. Убирайся къ черту! Говорятъ тебѣ — приду безъ приглашенія.

Мода. Какъ будто я не безсмертна?

Смерть. Безсмертна?

«Прошло уже болѣе тысячи лѣтъ,»

съ тѣхъ поръ какъ кончились времена безсмертныхъ.

Мода. Госпожа подражаетъ Петраркѣ, какъ итальянскій лирикъ XV или XVIII вѣка?

Смерть. Я люблю стихи Петрарки, потому что нахожу въ нихъ свое торжество: онъ почти вездѣ говоритъ обо мнѣ. Однако, убирайся!

Мода. Заклинаю тебя любовью, которую ты питаешь къ семи смертнымъ грѣхамъ, остановись и посмотри на меня!

Смерть. Смотрю.

Мода. Не узнаешь меня?

Смерть. Ты должна знать, что зрѣніе мое очень плохо, а очковъ у меня нѣтъ, потому что англи-

чане еще не изобрѣли такихъ, которые были бы мнѣ по глазамъ; да впрочемъ, если бы и изобрѣли, мнѣ не на что было бы надѣть ихъ.

Мода. Я мода—сестра твоя.

Смерть. Сестра?

Мода. Да. Развѣ ты забыла, что мы обѣ родились отъ Дряхлости?

Смерть. Немудрено: я смертельный врагъ памяти.

Мода. А я такъ помню это очень хорошо и знаю, что обѣ мы стремимся къ одной цѣли—безпрерывно передѣлывать и измѣнять все въ подлунномъ мірѣ, хотя идемъ къ ней разными дорогами.

Смерть. Если ты хочешь, чтобъ я тебя слышала, потрудись возвысить голосъ и получше выговаривай слова, а не бормочи сквозь зубы: слухъ у меня не лучше зрѣнія.

Мода. Хотя это теперь не въ обычаѣ, и во Франціи вообще не принято говорить такъ, чтобъ было слышно, но мы—сестры, и намъ нечего церемониться, а потому, я буду говорить, какъ тебѣ угодно. Я говорю, что наше назначеніе и цѣль,—постоянно подновлять міръ; но ты прежде всего бросаешься на тѣло и кровь, тогда какъ я довольствуюсь бородами, волосами, одеждой, домашней обстановкой и т. под. Правда, нерѣдко и я продѣлываю штуки не хуже твоихъ: сверлю, напримѣръ, уши, а иногда губы и носы, продѣвая въ нихъ различныя бездѣлушки; обжигаю человѣческое мясо горячими оттисками различныхъ рисунковъ, чтобъ сдѣлать его красивѣе; формирую дѣтскія головки различными повязками, которыя дѣлаютъ ихъ похожими на го-

ловы американскихъ и азіятскихъ дикарей, уродую людей посредствомъ усовершенствованной обуви, душу ихъ корсетами и пр. и пр. Вообще, я убѣждаю и принуждаю всѣхъ порядочныхъ людей ежедневно переносить тысячи неудобствъ и безпокойствъ, часто страдать, а иногда и умирать со славою изъ любви ко мнѣ. Не стану распространяться о головныхъ боляхъ, простудахъ, флюсахъ и всевозможныхъ лихорадкахъ, которыя переносятъ люди, чтобъ повиноваться мнѣ. По моей волѣ они готовы дрожать отъ холода или задыхаться отъ жара и вообще дѣлать множество вредныхъ для себя вещей.

Смерть. Теперь я вижу, что ты дѣйствительно сестра мнѣ и готова считать тебя сестрою. Однако, стоя такъ, я могу упасть въ обморокъ, а потому, если у тебя хватитъ духа бѣжать со мной рядомъ,— смотри не надорвись; я бѣгаю очень скоро; на бѣгу ты можешь мнѣ разсказать все, что нужно; если же нѣтъ, я въ силу нашего родства, обѣщаю оставить тебѣ послѣ смерти весь свой гардеробъ.

Мода. Ну, что касается до бѣготни, то трудно рѣшить, кто изъ насъ сильнѣе, потому что если ты бѣжишь рысью, я иду галопомъ, даже скорѣе, а отъ стоянки я не только падаю въ обморокъ, но и совсѣмъ умираю. А потому—побѣжимъ и потолкуемъ дорогой.

Смерть. Въ добрый часъ!... И такъ, если мы дѣйствительно родились отъ одной матери, съ твоей стороны будетъ совсѣмъ не по родственному, если ты откажешься немножко пособить мнѣ въ моихъ дѣлахъ.

Мода. А развѣ я не дѣлаю этого? Я даже предупреждаю твои желанія: безпрерывно видоизмѣняя и уничтожая всѣ другія привычки, я никогда не посягаю на привычку умирать, и потому, какъ видишь, смерть существуетъ повсюду отъ начала міра до нынѣшняго дня.

Смерть. Удивительно, какъ это ты не сдѣлала того, чего не могла сдѣлать!

Мода. Какъ не могла сдѣлать? Какъ видно, ты еще не имѣешь понятія о могуществѣ Моды.

Смерть. Ну хорошо, хорошо; объ этомъ мы еще успѣемъ потолковать, когда умирать будетъ не въ модѣ. Но было бы хорошо , сестрица, еслибы ты помогла мнѣ достигнуть совершенно противуположныхъ результатовъ,—словомъ, чтобы мое дѣло пошло легче и быстрѣе, нежели какъ это было до сихъ поръ.....

Мода. Я уже говорила тебѣ о нѣкоторыхъ моихъ дѣлишкахъ, которыя и для тебя не безполезны; но это глупости въ сравненіи съ тѣмъ, что я тебѣ скажу сейчасъ. Въ послѣднее время, единственно чтобъ услужить тебѣ, я вывела изъ употребленія тѣ виды занятій и упражненій, которыя помогаютъ тѣлесному здоровью, и взамѣнъ ихъ частію ввела, а частію еще изобрѣтаю въ огромномъ количествѣ такія, которыя убиваютъ тѣло и сокращаютъ жизнь. Кромѣ того, я пустила въ міръ такіе порядки и обычаи, вслѣдствіе которыхъ самая жизнь (какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ) стала скорѣе мертвою, чѣмъ живою, такъ что настоящій вѣкъ можно по справедливости назвать вѣкомъ смерти. Вспомни прежнее время, когда ты

принуждена была гнѣздиться во рвахъ и пещерахъ и во мракѣ сѣять кости и прахъ—сѣмена, которыя не приносили плодовъ. А теперь? Какая разница! Твои владѣнія озарены свѣтомъ солнца; всѣ эти живые люди становятся твоею неотъемлемою собственностью, твоими слугами, даже и въ томъ случаѣ, когда ты не берешь ихъ тотчасъ послѣ рожденія. Но это еще не все: прежде тебя ненавидѣли и поносили, теперь же, по моей милости, всѣ умные люди цѣнятъ и хвалятъ тебя, противупоставляя самой жизни; тебя призываютъ тысячи голосовъ, тысячи взоровъ обращены на тебя, какъ на лучшую надежду! Наконецъ, замѣчая, какъ нѣкоторые честолюбцы желали обезсмертить себя т. е. умереть не совсѣмъ, но избавить добрую часть своего существа отъ твоихъ когтей, я, хотя и знала, что все это лишь пустая болтовня и что мертвецамъ, если бы они и продолжали жить въ памяти живыхъ, нисколько отъ этого не легче, — однако, услыхавъ, что эта басня о безсмертіи тебѣ не нравится и подрываетъ твою репутацію, я уничтожила эту привычку искать безсмертія, уничтожила даже самую возможность заслужить его. И теперь, ужь если человѣкъ умеръ, то будь увѣрена, что отъ него не осталось ни одного кусочка, который бы не былъ мертвъ; онъ долженъ отправиться въ могилу весь, сполна, какъ снятокъ, проглоченный вмѣстѣ съ костями и чешуей. Не хвастаясь скажу, что все это я сдѣлала изъ любви къ тебѣ, изъ желанія расширить твое могущество,—и не безъ успѣха. Наконецъ, я и впредь готова помогать тебѣ всѣми силами и съ этимъ намѣреніемъ искала

встрѣчи съ тобою. Удивляюсь, какъ мы могли до сихъ поръ дѣйствовать врозь: идя рука объ руку, мы можемъ совѣтываться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и сообща изыскивать наилучшія средства къ достиженію нашей общей цѣли. Умъ хорошо, а два лучше.

Смерть. Ты говоришь правду, сестра. Отнынѣ мы будемъ дѣйствовать вмѣстѣ.

3.

ДОМОВОЙ И ГНОМЪ. *)

Домовой. А, ты здѣсь, сынокъ Сабацiя? Куда идешь?

Гномъ. Отецъ послалъ меня развѣдать, какого черта дѣлаютъ эти бездѣльники люди? Онъ удивляется тому, что они уже давно насъ ничѣмъ не безпокоятъ, и ни одинъ изъ нихъ не показываетъ носа въ наши владѣнiя. Ужь не задумали ли они противъ насъ чего нибудь особенно скверняго? Или, можетъ быть, снова вернулся обычай торговать на скотъ, а не на золото и серебро? Или люди положили довольствоваться бумажными деньгами вмѣсто звонкой монеты? Или, наконецъ, они снова возчувствовали уваженiе къ законамъ Ликурга, что особенно невѣроятно?

Домовой.

«Вы ждете ихъ тщетно: всѣ мертвы они;»

такъ гласитъ эпилогъ одной трагедiи, гдѣ умираютъ всѣ дѣйствующiя лица.

Гномъ. Что ты хочешь этимъ сказать?

---

*) Гномы — крошечные подземные духи, изобрѣтенные фантазiей iудейскихъ кабалистовъ. Прим. пер.

Домовой. Я хочу этимъ сказать, что всѣ люди умерли, и родъ человѣческій погибъ.

Гномъ. Ну, это навѣрное газетныя сплетни, хотя я что-то не читалъ объ этомъ......

Домовой. Глупецъ, развѣ ты не понимаешь, что если умерли люди, то газеты ужь болѣе не печатаются?

Гномъ. Такъ то такъ.... Но какъ же мы будемъ получать новости съ земли?.

Домовой. Какія это новости? Что взошло или зашло солнце, что холодно или тепло, что шелъ дождь или снѣгъ, что было вѣтрено? Пойми, мой милый, что безъ людей фортуна должна снять свою повязку, надѣть очки, привязать на крючекъ свое колесо, сѣсть сложа руки, да и глядѣть на міръ, не шевеля пальцемъ; безъ людей нѣтъ болѣе ни королевствъ, ни имперій, которыя надувались и лопались, какъ пузыри,—онѣ разсѣялись какъ дымъ; нѣтъ ни войнъ, ни революцій, и всѣ годы становятся похожими другъ на друга, какъ двѣ капли воды......

Гномъ. Даже нельзя узнать—которое число, потому что календари не печатаются.....

Домовой. Не велика важность. Луна отъ этого не собьется съ дороги.

Гномъ. Нѣтъ ни понедѣльниковъ, ни вторниковъ.... дни остаются безъ названія.

Домовой. Развѣ ты боишься, что они перестанутъ существовать безъ названій? Или, называя ихъ по имени, думаешь вернуть ихъ назадъ, если они уже прошли?

Гномъ. Нельзя вести счетъ годамъ.....

Домовой. За то мы долѣе будемъ считать себя молодыми; не считаясь съ прошедшимъ, будемъ меньше страдать, а когда состарѣемся,—не станемъ безпокоиться, ожидая смерти изо дня въ день.

Гномъ. Но какъ же это вдругъ исчезли эти бездѣльники?

Домовой. Частью отъ войнъ и кораблекрушеній, частью отъ людоѣдства и самоубійства, частію отъ праздности и труда, отъ слишкомъ веселой жизни, отъ болѣзней......

Гномъ. Но во всякомъ случаѣ удивительно, какимъ образомъ цѣлый родъ животныхъ могъ потерять корень, какъ ты говоришь?

Домовой. Напротивъ, удивительно то, какъ ты, спеціалистъ по геологіи, находишь въ этомъ что-то необыкновенное: развѣ ты не знаешь, что отъ многихъ видовъ животныхъ, которыя когда-то жили, остались теперь лишь окаменѣлыя кости? А между тѣмъ эти бѣдныя творенія не употребляли ни одного изъ тѣхъ способовъ, которыми, какъ я сказалъ, руководствовались люди, идя къ своей погибели.

Гномъ. Пусть будетъ по твоему; но все таки я желалъ бы, чтобъ ожилъ хоть одинъ или двое изъ всей этой сволочи: интересно знать, что они подумали бы, увидѣвъ, что въ мірѣ все идетъ по прежнему? Вѣдь они полагали, что земля создана и существуетъ единственно для нихъ....,

Домовой. И не хотѣли вѣрить тому, что она создана и существуетъ для домовыхъ......

Гномъ. Ну, это, положимъ, дѣйствительно странно, если ты говоришь не шутя.....

Домовой. Почему же? Я говорю совершенно серьезно.

Гномъ. Убирайся, шутникъ! Кому неизвѣстно, что земля создана для гномовъ?

Домовой. Которые живутъ всегда подъ нею? Это однако премило! Спрашивается, на кой чертъ гномамъ—солнце, луна, воздухъ, море, поля?

Гномъ. А накой чертъ домовымъ золотые и серебряные рудники и вся земля, за исключеніемъ поверхности?

Домовой. Ну, хорошо, хорошо, оставимъ это препирательство: даже ящерицы и мошки,—и тѣ думаютъ, что міръ созданъ исключительно для нихъ, и попробуй—разубѣди ихъ въ этомъ! Съ своей стороны я скажу только, что не родись я домовымъ,—я пришелъ бы въ отчаяніе.

Гномъ. Тоже самое было бы со мной,—не родись я гномомъ.—Но, право, любопытно знать, что сказали бы люди о своемъ якобы правѣ, по которому они, между прочимъ, запускали тысячи рукъ въ наши владѣнія и грабили наше имущество, говоря, что оно принадлежитъ имъ, и что природа спрятала его у насъ только въ шутку, желая испытать, найдутъ ли они его и смогутъ ли извлечь наружу.

Домовой. Это еще не удивительно: они не только полагали, что все въ мірѣ назначено исключительно къ ихъ услугамъ, но считали, что это все не болѣе какъ пустяки въ сравненіи съ ними. Свои дѣлишки они называли міровыми переворотами, свою исторію—всемірной исторіей, хотя и могли бы сообразить, что рядомъ съ ними существуетъ множество животныхъ, дѣйствительно созданныхъ для

нихъ, которыя однако не замѣчали, чтобъ міръ хоть разъ перевернулся.

Гномъ. Какъ, стало быть комары и блохи также были созданы на пользу людямъ?

Домовой. Конечно: для того, чтобъ имъ упражняться въ терпѣніи, какъ они сами говорили.

Гномъ. Дѣйствительно, чѣмъ бы они могли упражнять свое терпѣніе, еслибъ не существовало блохъ!

Домовой. Другое дѣло — свиньи. Это, по словамъ Кризиппа,—куски мяса, приготовленные природой для кухни людей и (чтобъ не портились) немножко приправленные душою вмѣсто соли..... *).

Гномъ. Ну, если бы у Кризиппа въ мозгу было немножко соли вмѣсто души, онъ не сказалъ бы такой глупости.

Домовой. Какъ хочешь, но и душа—вещь пріятная. Подумаешь, сколькихъ видовъ животныхъ никогда не видали и не знали ихъ повелители люди,—или потому что животныя эти живутъ въ такихъ мѣстахъ, куда еще не заходила человѣческая нога или живутъ мгновенно, такъ что люди не успѣвали услѣдить ихъ существованія! О множествѣ другихъ они ничего не знали до послѣдняго времени. Тоже самое можно сказать и о растеніяхъ. Но за то, когда они съ помощью своихъ инструментовъ открывали какую нибудь звѣзду или планету, то сейчасъ же записывали её въ приходъ,

---

*) Sus vero quid habet praeter escam? cui quidem, ne putisceret animam ipsam, pro sale, datam dicit esse Chrysippus. Cicerone, de Nat. Deor. lib. 2 cap. 64.

воображая, что звѣзды и планеты, такъ сказать,— фонари, повѣшенные тамъ, наверху, чтобы свѣтить имъ во время ночныхъ занятій!.......

Гномъ. Такъ что, замѣчая ночью падающія звѣздочки, они навѣрное думали, что это какой нибудь духъ ходитъ около фонарей и заботится о томъ, какъ бы не нагорѣли свѣтильни...

Домовой. Однако теперь, хотя люди исчезли, земля не чувствуетъ никакого недостатка, рѣки текутъ по прежнему, а море и не думаетъ высыхать, хотя и не служитъ болѣе для мореплаванія.....

Гномъ. Звѣзды и планеты не перестаютъ зажигаться и погасать......

Домовой. И солнце не покрывается ржавчиной, какъ это было, по словамъ Виргилія, послѣ смерти Цезаря, хотя, я думаю, оно страдало въ то время не больше статуи Помпея.

4.

МАЛАМБРУНЪ И ФАРФАРЕЛЬ

Маламбрунъ. Духи преисподней: Фарфарель, Чиріатто, Баконеро, Астаротъ, Аликинъ и прочая и прочая! Заклинаю васъ именемъ Вельзевула и приказываю вамъ силою моего искусства, которое можетъ сорвать луну съ петель и пригвоздить солнце посреди неба: пусть явится ко мнѣ одинъ изъ васъ, по приказанію вашего владыки и съ его полномочіемъ употребить всѣ силы ада къ моимъ услугамъ!

Фарфарель. Я здѣсь.

Маламбрунъ. Кто ты?

Фарфарель. Фарфарель къ твоимъ услугамъ.

Маламбрунъ. Получилъ полномочіе отъ Вельзевула?

Фарфарель. Получилъ, и могу исполнить для тебя все, что могъ бы онъ самъ и болѣе нежели могутъ всѣ другіе дьяволы вмѣстѣ.

Маламбрунъ. Хорошо. Ты долженъ исполнить одно мое желаніе.

Фарфарель. Готовъ. Чего желаешь? Родовитости, какой не могутъ похвастаться даже Атриды?

Маламбрунъ. Нѣтъ.

Фарфарель. Богатствъ, какихъ не найдется и въ Маноа *), когда этотъ городъ будетъ открытъ?

Маламбрунъ. Нѣтъ.

Фарфарель. Нужна тебѣ имперія, громадная какъ та, о которой, говорятъ, однажды ночью снилось Карлу V?

Маламбрунъ. Нѣтъ.

Фарфарель. Или женщина, которая была бы неприступнѣе Пенелопы?

Маламбрунъ. Нѣтъ. Развѣ для всего этого необходимъ дьяволъ?

Фарфарель. Можетъ быть тебѣ, отъявленному негодяю, нужны уваженіе, доброе имя?

Маламбрунъ. Ты-бы мнѣ скорѣе понадобился, если бы я искалъ противуположнаго!

Фарфарель. Наконецъ, чего же ты хочешь?

Маламбрунъ. Сдѣлай меня счастливымъ на одну минуту времени.

Фарфарель. Не могу.

Маламбрунъ. Какъ не можешь?

Фарфарель. Клянусь честью—не могу.

Маламбрунъ. Честью добраго дьявола?

Фарфарель. Именно. Считай, что есть добрые дьяволы, какъ и добрые люди.

Маламбрунъ. Но и ты прими въ разсчетъ, что я сумѣю пригвоздить тебя къ одному изъ этихъ бревенъ, если ты сейчасъ же не будешь мнѣ слѣпо повиноваться!

---

*) Баснословный городъ, иначе называемый Эльдорадо, который, по мнѣнію испанцевъ, находится въ южной Америкѣ между рѣками Ореноко и Амазонской.

Фарфарель. Тебѣ лучше убить меня, нежели мнѣ —исполнить твое желаніе.

Маламбрунъ. Въ такомъ случаѣ убирайся къ черту, и пусть явится ко мнѣ самъ Вельзевулъ лично!

Фарфарель. Если бы явился Вельзевулъ со всей преисподней, то и тогда твое желаніе осталось бы неисполнимымъ.

Маламбрунъ. Даже на одну только минуту?

Фарфарель. Сдѣлать человѣка счастливымъ на минуту или на тысячную долю этой минуты также невозможно, какъ и на цѣлую жизнь.

Маламбрунъ. Но если ты не въ силахъ сдѣлать меня счастливымъ, то покрайней мѣрѣ не можешь ли ты освободить меня отъ несчастія?

Фарфарель. Да, если ты совсѣмъ перестанешь любить себя.

Маламбрунъ. Это я могу.... послѣ смерти.

Фарфарель. А при жизни этого не можетъ ни одно животное: потому что ваша природа согласится скорѣе на что бы то ни было, чѣмъ на это.

Маламбрунъ. Это такъ.

Фарфарель. А потому, если ты по необходимости любишь себя такъ сильно, какъ только можешь, ты естественно желаешь себѣ возможно бо̀льшаго счастія, и будучи не въ силахъ удовлетворить этого, величайшаго изъ своихъ желаній, ты не можешь сдѣлать шага, не чувствуя себя болѣе или менѣе несчастнымъ.

Маламбрунъ. Даже и въ то время, когда я испытываю какое нибудь наслажденіе: потому что никакое наслажденіе не можетъ сдѣлать меня ни счастливымъ, ни довольнымъ.

Фарфарель. Дѣйствительно никакое.

Маламбрунъ. Потому что ни одно изъ нихъ, въ сравненіи съ естественнымъ желаніемъ счастія, котораго требуетъ душа моя, не можетъ назваться истиннымъ; я не перестаю быть несчастнымъ даже и въ то время, когда испытываю его.

Фарфарель. Не перестаешь: потому что у людей лишеніе счастія, хотя бы оно и не сопровождалось ни страданіемъ, ни бѣдствіемъ, даже во время такъ называемыхъ вашихъ удовольствій, всегда приноситъ недовольство.

Маламбрунъ. Такъ что отъ самаго рожденія и до смерти наше несчастіе не прекращается ни на минуту!?..

Фарфарель. Да. Оно прекращается лишь когда вы спите безъ сновидѣній или когда впадаете въ обморокъ, — словомъ, когда прерывается дѣятельность вашихъ чувствъ.

Маламбрунъ. И нѣтъ его въ насъ, когда мы чувствуемъ, что живемъ?....

Фарфарель. Нѣтъ.

Маламбрунъ. Но въ такомъ случаѣ, собственно говоря, не жить—лучше чѣмъ жить!

Фарфарель. Да, если отсутствіе несчастія лучше его присутствія.

Маламбрунъ. И такъ?

Фарфарель. И такъ, если ты находишь лучшимъ вручить мнѣ свою душу до срока, — прикажи получить.

5.

ПРИРОДА И ДУША.

Природа. Иди въ міръ, возлюбленная дочь моя, живи, будь велика и несчастна.

Душа. Какое же зло я сдѣлала до рожденія, что ты приговариваешь меня къ такому наказанію?

Природа. Къ какому наказанію, дочь моя?

Душа. Развѣ ты не повелѣваешь мнѣ быть несчастною?

Природа. Да, но это на столько, на сколько ты будешь велика: одно безъ другаго невозможно, тѣмъ болѣе, что твое назначеніе—оживотворить человѣческое тѣло; а люди всѣ по необходимости рождаются и живутъ несчастными.

Душа. Мнѣ кажется, было бы разумнѣе, если бы ты дала имъ возможность быть по необходимости счастливыми; если же это невозможно, тебѣ слѣдовало бы удержаться творить ихъ.

Природа. Ни то ни другое—не въ моей власти, потому что я подчинена Судьбѣ; такъ рѣшила она, почему—ни ты, ни я не въ силахъ узнать. И теперь, когда ты уже сотворена и предназначена образовать человѣческую личность, никакая сила

не можетъ избавить тебя отъ несчастія, общаго всѣмъ людямъ. Но кромѣ того, тебѣ необходимо пріобрѣсти свое собственное, несравненно сильнѣйшее несчастіе, вслѣдствіе превосходства, которымъ я тебя надѣлила.

Душа. Я тебя не понимаю: можетъ быть потому, что только еще начинаю жить. Но скажи мнѣ, развѣ превосходство и несчастіе въ сущности одно и тоже? А если нѣтъ, не можешь ли ты разъединить ихъ?

Природа. Въ душахъ людей и пропорціонально въ душахъ всѣхъ другихъ животныхъ оба эти явленія составляютъ почти одно и тоже, потомучто превосходство души обусловливаетъ наибольше ощущеніе жизни, а это рождаетъ наибольшее чувство собственнаго несчастія, вслѣдствіе чего и является наибольшее несчастіе. Также, высшая степень душевной жизненности заключаетъ въ себѣ и высшую степень самолюбія, куда бы ни направлялось, подъ какимъ бы видомъ ни проявлялось это самолюбіе. Высшая степень самолюбія порождаетъ наибольшее желаніе благополучія и наибольшее недовольство и страданіе въ случаѣ лишенія его. Все это составляетъ первобытный и вѣчный порядокъ вещей, который я не могу измѣнить. Кромѣ того, тонкость твоего собственнаго ума и живость воображенія отнимутъ у тебя бо́льшую часть власти надъ самимъ собою. Грубыя животныя, преслѣдуя извѣстныя цѣли, посвящаютъ имъ всѣ свои силы и способности. Но люди въ высшей степени рѣдко творятъ свою волю: въ этомъ имъ препятствуетъ обыкновенно ихъ разумъ и воображеніе, которые порождаютъ

тысячи сомнѣній въ ихъ рѣшеніяхъ, тысячи задержекъ въ дѣятельности. Это одно изъ великихъ несчастій жизни. Прибавь къ этому еще, что въ то время, какъ ты, вслѣдствіе превосходства способностей, легко и быстро опередишь всѣхъ другихъ въ самыхъ глубокихъ и трудныхъ познаніяхъ,— тѣмъ не менѣе тебѣ всегда будетъ или невозможно, или въ высшей степени трудно усвоить и примѣнять въ жизни множество вещей, самихъ по себѣ до крайности ничтожныхъ, но въ высшей степени необходимыхъ для общенія съ людьми; вещей, употребленіе которыхъ, какъ ты увидишь, ничего не стоитъ тысячамъ людей, не только ниже тебя, но даже ничтожныхъ въ сравненіи съ тобою. Эти и другія безчисленныя затрудненія и несчастія со всѣхъ сторонъ угрожаютъ великимъ душамъ. Но за то эти души въ изобиліи награждаются славою, похвалами и почестями,—плодами ихъ собственнаго величія, и вѣчною памятью, которую они оставляютъ послѣ себя потомству.

Душа. Но отъ кого же я получу эти похвалы и почести, о которыхъ ты говоришь? Отъ неба, отъ тебя или отъ кого нибудь другаго?

Природа. Отъ людей: только они могутъ дать все это.

Душа. Но видишь ли: мнѣ кажется, что не умѣя сдѣлать, какъ ты говоришь, самаго необходимаго въ сношеніяхъ съ людьми; того, что легко достается самымъ жалкимъ умамъ, —я заслужу скорѣе презрѣніе и гоненіе отъ этихъ людей, нежели почести и уваженіе, или же проживу въ неизвѣстности, какъ неспособная къ человѣческому общежитію.

Природа. Мнѣ не дано предвидѣть будущее, и я не могу безошибочно предсказать, какъ люди будутъ относиться къ тебѣ во время твоей земной жизни. Правда, по опыту прошедшаго, самымъ вѣроятнымъ можно предположить, что они будутъ преслѣдовать тебя завистью, которая и составляетъ другое бѣдствіе, угрожающее великимъ душамъ; или, пожалуй, будутъ презирать тебя, пренебрегать тобою. Но такъ будетъ со всѣми, подобными тебѣ. За то, тотчасъ послѣ смерти, какъ это было съ Комоенсомъ или нѣсколько позднѣе, какъ съ Мильтономъ,—послѣ смерти ты будешь превознесена до небесъ, не скажу всѣми, но маленькимъ кружкомъ знающихъ и справедливыхъ людей. Можетъ быть, останки твоего тѣла будутъ покоиться въ великолѣпной гробницѣ; твои дѣянія въ безчисленныхъ подражаніяхъ пойдутъ по рукамъ людей; произшествія твоей жизни многими будутъ записываться, даже съ большимъ трудомъ выучиваться на память; однимъ словомъ, весь образованный міръ наполнится твоимъ именемъ. Да, все это будетъ, если только особенная неблагосклонность фортуны, а также самый избытокъ твоихъ способностей не помѣшаютъ тебѣ явить людямъ соотвѣтственные знаки твоего достоинства,—хотя такихъ несчастныхъ примѣровъ я знаю не мало....

Душа. Матушка, хотя я еще только начинаю жить, но чувствую, что самое сильное, даже единственное желаніе, которое ты мнѣ дала, это—желаніе счастія. Положимъ, что я кромѣ того способна къ желанію славы, но вѣдь я могу желать этой славы не иначе, какъ счастія или какъ средства

къ достиженію его. Изъ твоихъ же словъ видно, что хотя превосходство, къ которому ты меня присуждаешь, дѣйствительно необходимо и полезно для пріобрѣтенія славы, но оно не ведетъ къ благополучію; напротивъ, оно ведетъ къ несчастію. Но и эта несчастная слава едвали состоится до моей смерти; а послѣ нея, какую пользу, какое наслажденіе могу я имѣть отъ высочайшихъ благъ міра? Наконецъ, можетъ легко случиться, какъ ты говоришь, что обманчивая слава, купленная цѣною великаго несчастія, не придетъ даже и послѣ смерти. Изъ этого я заключаю, что ты не только не любишь меня, какъ утверждала, но скорѣе ненавидишь, ненавидишь сильнѣе, чѣмъ люди и судьба, среди которыхъ я буду жить; а потому ты и рѣшилась надѣлить меня этимъ жестокимъ даромъ, этимъ превосходствомъ, которое будетъ однимъ изъ главныхъ препятствій къ достиженію моей единственной цѣли—счастія.

Природа. Дочь моя, я уже говорила тебѣ, что всѣ человѣческія души обречены въ добычу несчастію не по моей винѣ. Но при всей бѣдственности человѣческихъ условій, при всей суетности всякого человѣческаго наслажденія и довольства, слава считается лучшими людьми лучшимъ изъ благъ смертнаго и самымъ достойнымъ предметомъ его заботъ и стремленій. Такимъ образомъ, не изъ ненависти, но по любви я рѣшила присудить тебѣ все лучшее, что находится въ моей власти.

Душа. Скажи мнѣ: среди другихъ животныхъ, есть ли такое, которое было бы менѣе людей надѣлено жизнеспособностью и чувствомъ?

Природа. Начиная съ тѣхъ, которыя близки къ растеніямъ, всѣ они въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе ниже человѣка. Одинъ человѣкъ обладаетъ высшею жизнеспособностью, и потому онъ совершеннѣе всѣхъ тварей.

Душа. Въ такомъ случаѣ помѣсти меня въ число самыхъ низшихъ созданій или, если это невозможно, возьми назадъ роковые дары, которые меня благородятъ, и сдѣлай изъ меня самую глупую, самую безчувственную душу, какую ты только творила когда нибудь.

Природа. Это я могу сдѣлать и сдѣлаю, такъ какъ ты отказываешься отъ безсмертія, которое тебѣ суждено.

Душа. А взамѣнъ безсмертія, умоляю тебя послать мнѣ самую скорую и полную смерть.

Природа. Объ этомъ я посовѣтуюсь съ Судьбою.

6.

ЗЕМЛЯ И ЛУНА.

Земля. Я знаю, сосѣдка, что ты можешь говорить и отвѣчать, потому что ты лице; это я не разъ слыхала отъ поэтовъ; да кромѣ того всѣмъ нашимъ ребятамъ извѣстно, что у тебя, какъ и у нихъ, есть глаза, ротъ и носъ: все это они видятъ собственными глазами, а въ ихъ лѣта зрѣніе должно быть преострое. Что до меня, то, я думаю, тебѣ извѣстно, что я также лице и въ молодости произвела на свѣтъ много дѣтей, а потому ты, конечно, не удивляешься, слушая меня. Не удивляйся, милая моя и тому, что мы, состоя (сколько вѣковъ-ужь не помню) добрыми сосѣдями, до сихъ поръ не перекинулись другъ съ другомъ ни однимъ словечкомъ: это потому, что я была по горло занята и до сихъ поръ не имѣла минуты свободной. Но теперь, когда дѣла мои поутихли и идутъ, что называется, сами собой, я не знаю, что мнѣ дѣлать и просто умираю отъ скуки, а потому съ этихъ поръ я предполагаю почаще бесѣдовать съ тобою и освѣдомляться о твоихъ дѣлахъ, въ чемъ, надѣюсь, ты не откажешь мнѣ.

Луна. Безъ всякаго сомнѣнія, сосѣдка. Если ты хочешь говорить со мною, сдѣлай одолженіе не стѣсняйся; я готова слушать тебя и отвѣчать тебѣ, хотя сама вообще очень молчалива.

Земля. Слышешь ли ты гармоническій звукъ, который производятъ небесныя тѣла своимъ движеніемъ?

Луна. По правдѣ сказать, я ничего не слышу.

Земля. Вѣдь и я также ничего не слышу, за исключеніемъ воя вѣтра, идущаго отъ моихъ полюсовъ къ экватору и обратно, что̀ уже никакъ не можетъ назваться музыкой. Но Пиѳагоръ утверждаетъ, что небесныя сферы производятъ удивительно пріятную гармонію, въ которой ты сама участвуешь, составляя октаву этой міровой лиры, но что я оглушена вашей музыкой и потому не слышу её.

Луна. Должно быть и я оглушена и потому тоже не слышу её, хотя до сихъ поръ и не подозрѣвала, что исполняю должность октавы на какой то лирѣ.

Земля. Въ такомъ случаѣ перемѣнимъ разговоръ. Скажи мнѣ: дѣйствительно ли ты обитаема, какъ утверждаютъ тысячи древнихъ и новыхъ философовъ, начиная отъ Орфея до Лаланда? Какъ я ни старалась удлиннить свои рога, которые люди называютъ горами и съ вершинъ которыхъ я тебя наблюдаю на манеръ улитки, я никогда не замѣчала на на тебѣ ни однаго живаго существа.

Луна. Не знаю, какіе тамъ у тебя рога̀, но я дѣйствительно обитаема.

Земля. Какого же цвѣта твои люди?

Луна. Какіе люди?

Земля. Которые тебя населяютъ. Вѣдь ты говоришь, что обитаема?

Луна. Да, но что же изъ этого слѣдуетъ?

Земля. Изъ этого слѣдуетъ, что не всѣ же твои обитатели звѣри!

Луна. Не звѣри и не люди, ибо я не имѣю никакого понятія ни о тѣхъ, ни о другихъ, равно какъ и о многихъ вещахъ, о которыхъ ты мнѣ говорила и которыхъ я совершенно не поняла.

Земля. Но какого же сорта твое населеніе?

Луна. Многочисленное, разнообразное и неизвѣстное тебѣ, также какъ мнѣ неизвѣстно твое.

Земля. Странно, удивительно! Я ни за что на свѣтѣ не повѣрила бы этому, еслибъ не слышала отъ тебя самой. Но была ли ты покорена кѣмъ нибудь изъ твоихъ обитателей?

Луна. Покорена? Какъ это? Почему?

Земля. Изъ честолюбія, жадности, — политикой, оружіемъ?....

Луна. Я не понимаю, что такое оружіе, честолюбіе, политика,—словомъ, ничего не понимаю изъ твоихъ словъ.

Земля. Но если ты не знаешь, что такое оружіе, тебѣ вѣроятно извѣстно, что такое война, потому что недавно одинъ здѣшній физикъ, посредствомъ телескоповъ, (знаешь, такихъ трубокъ, съ помощью которыхъ можно очень далеко видѣть), открылъ у тебя великолѣпное укрѣпленіе съ правильными бастіонами,—доказательство, что твои народы ведутъ по крайней мѣрѣ осадную войну.....

Луна. Извини, госпожа Земля, если я отвѣчу тебѣ немного свободно, что, можетъ быть, не совсѣмъ

прилично мнѣ, какъ твоей подданной..... Но, право, ты мнѣ кажешься ужь черезчуръ тщеславной, если воображаешь, что всѣ вещи въ мірѣ походятъ на твои собственныя, какъ будто природа только о томъ и заботилась, какъ бы копировать тебя вездѣ и во всемъ. Я говорю тебѣ, что обитаема,—и ты заключаешь изъ этого, что мои обитатели должны быть людьми; объявляю тебѣ, что они не люди, а ты, соглашаясь съ этимъ, приписываешь имъ качества людей и ссылаешься на какіе то телескопы какого то физика. Ну, если эти телескопы и въ другихъ вещахъ видятъ не лучше, право,—они зорки не болѣе твоихъ ребятъ, открывшихъ у меня глаза, ротъ и носъ.....

Земля. Стало быть, не правда и то, что твои города снабжены широкими и чистыми улицами и что ты воздѣлана, какъ это совершенно ясно видно со стороны Германіи при помощи телескоповъ *)?

Луна. Если я воздѣлана, то не замѣчаю этого; если у меня есть улицы,—не вижу ихъ.....

Земля. Видишь ли, голубушка, я немножко простовата, а потому неудивительно, что люди легко меня обманываютъ. Но тѣмъ не менѣе, говорю тебѣ,—остерегайся: если твои жители не стараются тебя покорить, то ожидай опасности отъ моихъ: многіе изъ нихъ въ разныя времена не шутя намѣревались тебя покорить и уже сдѣлали съ этой цѣлью много приготовленій; въ послѣднее время они стараются какъ можно подробнѣе изслѣдовать каждую твою

---

*) Открытіе, принадлежащее г. Грутуизену. См. нѣмецкія газеты за Мартъ 1824.

точку, составляютъ карты твоихъ владѣній, измѣряютъ высоты твоихъ горъ, знаютъ даже ихъ имена. Желая тебѣ всякаго добра, я считаю долгомъ извѣстить тебя объ этомъ дѣлѣ, чтобы ты на всякій случай держала ухо на сторожѣ. Теперь позволь задать тебѣ еще нѣсколько вопросовъ: почему это собаки на тебя лаютъ? Что ты думаешь о тѣхъ, которые показываютъ тебя въ колодцѣ? Женщина ты или мужчина?—древніе расходились во мнѣніяхъ касательно этого обстоятельства *). Правда ли, что жители Аркадіи пришли въ міръ прежде тебя **)? Что твои женщины, или—не знаю, какъ ихъ тамъ зовутъ,—несутъ яйца, и одно изъ такихъ яйцъ, не знаю когда, падаетъ сюда внизъ? Правда ли, что ты сдѣлана изъ свѣжаго сыра, какъ утверждаютъ нѣкоторые англичане ***)? Что Магометъ однажды—днемъ ли, ночью ли,—разломилъ тебя пополамъ, какъ арбузъ, и порядочный кусокъ твоего тѣла скользнулъ ему за рукавъ? Почему ты такъ облюбовала верхушки минаретовъ? Что скажешь о праздникѣ байрама?

Луна. Продолжай, продолжай, сосѣдка,—благо мнѣ не нужно отвѣчать тебѣ и прерывать свое обычное молчаніе. Но если ты такъ любишь болтать и не находишь другихъ предметовъ для разговора,—лучше было бы тебѣ соорудить изъ твоихъ людей новую планету, которая бы вращалась

---

*) У Макробія, Тертуліана.

**) У Менандра.

***) That the moon is made of green cheese. Англійская пословица.

около тебя и была бы составлена и населена по твоему вкусу; я же, какъ видишь, совсѣмъ отказываюсь понимать тебя: ты умѣешь говорить только о людяхъ, собакахъ и тому подобныхъ вещахъ, о которыхъ я знаю также много, какъ и о томъ великомъ солнцѣ, вокругъ котораго, какъ я слышала, ходитъ наше собственное солнце.

Земля. Правда, чѣмъ больше я стараюсь обходить въ нашемъ разговорѣ мои собственныя дѣла и вещи, тѣмъ менѣе успѣваю въ этомъ. Но впередъ я буду осмотрительнѣе. Скажи мнѣ: это ты забавляешься, притягивая у меня воду изъ моря и потомъ снова заставляя её падать?

Луна. Можетъ быть. Но если и такъ, я не замѣчаю этого, какъ и ты, вѣроятно, не замѣчаешь многихъ своихъ дѣйствій, хотя они должны быть замѣтнѣе моихъ, потому что ты больше и сильнѣе меня.

Земля. Я знаю только, что по временамъ собираю тебѣ солнечный свѣтъ, а твой беру себѣ; также доставляю тебѣ сильное освѣщеніе во время твоихъ ночей, что и сама иногда замѣчаю *). Но я забываю о самомъ главномъ: хотѣлось бы мнѣ знать, правду ли говоритъ Аріостъ, что все, что человѣкъ современемъ теряетъ, напр. юность, красота, здоровье, стремленія честолюбія и т. под.—все это уходитъ отъ земли и отправляется на луну, такъ что тамъ у тебя собирается все человѣческое за исключені-

*) Астрономы называютъ этотъ свѣтъ непрозрачнымъ, матовымъ. Онъ бываетъ видѣнъ на темной сторонѣ луннаго диска во время новолунія.

емъ одной глупости, которая никогда не покидаетъ людей? Если это правда,—ты теперь, я думаю, полнымъ полна, и скоро у тебя не достанетъ мѣста, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время люди потеряли множество вещей (такъ напр. любовь къ отечеству, добродѣтель, справедливость, великодушіе), и не только нѣкоторые и отчасти, но всѣ и вполнѣ. Дѣйствительно, если все это не у тебя, то гдѣ же оно? А потому сдѣлаемъ уговоръ, по которому ты обязуешься съ этихъ поръ передавать мнѣ изъ рукъ въ руки эти необходимыя вещи, тѣмъ болѣе, что ты навѣрное и сама будешь рада опростаться отъ нихъ, особенно отъ здраваго смысла, который, говорятъ, занимаетъ у тебя очень много мѣста; я же, съ своей стороны, обязуюсь платить тебѣ за все это чистыми людскими денежками.

Луна. Я вижу, ты снова возвращаешься къ людямъ, и хотя, по твоимъ словамъ, глупость не покидаетъ твоихъ границъ, однако ты хочешь всячески одурачить меня и лишить здраваго смысла, отыскивая свой собственный, который я не знаю куда ты дѣвала; знаю только, что у меня его нѣтъ, какъ нѣтъ и другихъ вещей, о которыхъ ты спрашиваешь.

Земля. Но по крайней мѣрѣ скажи мнѣ, существуютъ ли тамъ у васъ пороки, злодѣянія, несчастія, печали, старость,—словомъ зло? Слыхала ли ты объ этихъ вещахъ?

Луна. О, объ этихъ то я слыхала и знаю ихъ, знаю превосходно, потому что дѣйствительно переполнена ими.

Земля. Что же преобладаетъ у твоего народа, — достоинства или недостатки?

Луна. Недостатки далеко преобладаютъ.

Земля. Чего у тебя больше, добра или зла?

Луна. Зла,—безъ всякаго сравненія.

Земля. Вообще, счастливы или несчастны твои обитатели?

Луна. Такъ несчастны, что я не помѣнялась бы жребіемъ съ самымъ счастливымъ изъ нихъ.

Земля. Тоже самое и здѣсь. Удивительно, какъ это я, нисколько не похожая на тебя во всемъ другомъ, въ этомъ совершенно сходна съ тобою!

Луна. Также какъ сходна со мною и формой, и движеніемъ, и тѣмъ, что получаешь свѣтъ отъ солнца. Въ этомъ нѣтъ ничего особенно удивительнаго: зло обще всѣмъ планетамъ вселенной или, покрайней мѣрѣ, нашего солнечнаго міра, какъ и форма круга и другія упомянутыя свойства. Если бы тебя могли слышать Уранъ или Сатурнъ, или какая нибудь другая планета, всѣ они отвѣтили бы тебѣ тоже самое: я уже спрашивала объ этомъ Венеру и Меркурія, къ которымъ иногда бываю ближе тебя, спрашивала и другія планеты,—всѣ говорятъ одно и тоже; я думаю, что даже само солнце и всякая другая звѣзда подтвердятъ это.

Земля. Тѣмъ не менѣе, я всетаки ожидаю добра, въ особенности теперь: люди обѣщаютъ мнѣ въ будущемъ много счастія.

Луна. Ожидай себѣ; и я тебѣ обѣщаю, что ты никогда не перестанешь ожидать.

Земля. Однако, знаешь что? Мои люди и звѣри начинаютъ просыпаться: съ той стороны, откуда я говорю съ тобою,—ночь, а потому всѣ они спали; но вслѣдствіе шума, который мы производимъ на-

шимъ разговоромь, они начинаютъ въ страхѣ просыпаться.......

Луна. Но съ этой стороны, какъ ты видишь,—день..

Земля. Я вовсе не желаю причинять безпокойство моимъ людямъ и нарушать ихъ сонъ, который есть ихъ величайшее благо. А потому, сосѣдка, мы поболтаемъ въ другое время. Прощай же, добраго дня!

Луна. Прощай. Доброй ночи!

7.

ЗАКЛАДЪ ПРОМЕТЕЯ.

Въ лѣто восемсотъ тридцать тысячъ двѣсти семдесятъ пятое царствованія Зевса, коллегія Музъ напечатала и развѣшала въ публичныхъ мѣстахъ и предмѣстьяхъ города Поднебесья многочисленныя объявленія, въ которыхъ приглашала всѣхъ высшихъ и низшихъ боговъ, а равно и другихъ жителей упомянутаго города, когда либо сдѣлавшихъ какое нибудь общеполезное изобрѣтеніе, представить свое открытіе (въ рисункѣ, въ модели или въ оригиналѣ) на разсмотрѣніе присяжныхъ судей этой коллегіи. Извиняясь крайнимъ недостаткомъ средствъ, коллегія Музъ обѣщала присудить за лучшее изобрѣтеніе простой лавровый вѣнокъ, но съ правомъ носить его на головѣ днемъ и ночью, въ публичныхъ и частныхъ мѣстахъ, въ городѣ и внѣ его, а также и быть изображеннымъ съ этимъ вѣнкомъ на головѣ. Многіе изъ безсмертныхъ конкурировали на эту премію, но дѣлали это единственно для развлеченія, которое обитателямъ Поднебесья равно необходимо, какъ и жителямъ всякаго другаго города; вѣнокъ же почти не интересовалъ ихъ, такъ

какъ самъ по себѣ не стоилъ порядочнаго суконнаго картуза; что же касается до славы, то если уже многіе изъ смертныхъ начинаютъ презирать ее,—богамъ она и подавно должна была опротивѣть. По окончаніи конкурса (примѣръ единственный и неслыханный въ подобныхъ случаяхъ!) означенная премія была присуждена дѣйствительно по заслугамъ, безъ посредства просьбъ и тайныхъ обѣщаній, тремъ изобрѣтателямъ: Вакху за изобрѣтеніе вина, Минервѣ за изобрѣтеніе масла (вещи, необходимой для боговъ, которые, какъ извѣстно, имѣютъ привычку ежедневно умащать свое тѣло послѣ бани) и Вулкану, который приготовилъ мѣдную кастрюльку, названную имъ экономической, потому что въ ней можно было очень быстро и съ небольшой затратой огня варить и жарить всякое кушанье. Такимъ образомъ, премію должно было раздѣлить на три части, и на долю каждаго приходилось не болѣе одной лавровой вѣточки. Но побѣдители отказались отъ преміи: Вулканъ отговорился тѣмъ, что стоя большую часть времени у огня, ему было бы слишкомъ неудобно держать на головѣ это украшеніе, да кромѣ того онъ находился бы въ постоянной опасности обжечься и даже сгорѣть, еслибы искра случайно попала на сухія лавровыя вѣтки и зажгла ихъ. Минерва сказала, что она и безъ того носитъ на головѣ шлемъ, достаточный, по словамъ Гомера, для накрытія войска сотни городовъ, и потому ей совсѣмъ некстати увеличивать тяжесть своего убора. Вакхъ не хотѣлъ промѣнять свою митру и вѣнокъ изъ виноградныхъ лозъ на лавровый, хотя онъ и изъявилъ готовность помѣс-

тить его, какъ вывѣску, надъ своимъ кабачкомъ. Но Музы не согласились на это, и такимъ образомъ лавровый вѣнокъ остался въ кладовой коллегіи. Никто изъ конкурентовъ не завидовалъ побѣдителямъ, никто не жаловался на судей и не порицалъ приговора, за исключеніемъ одного Прометея, представившаго на конкурсъ модель земли, которую онъ сдѣлалъ и приспособилъ къ образованію первыхъ людей, и подробное изложеніе качествъ и обязанностей рода человѣческаго. Одинъ Прометей завидовалъ, жаловался и порицалъ. Это обстоятельство возбудило не малое удивленіе въ обществѣ безсмертныхъ, тѣмъ болѣе, что Прометей главнымъ образомъ желалъ не почести, не славы, но самой привиллегіи носить лавровый вѣнокъ. Нѣкоторые готовы были предположить, что онъ добивался этого украшенія единственно, чтобъ защитить свою голову отъ вѣтра и непогоды, какъ Тиберій, который говорятъ, заслышавъ громъ, тотчасъ надѣвалъ на себя лавровый вѣнокъ, думая, что лавръ не допускаетъ молніи; но въ городѣ Поднебесьи молніи и грома совсѣмъ не бываетъ. Другіе болѣе основательно объясняли это тѣмъ, что Прометей отъ времени потерялъ волосы и, какъ диктаторъ Цезарь, хотѣлъ скрыть подъ діадемой свою обнаженную голову. Но какъ бы то ни было, возвратимся къ разсказу. Однажды Прометей, разговаривая съ Момусомъ, въ высшей степени бранилъ коллегію Музъ за то, что она вино, масло и кастрюльки предпочла человѣческому роду, въ которомъ онъ видѣлъ величайшее изъ всѣхъ созданій безсмертныхъ. Не убѣдивъ Момуса, который приводилъ противъ это-

го не знаю какія опроверженія, Прометей предложилъ ему сойти на землю, выбрать любое мѣсто въ каждой изъ пяти частей свѣта, и держалъ пари, что во всѣхъ пяти мѣстахъ они найдутъ очевидныя свидѣтельства того, что человѣкъ—совершеннѣйшее созданіе природы. Пари состоялось, и спорщики, условившись въ цѣнѣ заклада, немедленно стали спускаться на землю, направляясь прежде всего къ Новому Свѣту, который возбуждалъ въ безсмертныхъ особенное любопытство. Путешественники опустились въ сѣверной части страны Попайянъ, недалеко отъ рѣки Каука, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ дѣйствительно оказались многіе слѣды человѣческаго поселенія: тропинки, хотя уже заросшія во многихъ мѣстахъ, срубленныя деревья, нѣчто въ родѣ могилъ и человѣческія кости, разбросанныя тамъ и сямъ. Но сколько ни прислушивались, какъ ни смотрѣли наши боги вокругъ, они не могли открыть ни человѣческаго голоса, ни тѣни живаго человѣка. Они прошли (частью пѣшкомъ, частью по воздуху) много миль, переправляясь черезъ горы и рѣки и находя повсюду тѣ же самые слѣды и тоже безлюдье. Почему же эти страны такъ пустынны, спросилъ Момусъ Прометея, когда повидимому онѣ должны быть обитаемы? Прометей напомнилъ своему спутнику о морскихъ наводненіяхъ, землетрясеніяхъ, буряхъ и чудовищныхъ дождяхъ, которые такъ обыкновенны въ жаркихъ поясахъ. Но Момусъ не понималъ, какъ могли морскія наводненія угрожать странѣ, которая такъ далека отъ моря, что его не видно ни съ какой стороны, и еще менѣе,—какимъ образомъ землетрясенія, бури

и дожди, уничтоживъ всѣхъ людей въ странѣ, не тронули ни ягуаровъ, ни обезьянъ, ни муравьевъ, ни орловъ, ни попугаевъ, которыхъ было множество вокругъ?...Наконецъ, спустившись въ необозримую долину, путешественники открыли небольшую кучку деревянныхъ шалашей, покрытыхъ пальмовыми листьями и наглухо обнесенныхъ частоколомъ; передъ однимъ изъ шалашей они замѣтили толпу дикихъ, изъ которыхъ одни сидѣли, другіе стояли вокругъ глубокой ямы, въ которой былъ разведенъ сильный огонь. Безсмертные приблизились и приняли человѣческій образъ. Прометей сдѣлалъ общій поклонъ и, обратившись къ одному изъ дикарей, который казался начальникомъ, спросилъ его: что подѣлываете?

Дикій. Какъ видишь—ѣдимъ.

Прометей. Какіе припасы у васъ?

Дикій. Немного мяса.

Прометей. Домашнее или дикихъ животныхъ?

Дикій. Домашнее:—моего сына.

Прометей. Развѣ твой сынъ теленокъ, какъ у Пазифаи?

Дикій. Нѣтъ не теленокъ, а человѣкъ, какъ и всѣ другіе.

Прометей. Въ своемъ ли ты умѣ? Ѣсть свое собственное мясо?

Дикій. Не свое собственное, а моего сына, котораго я нарочно для этого произвелъ на свѣтъ и выкормилъ.

Прометей. Чтобы съѣсть его?

Дикій. Чтожь тутъ удивительнаго? Я также ду-

маю съѣсть и мать его, когда она будетъ неспособна давать дѣтей.

Момусъ. Какъ, наконецъ, съѣдаютъ насѣдку, съѣвши яйца.

Дикій. Да и всѣхъ этихъ невольниковъ и невольницъ, которыхъ ты видишь, я не трогаю только потому, что они повременамъ поставляютъ мнѣ своихъ дѣтей. Когда же они состарѣются, я ихъ всѣхъ переѣмъ, одного за однимъ, если только самъ останусь живъ.

Прометей. Скажи мнѣ: эти невольники изъ твоего племени или изъ другаго?

Дикій. Изъ другаго.

Прометей. Далеко оно отсюда?

Дикій. Очень далеко: между нашими и ихъ домами протекалъ ручей.

И указывая на маленькій пригорокъ, прибавилъ: они жили тамъ, но наши ихъ истребили. Въ это время Прометею показалось, что многіе изъ дикихъ поглядывали на него съ той любезностью, съ какою смотритъ обыкновенно кошка на мышь, и онъ, чтобъ не быть съѣденнымъ собственными креатурами, быстро поднялся на воздухъ; примѣру его послѣдовалъ и Момусъ; оба были такъ напуганы, что при полетѣ испортили кушанье дикарей тѣмъ самымъ составомъ, которымъ, говорятъ, гарпіи изъ зависти поливали столы троянцевъ. Но дикари, которые были болѣе голодны и менѣе брюзгливы, нежели спутники Энея, спокойно продолжали свой обѣдъ. Разочарованный въ новомъ свѣтѣ, Прометей обратился немедленно къ самому старому т. е. къ Азіи и, пролетѣвъ почти мгновенно разстояніе между но-

вой и старой Индіею, опустился съ своимъ спутникомъ около Агры, въ полѣ, гдѣ волновалась громадная толпа народа, собравшагося вокругъ глубокой ямы, наполненной дровами. На краю этой ямы, съ одной стороны стояли люди съ факелами, готовые поджечь дрова, а съ другой, на эшафотѣ, находилась молодая женщина, убранная въ пышные наряды и увѣшанная всевозможными украшеніями, которая, танцуя и распѣвая, выказывала необыкновенную веселость. При видѣ этого, Прометей вобразилъ, что предъ нимъ стоитъ новая Лукреція или Виргинія или, вообще, женщина изъ славнаго рода Ифигеній, Кодровъ, Курціевъ, Деціевъ и пр., которая, слѣдуя внушенію какого нибудь оракула, добровольно приноситъ себя въ жертву для блага отечества. Услыхавъ, что причиною жертвоприношенія женщины была смерть ея мужа, Прометей подумалъ, что она, какъ Альцеста, желаетъ цѣною собственной жизни искупить душу своего мужа. Но узнавъ, что она подлежала сожженію только въ силу обычая, которому слѣдовали всѣ вдовы ея секты, что она ненавидѣла своего мужа и теперь пьяна,—онъ отвернулся отъ возмутительнаго зрѣлища и пригласилъ Момуса отправиться въ Европу. Дорогою у нихъ завязался слѣдующій разговоръ:

Момусъ. Когда ты съ великою опасностью похищалъ огонь съ неба, чтобъ сообщить его людямъ, думалъ ли ты, что они воспользуются имъ такъ?

Прометей. Дѣйствительно не думалъ. Но прими въ соображеніе, милый Момусъ, что мы видѣли дикарей; не по нимъ должно судить о природѣ чело-

вѣка, а по народамъ цивилизованнымъ, къ которымъ мы теперь отправляемся; и я твердо убѣжденъ, что среди ихъ мы увидимъ и услышимъ такія вещи и слова, которыя покажутся намъ достойными не только похвалы, но и удивленія.

Момусъ. Но я все таки не могу признать людей самой совершенной породой въ мірѣ, если они только подъ условіемъ цивилизаціи перестаютъ сжигать самихъ себя и пожирать собственныхъ дѣтей: вѣдь другія животныя—всѣ дикія; однако ни одно изъ нихъ не сжигаетъ себя добровольно (за исключеніемъ одного Феникса, котораго, собственно говоря, не существуетъ): животныя очень рѣдко ѣдятъ подобныхъ себѣ, еще рѣже покушаются на своихъ дѣтей,—и то по-какому нибудь особенному случаю, а не потому, что нарочно готовятъ ихъ на съѣденіе. Припомни, что изъ пяти частей свѣта только одна (и то не вся), ничтожная въ сравненіи съ величиною и населеніемъ остальныхъ четырехъ, да еще не большая частица другой обладаютъ тою цивилизаціей, которую ты такъ восхваляешь. Кромѣ того, ты самъ не станешь утверждать, что эта цивилизація вполнѣ совершенна, и что теперь жители Парижа или какой нибудь Филадельфіи обладаютъ всею полнотой превосходства, къ которому способенъ человѣкъ. Теперь спрашивается, сколько же времени должны трудиться дикари, чтобъ достигнуть настоящаго состоянія цивилизаціи, далеко не совершеннаго? Столько лѣтъ, сколько прошло отъ сотворенія человѣка до послѣднихъ дней. Прибавь къ этому еще, что почти всѣми своими изобрѣтеніями, которыя оказали наибольшія услуги ци-

вилизаціи, люди обязаны главнымъ образомъ не уму своему, но счастливой случайности, такъ что человѣческое развитіе—скорѣе дѣло судьбы, нежели природы; и дѣйствительно, гдѣ эти случайности не имѣли мѣста, тамъ люди до сихъ поръ остаются дикими, хотя живутъ столько же, сколько цивилизованные народы. Изъ этого я заключаю: если дикій человѣкъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ кажется ниже всякаго другаго животнаго; если цивилизаціей обладаетъ лишь незначительная часть человѣчества; если, кромѣ того, эта часть могла достигнуть настоящаго соціальнаго положенія не иначе, какъ черезъ безчисленное количество вѣковъ и, главнымъ образомъ, благодаря случаю; если, наконецъ, это соціальное положеніе еще не совершенно,—скажи мнѣ, нельзя ли выразить твое сужденіе о человѣкѣ въ такой формѣ: правда, человѣкъ высшее изъ всѣхъ существъ, но высшее скорѣе по своему несовершенству, нежели по совершенству; и это тѣмъ болѣе, что человѣческая цивилизація, почти недоступная для совершенства, стоитъ на зыбкой почвѣ и можетъ падать, какъ это не разъ случалось у различныхъ народовъ, которые когда то процвѣтали? Право, если бы твой братъ Эпиметей представилъ на конкурсъ модель перваго осла или первой лягушки, онъ, пожалуй, получилъ бы эту премію, которой тебя не удостоили!

Нѣтъ сомнѣнія, что Прометей могъ дать на всѣ эти разсужденія ясный, точный и опредѣленный отвѣтъ, но вѣрно то, что онъ его не далъ, потому что въ это самое время путешественники очутились въ Лондонѣ. Тамъ ихъ вниманіе было привлечено толпой народа, собравшагося около одного частнаго

дома. Боги продрались черезъ толпу, вошли въ домъ и увидали тамъ на постели человѣка съ огнестрѣльной раной въ груди и уже мертваго; около него лежали двое дѣтей, также убитые. Въ комнатѣ было много прислуги и нѣсколько чиновниковъ, которые её разспрашивали, пока полицейскій составлялъ актъ.

Прометей. Кто эти несчастные?

Слуга. Мой господинъ съ дѣтьми.

Прометей. Кто же ихъ убилъ?

Слуга. Мой господинъ—всѣхъ троихъ.

Прометей. Ты хочешь сказать—дѣтей и себя?

Слуга. Такъ точно.

Прометей. Что же это? Вѣроятно съ нимъ случилось какое нибудь великое несчастіе?

Слуга. Никакого, на сколько мнѣ извѣстно.

Прометей. Но, можетъ быть, онъ былъ бѣденъ, униженъ, несчастливъ въ любви?

Слуга. Онъ былъ очень богатъ, и всѣ его уважали; о любви же онъ совсѣмъ не заботился.

Прометей. Но откуда же явилось у него такое отчаяніе?

Слуга. Отъ скуки, какъ видно изъ записки, которую онъ оставилъ.

Прометей. А эти судьи что дѣлаютъ?

Слуга. Они справляются, былъ ли мой баринъ сумасшедшій или нѣтъ, потому что, въ случаѣ сумасшествія, его имущество по закону поступаетъ въ казну. Навѣрное объявятъ сумасшедшимъ.

Прометей. Но скажи мнѣ, развѣ у твоего барина не было друга, которому онъ могъ бы поручить своихъ дѣтей, вмѣсто того чтобъ убивать ихъ?

Слуга. Да, у него былъ очень близкій другъ, которому онъ и поручилъ свою собаку. *)

Момусъ поздравилъ Прометея съ добрыми результатами цивилизаціи и благами человѣческой жизни и уже хотѣлъ ему напомнить, что ни одно животное, за исключеніемъ человѣка, не убиваетъ добровольно и отъ скуки ни себя, ни своихъ дѣтей; но Прометей предупредилъ его и, не желая видѣть остальныхъ частей свѣта, заплатилъ ему закладъ.

---

*) Это фактъ.

8.

ФИЗИКЪ И МЕТАФИЗИКЪ.

Физикъ. Eureca! Eureca *)!

Метафиз. Что? Что ты нашелъ?

Физикъ. Искусство долго жить.

Метафиз. А эта книга, что ты держишь?

Физикъ. Въ ней я объясняю свое открытіе, вслѣдствіе котораго люди будутъ жить очень долго, а я буду жить покрайней мѣрѣ вѣчно т. е. пріобрѣту безсмертную славу.

Метафиз. Послушай, сдѣлай по моему: найди свинцовый ящичекъ, запри въ него свою книгу, закопай въ землю и замѣть хорошенько то мѣсто, чтобы можно было придти и отрыть твое сочиненіе, когда люди изобрѣтутъ искусство жить счастливо.

Физикъ. А до тѣхъ поръ?

Метафиз. До тѣхъ поръ оно ни къ чему не годно. Я уважалъ бы твою книгу болѣе, если бы она, напротивъ, учила мало жить.

Физикъ. Но эта наука давно извѣстна, и люди въ совершенствѣ умѣютъ пользоваться ея правилами.

---

*) Нашелъ, нашелъ!—знаменитыя слова Архимеда.

Метафиз. Во всякомъ случаѣ я уважаю ее болѣе твоей.

Физикъ. Почему?

Метафиз. Потому что если жизнь бѣдна счастіемъ, то лучше сократить её, нежели продолжать.

Физикъ. Ну, нѣтъ: жизнь сама по себѣ благо, и каждый изъ насъ естественно желаетъ и любитъ её.

Метафиз. Такъ думаютъ люди, но они ошибаются, какъ ошибается толпа, полагая, что цвѣта составляютъ качества предметовъ, между тѣмъ какъ они—качество свѣта. Человѣкъ не желаетъ и не любитъ ничего кромѣ собственнаго счастія; если онъ любитъ жизнь, то на столько, на сколько она служитъ ему средствомъ для пріобрѣтенія счастія, такъ что, собственно говоря, онъ любитъ счастіе, а не жизнь, хотя часто приписываетъ одной ту любовь, которую питаетъ къ другому. Что любовь людей къ жизни не составляетъ необходимой принадлежности ихъ природы, видно изъ того, что въ древнія времена множество людей добровольно выбирали смерть, имѣя полную возможность жить, какъ и въ наше время многіе желаютъ смерти, а иные и убиваютъ себя собственной рукою. Этого не могло бы случиться, если бы любовь къ жизни являлась кореннымъ свойствомъ человѣческой природы. Любовь же къ собственному счастію до токой степени натуральна во всякомъ живомъ существѣ, что міръ разрушится прежде, чѣмъ кто нибудь перестанетъ питать её такъ или иначе. Если по твоему жизнь—благо сама по себѣ, докажи мнѣ это физически или философски. Что до меня, я согласенъ, что жизнь счастливая—безъ всякаго сомнѣнія, благо, но какъ счастливая, а

не какъ жизнь; несчастная жизнь—зло, пропорціональное количеству несчастія; но доказано, что въ природѣ, покрайней мѣрѣ въ человѣческой, жизнь и несчастіе не разлучны. Отсюда самъ выводи, что слѣдуетъ.

Физикъ. Оставь, пожалуйста, эту материю, которая слишкомъ печальна, и безъ дальнихъ тонкостей отвѣчай мнѣ искренно: если бы человѣку дана была возможность жить вѣчно (конечно въ здѣшней, а не въ загробной жизни), пришлось ли бы это ему по вкусу?

Метафиз. На баснословное предположеніе я отвѣчу тебѣ также басней, тѣмъ болѣе что самъ не пробовалъ еще жить вѣчно и не говорилъ ни съ кѣмъ изъ безсмертныхъ. Вотъ если бы здѣсь былъ Каліостро, онъ могъ бы дать намъ кое какія свѣдѣнія, хотя и онъ не былъ безсмертнымъ и въ концѣ концовъ умеръ, какъ и всѣ. А басенъ я знаю много. Мудрый Хиронъ, который, какъ тебѣ извѣстно, былъ богомъ, съ теченіемъ времени наскучивъ жизнью, просилъ у Зевса позволенія умереть и умеръ. Подумай, если безсмертіе можетъ неправиться богамъ, то что же оно людямъ то? Гипербореи, неизвѣстный, но славный народъ, къ которому, къ сожалѣнію, нельзя проникнуть ни сухимъ путемъ ни моремъ, имѣя возможность пользоваться безсмертіемъ (потому что имъ неизвѣстны ни болѣзни, ни трудъ, ни война, ни голодъ, ни пороки),—при всемъ томъ умираютъ, какъ и мы: по истеченіи тысячелѣтней жизни, вполнѣ насладившись землею, они добровольно прыгаютъ въ море и топятъ себя. Но вотъ тебѣ еще басня: братья Битонъ и

Клеобъ, въ одинъ праздничный день, за недостаткомъ муловъ, впряглись въ колесницу своей матери, жрицы Юноны, и отвезли её въ храмъ; мать умоляла богиню вознаградить сыновнюю любовь самымъ высшимъ благомъ, которое можетъ быть дано людямъ. Юнона, вмѣсто безсмертія, противъ всякаго ожиданія, тотчасъ же послала добрымъ дѣтямъ тихую и пріятную смерть. Почти то же случилось съ Агомедомъ и Трофоніемъ: окончивъ строеніе дельфійскаго храма, они обратились къ Апполону съ просьбою заплатить имъ за работу; тотъ отвѣчалъ, что удовлетворитъ ихъ въ теченіи семи дней; шесть дней они провели въ пирахъ, въ ожиданіи божественной награды; на седьмую ночь, Апполонъ послалъ имъ такое пріятное сновидѣніе, что, проснувшись, они уже не требовали другой награды. Но ужь если мы заговорили баснями, то вотъ тебѣ еще одна, касательно которой я предложу тебѣ одинъ вопросъ. Знаю, что въ настоящее время наука полагаетъ, что жизнь человѣческая, во всякой обитаемой странѣ, подъ всякимъ небомъ, продолжается (за незначительными уклоненіями) тоже количество времени, какъ и у всякаго народа вообще. Но одинъ древній ученый *) разсказываетъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи и Эѳіопіи люди не живутъ болѣе сорока лѣтъ; кто умираетъ въ этомъ возрастѣ—умираетъ старѣйшимъ, и дѣти семи лѣтъ уже готовы къ супружеской жизни (послѣднее, впрочемъ, и теперь можно встрѣтить въ Гвинеѣ, Деканѣ

*) Плиній.

и другихъ мѣстахъ жаркаго пояса). И такъ, если допустить предположеніе, что найдется хоть одна какая нибудь нація, члены которой не переживаютъ сорока лѣтъ (и это—естественно, а не по другимъ причинамъ, какъ напр. готтентоты),—спрашивается: несчастнѣе или счастливѣе они другихъ людей?

Физикъ. Безъ сомнѣнія несчастнѣе, потому что умираютъ скорѣе.

Метафиз. А я такъ думаю напротивъ, и по той же самой причинѣ. Обрати вниманіе на слѣдующее: хотя я отрицалъ, что чистая жизнь (т. е. простое чувство собственнаго существованія) вещь пріятная и желанная по природѣ, но я не думаю отрицать, что все то, что можно по справедливости назвать жизнью т. е. сила и количество ощущеній, естественно любимы и желаемы всѣми людьми; потому что всякое дѣйствіе, всякая живая и сильная страсть, хотя бы горькая и безотрадная, всегда будетъ привлекать къ себѣ людей одной своею силой и жизненностью безъ всякаго другаго пріятнаго чувства. Если бы у нѣкоторыхъ народовъ жизнь естественно не превышала сорока лѣтъ т. е. половины времени, назначеннаго для жизни другихъ людей, то эта жизнь была бы вдвое жизненнѣе нашей, потому что всѣ жизненные процессы, развиваясь и ослабѣвая вдвое скорѣе, пропорціонально этой быстротѣ имѣли бы въ каждомъ своемъ проявленіи двойную силу противъ обыкновенныхъ; а потому дѣйствія, поступки и вообще внѣшнее проявленіе жизни соотвѣтствовали бы этой двойной силѣ; такимъ образомъ, упомянутые народы получили бы такое же

количество жизни, какое получаемъ и мы; и если это количество, распредѣляясь на число лѣтъ, вдвое меньшее противъ нашей жизни, можетъ наполнять его, то отсюда слѣдуетъ, что его не хватитъ на двойное количество времени. Дѣйствія и чувства, болѣе сильныя, замкнутыя въ болѣе тѣсный кругъ и достаточныя для наполненія сороколѣтней жизни,—въ нашей, вдвое болѣе продолжительной, оставляютъ частые и долгіе промежутки, свободные отъ всякаго живаго дѣйствія и чувства. А потому, если желательно не простое существованіе, но счастливое, и если счастіе не зависитъ отъ числа годовъ,—я имѣю право заключить, что жизнь при такомъ порядкѣ вещей, чѣмъ короче, тѣмъ менѣе бѣдна наслажденіемъ, и её должно предпочесть нашей, а также и жизни первыхъ царей Ассиріи, Египта, Китая, Индіи и пр., которые, если вѣрить баснямъ, жили цѣлыя тысячи лѣтъ. Вслѣдствіе этого, я не только не забочусь о безсмертіи и продолжительности жизни, но желалъ бы, напротивъ, жить такъ же быстро, какъ извѣстныя насѣкомыя, называемыя эфемерами, изъ которыхъ самыя долговѣчныя живутъ не болѣе одного дня, хотя умираютъ прадѣдами и прапрадѣдами. Въ этомъ случаѣ у меня, по крайней мѣрѣ, не осталось бы времени для скуки! Что ты думаешь о моемъ разсужденіи?

Физикъ. Думаю, что оно меня не убѣждаетъ и что если ты любишь метафизику, я предпочитаю физику; хочу сказать этимъ, что если ты разсматриваешь жизнь по мелочамъ, то я созерцаю её en gros, и доволенъ этимъ; а потому, не прибѣгая къ микроскопу, рѣшаю, что жизнь лучше смерти и даю

яблоко первой, хотя обѣ онѣ остаются передо мною въ покрывалахъ.

Метафиз. Пожалуй и я думаю такъ. Но когда мнѣ приходитъ на память обычай тѣхъ варваровъ, которые въ каждый несчастный день своей жизни бросали въ свой колчанъ черный камень, а въ каждый счастливый—бѣлый, я думаю, какъ мало оказалось бѣлыхъ въ этихъ колчанахъ и какъ много черныхъ! Нѣтъ, я желалъ бы видѣть впередъ всѣ камни, которые мнѣ достанутся, выбросить вонъ всѣ черные и сохранить только бѣлые; хотя я хорошо знаю, что и всѣхъ то ихъ наберется не большая кучка, въ которой замѣшается развѣ какой нибудь одинъ бѣлый.

Физикъ. Но большинство людей, напротивъ, пожелаетъ сохранить всѣ камни, хотя бы всѣ они были черны, потому что надѣется, что ни одинъ изъ нихъ не будетъ такъ черенъ, какъ послѣднiй. Эти люди, къ числу которыхъ принадлежу и я, могутъ прибавить много камней къ своей жизни, ведя себя такь, какъ показано въ моей книгѣ.

Метафиз. Каждый думаетъ и поступаетъ по своему, и смерть также поступаетъ по своему. Но если ты хочешь, продолжая жизнь, дѣйствительно принести пользу людямъ, то найди искусство увеличивать число и живость ихъ ощущенiй и дѣйствiй; только въ этомъ случаѣ ты дѣйствительно будешь умножать жизнь и, наполняя тѣ безмѣрные промежутки времени, въ которыхъ наше существованiе сводится къ нулю, справедливо можешь похвалиться тѣмъ, что продолжилъ его; и все это — не переходя границъ естественнаго, не насилуя

природы, но слѣдуя ей. Да, этимъ ты окажешь величайшее благодѣяніе людямъ, жизнь которыхъ всегда на столько менѣе несчастна, на сколько болѣе жива и дѣятельна. Но жизнь праздная, скучная и лѣнивая заставляетъ вѣрить приговору Пиррона, который говоритъ, что нѣтъ различія между жизнью и смертью; потому то, увѣряю тебя, смерть страшитъ меня не мало. Вообще, жизнь должна быть жива, какъ истинная жизнь, иначе—смерть окажется несравненно цѣннѣе ея.

9.

ТОРКВАТО ТАССО И ГЕНІЙ. *)

Геній. Какъ поживаешь, Торквато?

Тассъ. Ты самъ можешь понять, какъ живутъ въ тюрьмѣ, среди безконечныхъ стоновъ и жалобъ.

Геній. Да, но послѣ ужина—не время жаловаться. Развеселись же, и поболтаемъ немного.

Тассъ. Едва ли я способенъ на это. Впрочемъ, твое присутствіе и твоя бесѣда всегда приносятъ мнѣ облегченіе. Сядемъ.

Геній. Сядемъ? Это не совсѣмъ то легко для духа; но вотъ,—вообрази, что я сижу.

Тассъ. О еслибъ я могъ увидѣть мою Леонору! Всякій разъ, какъ я вспоминаю о ней, безконечная радость разливается по всему моему существу, и нѣтъ во мнѣ ни одного нерва, ни одной фибры, которая бы не была потрясена! Когда я думаю о ней, во мнѣ оживаютъ такіе образы, такія чувства, что въ эти минуты я кажусь самому себѣ

---

*) Мансо въ своемъ сочиненіи „Жизнь Тасса" говоритъ, что поэту во время помѣшательства являлся какой то добрый духъ, съ которымъ онъ велъ продолжительные разговоры.

прежнимъ Торквато, какимъ я былъ давно, прежде чѣмъ по опыту узналъ жизнь и людей и котораго я иногда оплакиваю, какъ умершаго. Да, я сказалъ бы, что жизненный опытъ и бѣдствія усыпляютъ въ нашей душѣ того перваго человѣка, которымъ былъ каждый изъ насъ; что по временамъ этотъ человѣкъ просыпается въ ней, но тѣмъ рѣже, чѣмъ болѣе мы старѣемъ; что, отступая отъ насъ все дальше и дальше, онъ съ каждымъ разомъ погружается въ болѣе глубокій сонъ, и такъ до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не умираетъ.... Теперь же, я изумляюсь, какимъ образомъ мысль о женщинѣ могла съ такой силой обновить мнѣ душу и заставить меня позабыть столько бѣдствій! Если бы я не потерялъ надежды видѣть её когда нибудь, я подумалъ бы, что еще могу быть счастливымъ....

Геній. Скажи, что по твоему пріятнѣе, видѣть любимую женщину или думать о ней?

Тассъ. Не знаю. Вѣрно то, что когда она бывала со мною, она казалась мнѣ женщиной, но удаленная отъ глазъ моихъ, она представлялась и представляется мнѣ богиней.....

Геній. Да, эти богини такъ великодушны.... Когда кто нибудь къ нимъ приближается, онѣ въ мигъ слагаютъ съ себя свое божественное достоинство, собираютъ окружающіе ихъ лучи и прячутъ въ карманъ, чтобъ не ослѣпить смертнаго, стоящаго передъ ними.

Тассъ. Ты правъ, даже слишкомъ.... Но не кажется ли тебѣ великой виной со стороны женщинъ, что онѣ являются намъ совсѣмъ не такими, как ими мы ихъ воображали?

Геній. Я не вижу причинъ обвинять ихъ въ томъ, что онѣ созданы болѣе изъ мяса и крови, нежели изъ амброзіи и нектара. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли въ мірѣ вещь, которая бы имѣла хоть тѣнь, хоть тысячную долю того совершенства, которое вы полагаете въ женщинахъ? Мнѣ странно, что вы, признавая мужчинъ такими, каковы они есть на самомъ дѣлѣ, не въ силахъ понять, что женщины не могутъ быть ангелами.

Тассъ. И при всемъ томъ, я все таки умираю отъ желанія видѣть её и говорить съ нею!

Геній. Хорошо, сегодня ты увидишь её во снѣ прекрасною, какъ юность; ты будешь говорить съ нею несравненно свободнѣе, нежели когда бы то ни было прежде. На прощанье она пожметъ тебѣ руку и, посмотрѣвъ на тебя, вдохнетъ въ твою душу такую сладость, что цѣлый день, при воспоминаніи объ этомъ снѣ, сердце твое будетъ прыгать отъ радости.

Тассъ. Славное утѣшеніе,—сонъ вмѣсто истины!

Геній. Но что такое истина?

Тассъ. Я знаю о ней не больше Пилата.

Геній. Хорошо, я отвѣчу за тебя. Знай,—разница между истиной и сновидѣніемъ заключается лишь въ томъ, что послѣднее бываетъ иногда такъ хорошо и сладко, какъ первая не бываетъ никогда.

Тассъ. Какъ, наслажденіе во снѣ ты ставишь на одну доску съ дѣйствительнымъ?

Геній. Я думаю. Одинъ изъ васъ мнѣ говорилъ, что когда любимая женщина является ему во снѣ, онъ на слѣдующій день избѣгаетъ ея общества, зная, что она не могла бы выдержать сравненія съ

тѣмъ образомъ, впечатлѣніе котораго онъ получилъ во снѣ, и что истина, уничтоживъ въ душѣ его ложь, лишила бы его того великаго наслажденія, которое онъ извлекъ изъ этой послѣдней. Древніе были гораздо изобрѣтательнѣе и искуснѣе васъ почти во всѣхъ родахъ наслажденій, доступныхъ человѣческой природѣ, и я не осуждаю ихъ за то, что они различными способами заботились о пріятности и веселости своихъ сновидѣній; я не обвиняю Пиѳагора, который не ѣлъ бобовъ, потому что эта пища, по его мнѣнію, могла возмутить его сонъ, и извиняю тѣхъ суевѣровъ, которые, передъ отходомъ ко сну, приносили жертвы проводнику сновъ, Меркурію, чтобъ онъ посылалъ имъ только счастливые и веселые. Такъ, люди, не находя счастія въ бодрствованіи, учились быть счастливыми во снѣ, и я думаю, что это отчасти удавалось имъ, и что Меркурій слышалъ ихъ лучше, нежели другіе боги.

Тассъ. Однако, если люди живутъ для наслажденія (тѣлеснаго или духовнаго), если, съ другой стороны, наслажденіе заключается преимущественно во снѣ, то отсюда слѣдуетъ, что цѣль нашей жизни—сонъ. Съ этимъ я не могу согласиться.......

Геній. Но ты уже согласился, потому что живешь и соглашаешься жить. Что такое наслажденіе?

Тассъ. Я такъ мало испыталъ его въ дѣйствительности, что не сумѣю тебѣ отвѣтить.

Геній. Никто не испыталъ его въ дѣйствительности, но только въ мышленіи. Наслажденіе—вещь умозрительная, а не реальная: желаніе а не фактъ, чувство, порождаемое человѣческой мыслью, а не опытъ, или, лучше сказать, не чувство, но понятіе.

Не замѣчаете ли вы, что во время какого нибудь наслажденія, положимъ, безконечно желаннаго и достигнутаго путемъ тяжкихъ трудовъ и лишеній, вы, не удовлетворяясь тѣмъ, что испытываете въ данныя минуты, всегда находитесь въ ожиданіи чего то высшаго, лучшаго, заключающаго въ себѣ всю полноту наслажденія? Вы всегда стремитесь къ будущимъ минутамъ вашего наслажденія; оно же всегда кончается прежде того момента, который долженъ васъ удовлетворить, и не оставляетъ вамъ никакого другаго блага, кромѣ слѣпой надежды насладиться лучше и дѣйствительнѣе въ другой разъ и утѣшенія притвориться передъ самими собой и увѣрить себя, что вы наслаждались, а также и разсказать это другимъ,—не изъ хвастовства только, но чтобъ помочь самимъ себѣ убѣдиться въ этомъ. Слѣдовательно всякій, кто соглашается жить, поступаетъ такъ не въ силу какой нибудь другой цѣли, но единственно, чтобы грезить т. е. думать, что онъ наслаждается или наслаждался; то и другое равно лживо и фантастично.

Тассъ. Но развѣ люди не могутъ твердо вѣрить въ то, что они наслаждаются въ данную минуту?

Геній. Когда они вѣрятъ, они наслаждатся дѣйствительно. Но скажи мнѣ: была ли въ твоей жиз хоть одна минута, когда ты говорилъ себѣ съ полной искренностью и увѣренностью: я наслаждаюсь? Ты говоришь ежедневно и говоришь искренно: я буду наслаждаться; часто, но уже съ меньшею искренностью: я наслаждался. Какъ видишь, наслажденіе всегда или прошедшее или будущее; настоящимъ же оно никогда не бываетъ.

Тассъ. Но въ такомъ случаѣ оно всегда—ничто.

Геній. Кажется такъ.

Тассъ. Также и въ сновидѣніи.

Геній. Пожалуй.

Тассъ. Но вѣдь предметъ и цѣль нашей жизни, цѣль существенная и единственная—все таки наслажденіе или счастіе, что все равно, потому что счастіе необходимо должно быть наслажденіемъ, отъ чего бы оно ни происходило?

Геній. Безъ сомнѣнія.

Тассъ. Отсюда—жизнь наша, лишаясь всякой законченности, является безпрерывнымъ несовершенствомъ... Отсюда, она по самой природѣ своей состояніе жестокое, невыносимое.....

Геній. Можетъ быть.

Тассъ. Нѣтъ, я не вижу здѣсь „можетъ быть." Но для чего же мы живемъ? Я хочу сказать, для чего мы соглашаемся жить?

Геній. Почемъ я знаю? Вамъ, людямъ, лучше знать это.

Тассъ. Но я, клянусь тебѣ, я не знаю этого.

Геній. Спроси болѣе свѣдущихъ; можетъ быть, найдется такой, который разрѣшитъ твое сомнѣніе.

Тассъ. Я сдѣлаю это. Но жизнь, которую я веду —невыносима. Не говоря уже о страданіяхъ, одна скука убиваетъ меня!

Геній. Что такое скука?

Тассъ. О, въ этомъ случаѣ я на столько опытенъ, что могу дать тебѣ отвѣтъ. Скука, мнѣ кажется, походитъ на воздухъ, который наполняетъ всѣ пространства, незанятыя вещами, и всѣ ихъ пòры. Когда тѣло двигается, и другое не заступаетъ его

мѣста, это послѣднее непосредственно занимается воздухомъ. Такъ и въ нашей жизни всѣ промежутки времени между наслажденіемъ и страданіемъ наполняются скукою. По мнѣнію перипатетиковъ, въ мірѣ матеріальномъ нѣтъ пустоты; такъ нѣтъ её и въ жизни,—развѣ только въ томъ случаѣ, когда нашъ умъ почему нибудь перестаетъ мыслить. Все остальное время духъ нашъ волнуется какою нибудь страстью: если онъ не занятъ ни удовольствіемъ ни страданіемъ, то его наполняетъ скука, которая также своего рода страсть, какъ наслажденіе и страданіе.

Геній. И такъ какъ всѣ ваши наслажденія сотканы изъ матеріи тонкой, рѣдкой и прозрачной, какъ паутина, то подобно воздуху, проникающему сквозь паутинки, скука со всѣхъ сторонъ проникаетъ вашу душу. Да, скука есть ничто иное, какъ чистое желаніе счастія, неудовлетворенное наслажденіемъ и не возмущенное открыто страданіемъ. Но желаніе это, какъ мы уже рѣшили, никогда не удовлетворяется, а наслажденіе, собственно говоря, совсѣмъ не существуетъ, а потому жизнь человѣческая, такъ сказать, пронизана и переплетена страданіемъ и скукою; она отдыхаетъ отъ одной страсти не иначе, какъ впадая въ другую. И это относится не къ тебѣ одному,—это жребій, общій всѣмъ людямъ.

Тассъ. Но есть ли, по крайней мѣрѣ, какое нибудь средство противъ этой скуки?

Геній. Есть: сонъ, опій и страданіе; послѣднее могущественнѣе другихъ: страдающій не можетъ скучать.

Тассъ. Я лучше соглашусь скучать всю жизнь, нежели обращусь къ такой медицинѣ. Но мнѣ кажет-

ся, что если разнообразіе дѣйствій, занятій и чувствъ и не освобождаетъ насъ отъ скуки, потому что не даетъ намъ истиннаго наслажденія,—то по крайней мѣрѣ поддерживаетъ и облегчаетъ насъ. Здѣсь же, въ этой тюрьмѣ, оторванный отъ человѣческаго общества, лишенный возможности писать, принужденный слѣдить за ударами маятника, считать дыры и щели на полу и стѣнахъ, забавляться мотыльками и мухами, которые летаютъ по комнатѣ, словомъ, проводить время въ полнѣйшемъ однообразіи,—здѣсь я ничѣмъ не могу хоть отчасти облегчить себѣ бремя скуки.

Геній. Давно ты здѣсь?

Тассъ. Давно.

Геній. Неужели ты до сихъ поръ не замѣтилъ никакого разнообразія въ своей жизни?

Тассъ. Правда, вначалѣ я скучалъ больше, потому что мой умъ, ничѣмъ не занятой и не развлекаемый, пріучался бесѣдовать съ самимъ собою; теперь же эта привычка такъ развилась въ немъ, что мнѣ кажется по временамъ, будто бы я не одинъ, что у меня есть собесѣдники; и стоитъ мнѣ подумать о какомъ нибудь незначительномъ предметѣ, чтобъ между мной и имъ возникъ продолжительный разговоръ.

Геній. И эта привычка, какъ ты увидишь, возраститъ и утвердится въ тебѣ до того, что послѣ, когда ты получишь возможность быть въ обществѣ людей, тебѣ будетъ казаться, что въ немъ ты занятъ меньше, чѣмъ въ своемъ уединеніи. Не думай, что эта привычка принадлежитъ только подобнымъ тебѣ, уже привыкшимъ размышлять: она есть болѣе или менѣе достояніе всѣхъ и приноситъ ту пользу, что человѣкъ холодный, пресыщенный и разочарованный

жизнью, привыкая мало по малу созерцать её изъ своего уединенія (откуда она кажется лучшею, нежели вблизи), забываетъ о ея суетѣ и ничтожествѣ, начинаетъ пересоздавать міръ на свой образецъ и въ то же время цѣнить жизнь, любить и даже желать её; однимъ словомъ, опытный человѣкъ начинаетъ жить тѣмъ, чѣмъ онъ жилъ въ годы своей юности, испытывая снова всѣ блага первой неопытности, о которыхъ ты вздыхаешь. Но я вижу, что ты уже дремлешь, а потому прощай: я иду приготовить тебѣ обѣщанное сновидѣніе. Такъ, среди сновъ и фантазій ты будешь изживать свой вѣкъ, единственно чтобъ изживать его: вѣдь это единое благо, которое можно получить отъ жизни, единая цѣль, которую вы, люди, ставите себѣ каждое утро, открывая глаза. Чаще всего вамъ самимъ приходится влачить её въ зубахъ, какъ поноску, и счастливъ тотъ день, когда вы можете подталкивать её руками или нести на плечахъ. Но все же, время идетъ въ твоей тюрьмѣ не медленнѣе, чѣмъ въ залахъ и садахъ твоихъ притѣснителей. Прощай.

Тассъ. Прощай, но послушай. Твоя бесѣда меня очень поддерживаетъ: не то чтобъ она прекращала мою печаль — нѣтъ; но эта послѣдняя безъ тебя бываетъ мрачна, какъ ночь безъ луны и звѣздъ; съ тобою же она походитъ на сумерки, въ которыхъ все таки больше свѣта. Позволь мнѣ по временамъ звать тебя. Скажи только, гдѣ ты имѣешь привычку пробывать?

Геній. Развѣ ты еще не знаешь этого? Въ извѣстномъ благородномъ напиткѣ.

10.

ПРИРОДА И ЖИТЕЛЬ ИСЛАНДІИ.

Одинъ Исландецъ, который объѣхалъ бо̀льшую часть свѣта и перебывалъ почти во всѣхъ странахъ, отправился наконецъ во внутренность Африки. При переходѣ черезъ экваторъ, въ одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, куда еще не проникала человѣческая нога, съ нимъ произошло нѣчто необычайное, подобное тому, что случилось съ Васко де Гамой, когда тотъ огибалъ мысъ Доброй Надежды. Знаменитому мореходцу явился этотъ самый мысъ въ формѣ гиганта, чтобъ отговорить его отъ опаснаго изслѣдованія окружнаго моря. Исландецъ же издали увидалъ человѣческій бюстъ чудовищной величины и сначала предположилъ, что этотъ бюстъ сдѣланъ изъ камня, на подобіе тѣхъ колоссальныхъ пустынниковъ, которыхъ онъ встрѣчалъ когда-то на островѣ Пасхи. Но приблизившись, онъ убѣдился, что это была необыкновенной величины женщина, и женщина живая; она сидѣла на землѣ, оперевшись спиною и локтемъ на гору; лице ея было въ одно и тоже время и прекрасно, и ужасно; глаза и волосы—черны, какъ смоль. Долгое время она мол-

ча и пристально смотрѣла на него и наконецъ сказала:

Природа. Кто ты? Чего ты ищешь въ этихъ, мѣстахъ, куда еще не проникалъ ни одинъ подобный тебѣ?

Исландецъ. Я бѣдный Исландецъ, и бѣгу отъ природы; въ теченіи всей моей жизни я бѣжалъ отъ нея по всему свѣту, и наконецъ теперь бѣгу отъ нея сюда....

Природа. Какъ бѣжитъ бѣлка отъ гремучей змѣи, пока сама наконецъ не попадетъ къ ней въ зубы... Вѣдь я та самая, отъ кого ты бѣжишь.

Исландецъ. Природа?

Природа. Она.

Исландецъ. Со мной не могло случиться бòльшаго несчастія!

Природа. Но ты долженъ былъ знать, что я преимущественно посѣщаю эти мѣста, потому что здѣсь, болѣе нежели гдѣ нибудь, проявляется мое могущество. Что же тебя заставило бѣжать меня?

Исландецъ. Я скажу тебѣ это. Еще въ первой молодости, по нѣсколькимъ опытамъ я убѣдился въ тщетѣ жизни и въ глупости людей, которые, безпрерывно борясь между собою за пріобрѣтеніе радостей, которыя ихъ не радуютъ и благъ, которыя ихъ не удовлетворяютъ, причиняя себѣ безконечныя заботы и несчастія, которыя ихъ дѣйствительно удручаютъ, тѣмъ болѣе удаляются отъ счастія, чѣмъ болѣе ищутъ его. Вслѣдствіе этихъ соображеній, я отказался отъ всякихъ другихъ желаній и и рѣшилъ вести темную и спокойную жизнь, не причиняя никому зла и не заботясь о возвышеніи

своего положенія. Убѣжденный въ томъ, что наслажденіе есть вещь, въ которой намъ отказано, я положилъ совсѣмъ не заботиться объ отвращеніи страданій. Этимъ, однако, я не хочу сказать, что я отрѣшился отъ всякихъ занятій и тѣлесныхъ трудовъ: —ты сама понимаешь различіе между трудомъ и заботой, между жизнью спокойной и праздной. Прилагая къ жизни свою философію, я на первыхъ же порахъ понялъ, какъ наивны тѣ, которые думаютъ, что живя съ людьми и не оскорбляя никого, можно избѣжать оскорбленій отъ другихъ; что добровольно уступая людямъ и довольствуясь во всемъ самымъ малымъ, — можно надѣяться, что они тебѣ оставятъ хоть какое нибудь мѣсто, и не будутъ оспаривать у тебя этого малаго! Впрочемъ, отъ злобы людей я освободился легко, удалившись изъ ихъ общества и предавшись уединенію, которое не трудно найти на нашемъ островѣ. Поступивъ такъ, и проводя жизнь, лишенную и тѣни удовольствія, я, однако, не могъ освободиться отъ страданія: меня постоянно тревожили естественныя свойства моего отечества,—продолжительность зимы, жестокость холода и невыносимый жаръ лѣтомъ; огонь, около котораго я проводилъ большую часть времени, изсушилъ мое тѣло и испортилъ мнѣ глаза дымомъ, такъ что ни дома, ни подъ открытымъ небомъ я не могъ спастись отъ безпрерывнаго безпокойства. Мнѣ не удалось также сохранить и тотъ покой жизни, къ которому сначала были устремлены всѣ мои мысли: ужасныя бури на морѣ и на землѣ, угрожающій ревъ Геклы, ожиданіе пожаровъ, столь частыхъ въ нашихъ деревянныхъ гостинницахъ,

не переставали ни на минуту возмущать меня. Всѣ эти неудобства жизни, въ высшей степени однообразной и лишенной всякаго желанія, всякой надежды, почти всякой заботы, должны были дѣйствовать на меня тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе мой умъ былъ занятъ мыслями объ общественныхъ невзгодахъ и несчастіяхъ, идущихъ отъ людей. Чѣмъ болѣе я старался устроить свою жизнь такъ, чтобы мое существованіе не причиняло никому и ничему ни ущерба, ни вреда, тѣмъ менѣе мнѣ удавалось избѣгать волненій и безпокойствъ, которыя мнѣ причиняла вся окружающая меня обстановка. Вслѣдствіе этого, я рѣшилъ перемѣнить мѣсто и климатъ и поискать по свѣту такой страны, гдѣ бы человѣкъ, твердо отказавшись причинять вредъ и искать удовольствій, могъ избавиться отъ страданій и оскорбленій. На это рѣшеніе меня навела мысль, что можетъ быть ты назначила человѣческому роду какой нибудь одинъ извѣстный климатъ и одно извѣстное мѣсто на землѣ (какъ ты сдѣлала это для всѣхъ другихъ животныхъ и растеній), внѣ котораго люди не могутъ жить благополучно, безъ несчастій и безпокойствъ, и такимъ образомъ должны винить самихъ себя, если пренебрегаютъ законами, предписанными тобою относительно человѣческаго общежитія. По всему свѣту искалъ я такой страны, но, увы, —не нашелъ: подъ тропиками я сгаралъ отъ жара, у полюсовъ мерзъ отъ стужи, въ умѣренныхъ странахъ постоянно страдалъ отъ перемѣнчивости воздуха и другихъ возмущеній атмосферы. Я встрѣчалъ множество мѣстъ, гдѣ ни одинъ день не обходится безъ бури, — какъ будто ты рѣшилась ежедневно осаж-

дать людей, не причиняющихъ тебѣ никакого зла въ другихъ мѣстахъ свирѣпствовали чудовищные; ураганы и вѣтры; тамъ—голова моя гнулась подъ тяжестью снѣга, здѣсь—сама земля, отъ обилія дождей, раздавалась у меня подъ ногами, тутъ—я долженъ былъ, сломя голову, бѣжать отъ рѣкъ, которыя преслѣдовали меня, какъ будто я въ чемъ нибудь провинился передъ ними; множество дикихъ звѣрей, безъ малѣйшаго повода съ моей стороны, готовы были растерзать меня; змѣи угрожали жаломъ; во многихъ мѣстахъ летучія насѣкомыя едва не прокусывали мое тѣло до самыхъ костей! Я уже не говорю о тѣхъ ежедневныхъ и неминуемыхъ опасностяхъ, которыя такъ многочисленны, что одинъ древній философъ *) не находитъ противъ страха никакого другаго средства, какъ разсужденіе, что надо бояться всякой вещи. И болѣзни также не обошли меня, хотя я не только воздерженъ, но и совсѣмъ отказался отъ чувственныхъ наслажденій. Съ великимъ удивленіемъ вижу я, что, вложивъ въ насъ такую сильную и ненасытную жажду наслажденія, которое составляетъ натуральную потребность и безъ котораго жизнь дѣлается несовершенною,—ты, съ другой стороны, сдѣлала его едвали не самымъ вреднымъ и опаснымъ для тѣлеснаго здоровья и сокращающимъ человѣческую жизнь! Но отказавшись отъ наслажденія, я все таки не могъ избѣгнуть многихъ и разнообразныхъ болѣзней, изъ которыхъ однѣ угрожали мнѣ смертью, другія—потерею какого нибудь члена,—и всѣ въ теченіи мно-

*) Сенека.

гихъ дней и даже мѣсяцевъ причиняли мнѣ тысячи болей и страданій. При этомъ я замѣтилъ, что, заставляя каждаго изъ насъ переносить во время болѣзни новыя, еще неиспытанныя и непривычныя страданія (какъ будто жизнь человѣка и безъ того недостаточно несчастна!),—ты, однако, не даешь намъ, въ вознагражденіе, извѣстнаго періода высшаго и неиспытаннаго здоровья, которое приносило бы намъ наслажденіе, необыкновенное по своему качеству и силѣ.... Въ странахъ, покрытыхъ почти всегда снѣгомъ, я едва не ослѣпъ, какъ это и случается съ лапландцами въ ихъ отечествѣ. Даже отъ солнца и воздуха,—вещей необходимыхъ для жизни, отъ которыхъ и скрыться невозможно, даже и отъ нихъ я долженъ былъ терпѣть: отъ одного сырость, и суровость и т. под., отъ другаго жаръ и ослѣпительный свѣтъ. Наконецъ, я не помню одного дня въ своей жизни, который бы прошелъ безъ какого нибудь огорченія, не могу перечислить тѣхъ дней, которые канули въ вѣчность, не оставивъ по себѣ и тѣни радости. Отсюда я заключаю, что ты—скрытый врагъ людей, животныхъ и вообще всѣхъ твоихъ твореній, изъ которыхъ однимъ ты разставляешь засаду, другимъ угрожаешь, третьихъ осаждаешь, четвертыхъ бьешь, пятыхъ ломаешь, шестыхъ разрываешь, и всѣхъ всегда или оскорбляешь или преслѣдуешь; что ты, не знаю почему, являешься палачемъ своего собственнаго семейства, своихъ дѣтей, своей собственной крови... Люди—злы, но они, по крайней мѣрѣ, перестаютъ преслѣдовать того, кто бѣжитъ и скрывается отъ нихъ съ искреннимъ желаніемъ убѣжать и скрыться; ты же никогда не перестанешь преслѣ-

довать насъ и гонишь до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не уничтожишь. Да, я уже вижу передъ собою горькое и безотрадное время старости, это истинное, открытое зло, даже цѣлая громада зла, и зла не случайнаго, но опредѣленнаго тобою закономъ для всѣхъ видовъ живыхъ существъ, предвкушаемаго нами съ дѣтства и ведущаго каждаго изъ насъ неустанно и неуклонно къ разрушенію; такъ что едва треть человѣческой жизни назначена для цвѣтенія, нѣсколько минутъ для зрѣлости и относительнаго совершенства, все же остальное—для быстраго и невозвратнаго увяданія!

Природа. Ты, кажется, воображаешь, что міръ созданъ для васъ, людей? Узнай же, что во всѣхъ моихъ дѣлахъ, порядкахъ и предпріятіяхъ я имѣла цѣлью никакъ не счастіе или несчастіе людей, а нѣчто иное... Если я, какъ ты говоришь, оскорбляю васъ, то никогда не замѣчаю этого, какъ не замѣчаю и пользы, которую вамъ приношу. Наконецъ, еслибы мнѣ пришлось стереть съ лица земли весь вашъ родъ, я и этого не замѣтила бы.

Исландецъ. Хорошо; но представь себѣ, что кто нибудь добровольно приглашаетъ меня въ свою виллу, и я соглашаюсь на его просьбу. Тамъ мнѣ даютъ для помѣщенія полуразвалившуюся каморку, въ которой я нахожусь въ постоянной опасности быть раздавленнымъ,—сырую, вонючую, открытую для вѣтра и дождя...Хозяинъ не только не заботится о томъ, чтобы доставить мнѣ хоть какое нибудь удобство, но, напротивъ, едва даетъ мнѣ необходимое для существованія; кромѣ того, онъ еще позволяетъ своимъ дѣтямъ и всему семейству всячески оскорб-

лять меня, поносить и даже бить. Если же я досадую на такое обращеніе, онъ отвѣчаетъ мнѣ: да развѣ я построилъ эту виллу для тебя? Развѣ я для твоихъ услугъ держу моихъ дѣтей и всѣхъ моихъ людей? У меня есть о чемъ думать, кромѣ твоего развлеченія и удобства. Если бы это было такъ, я отвѣтилъ бы ему: видишь ли, другъ мой, хотя не для меня ты построилъ свою виллу, но ты могъ бы не приглашать меня къ себѣ. Если же ты добровольно желалъ, чтобы я здѣсь жилъ, не долженъ ли ты съ своей стороны позаботиться о томъ, чтобы мнѣ жилось, по крайней мѣрѣ, безъ особенныхъ огорченій и опасностей? Такъ я говорю и теперь. Знаю хорошо, что ты создала міръ не для удовольствія людей: скорѣе я подумалъ бы, что ты назначила его нарочно для ихъ мученія! Теперь я спрашиваю: развѣ я просилъ тебя помѣстить меня во вселенной? Или я ворвался въ нее силою и противъ твоей воли? Но если это случилось безъ моего вѣдома и по твоему желанію, однимъ словомъ такъ, что я не могъ ни согласиться на это, ни отвратить этого, и ты своими руками бросила меня въ міръ,—не обязана ли ты, не говорю сдѣлать меня веселымъ и довольнымъ, но по крайней мѣрѣ запретить оскорблять и огорчать меня, чтобъ я не тяготился своимъ существованіемъ? И все, что я говорю о себѣ, я скажу и отъ лица всего человѣческаго рода и всѣхъ другихъ живыхъ существъ.

Природа. Ты, кажется, не знаешь, что жизнь вселенной есть безконечный кругъ возникновенія и разрушенія, соединенныхъ взаимно такъ, что одно постоянно служитъ другому, и оба вмѣстѣ—сохране-

нію міра, который неминуемо самъ придетъ въ упадокъ, въ случаѣ уничтоженія какого нибудь изъ этихъ элементовъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ мірѣ нѣтъ ни одной вещи, которая была бы свободна отъ страданія.

Исландецъ. Тоже самое я слышу отъ всѣхъ философовъ. Но если то, что разрушается, страдаетъ, а то, что разрушаетъ, не радуется, и само, рано или поздно, должно подвергнуться разрушенію,—прошу тебя, отвѣть мнѣ на одинъ вопросъ, на который не отвѣтитъ мнѣ ни одинъ философъ въ мірѣ: кому же нужна, кому полезна эта несчастнѣйшая жизнь вселенной, сохраняемая ущербомъ и смертью всѣхъ вещей, составляющихъ её?....

Одни говорятъ, что на самомъ интересномъ мѣстѣ этого замѣчательнаго разговора явились, совершенно неожиданно, два льва, до такой степени слабые и истощенные, что едва были въ силахъ сожрать упомянутаго исландца и такимъ образомъ подкрѣпить себя на этотъ день. Другіе же отрицаютъ достовѣрность этого происшествія и утверждаютъ, что поднялся ужаснѣйшій ураганъ, который повергъ исландца на землю и воздвигъ надъ нимъ великолѣпный мавзолей изъ песку, подъ которымъ исландецъ былъ превосходно высушенъ и обратился въ прекрасную мумію. Мумія эта была найдена впослѣдствіи путешественниками и помѣщена въ одномъ изъ извѣстныхъ европейскихъ музеевъ.

11.

ФРЕДЕРИКЪ РЮИШЪ И ЕГО МУМІИ. *)

Рюишъ. (*Стоитъ у дверей своей мастерской и смотритъ въ замочную скважину.*) Что за чертъ! Кто это научилъ музыкѣ этихъ мертвецовъ, которые распѣваютъ, какъ пѣтухи въ полночь? Меня бьетъ лихорадка, и я чувствую, что скоро помертвѣю болѣе ихъ самихъ... Предохраняя ихъ отъ разложенія, могъ ли я предполагать, что они у меня воскреснутъ? Да, вотъ,—философствую, а у самого зубъ на зубъ не попадаетъ. Чертъ побери того дьявола, который надоумилъ меня держать у себя въ домѣ этотъ народъ! Просто не знаю, что дѣлать. Если запереть ихъ, они, чего добраго, выломаютъ дверь или проскользнутъ въ замочную дыру, да и явятся къ моей постели. Звать на помощь противъ мертвецовъ—статья не подходящая. Однако, попробуемъ ободриться и попугать ихъ немножко... (*входя*) Дѣтки, что это за игра? Что за шумъ? Развѣ вы забыли,

---

*) Фредерикъ Рюишъ, знаменитый голландскій анатомъ (1638—1731), прославился своими анатомическими консервами различныхъ частей человѣческаго тѣла. Прим. пер.

что вы мертвы? Если вы воскресли,—очень радъ; но предупреждаю, что у меня нѣтъ средствъ содержать васъ живыхъ, а потому прошу оставить мой домъ. Если же вы, какъ говорятъ, принадлежите къ породѣ вампировъ, то прошу васъ покорнѣйше утолять свою жажду въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ я нисколько не расположенъ дать вамъ высосать свою собственную кровь. Словомъ, если вы будете спокойны, какъ были до сихъ поръ,—мы будемъ жить въ ладу, и вамъ у меня ни въ чемъ не будетъ недостатка; въ противномъ случаѣ, я сейчасъ же беру дверной засовъ и убиваю васъ всѣхъ!

Мертвецъ. Не сердись. Мы мертвы и останемся такими безъ твоей помощи.

Рюишь. Но откуда же у васъ явилась эта фантазія пѣть?

Мертвецъ. Сегодня въ полночь, въ первый разъ исполнился тотъ знаменитый, математическій годъ, о которомъ такъ много разсказываютъ древніе писатели; мертвые говорятъ сегодня въ первый разъ; и не только здѣсь, но на всякомъ кладбищѣ, въ каждой могилѣ, на днѣ моря, подъ снѣгомъ, подъ пескомъ, подъ открытымъ небомъ,—вездѣ, всѣ мертвые пропѣли въ эту полночь пѣсенку, которую ты слышалъ.

Рюишъ. Сколько же времени продолжается ваше пѣніе и разговоръ?

Мертвецъ. Пѣніе уже кончилось. Говорить мы можемъ четверть часа, а потомъ снова погружаемся въ молчаніе до тѣхъ поръ, пока опять не исполнится этотъ годъ.

Рюишъ. Если это такъ, я полагаю, что вы уже не потревожите меня въ другой разъ. Болтайте же свободно, а я постою здѣсь въ сторонѣ и съ удовольствіемъ послушаю васъ.

Мертвецъ. Мы не можемъ говорить иначе, какъ отвѣчая кому нибудь изъ живыхъ. Кому нечего отвѣчать, тотъ все кончаетъ одной пѣсенкой.

Рюишъ. Это очень жаль, что вы не можете: любопытно было бы узнать, о чемъ бы вы стали разсуждать между собою?

Мертвецъ. Если бы мы и могли, ты ничего не услыхалъ бы, потому что намъ нечего сказать другъ другу.

Рюишъ. У меня въ умѣ тысячи вопросовъ, но такъ какъ времени мало и выбирать нельзя, то—объясните мнѣ вкратцѣ, какія тѣлесныя и душевныя ощущенія вы испытывали въ минуту смерти?

Мертвецъ. Что касается до самой минуты смерти, то я совсѣмъ не замѣтилъ её.

Другіе мертвецы. И мы также.

Рюишъ. Какъ не замѣтили?

Мертвецъ. Также, какъ и ты не замѣчаешь того мгновенія, когда погружаешься въ сонъ.

Рюишъ. Но сонъ—вещь естественная.

Мертвецъ. А смерть тебѣ кажется неестественной? Укажи мнѣ человѣка, животное, растеніе, которые бы не умирали?

Рюишъ. Ну, если вы даже не замѣтили, какъ умерли, я уже не удивляюсь тому, что вы распѣваете пѣсни. Я полагалъ, что объ этомъ обстоятельствѣ вашъ братъ знаетъ побольше насъ, живыхъ. Но,

серьезно, вы не чувствовали никакого страданія въ минуту смерти?

Мертвецъ. Какое же страданіе можетъ чувствовать тотъ, который даже не замѣчаетъ его?

Рюишъ. Но всѣ же убѣждены, что чувство смерти причиняетъ сильнѣйшее страданіе.

Мертвецъ. Какъ будто смерть—чувство, а не что нибудь противуположное ему?

Рюишъ. Но какъ тѣ, которые смотрятъ на душу съ точки зрѣнія эпикурейцевъ, такъ и тѣ, которые держатся въ этомъ отношеніи общаго мнѣнія,—всѣ, или по крайней мѣрѣ большинство, согласны со мною т. е. думаютъ, что смерть по самой природѣ своей есть живѣйшее страданіе.

Мертвецъ. Спроси же съ нашей стороны тѣхъ и другихъ: если человѣкъ не въ силахъ замѣтить того момента, когда его жизненные процессы прерываются сномъ, летаргіей, обморокомъ и т. под; какъ же онъ можетъ услѣдить тотъ мигъ, когда эти процессы прерываются уже не на время, а навсегда? Кромѣ того, какимъ образомъ смерть можетъ дать мѣсто какому нибудь живому чувству? Развѣ она сама живое чувство? Какимъ образомъ человѣкъ можетъ быть способенъ къ сильному чувству въ то время, когда способность чувствовать не только ослабѣваетъ и уменьшается, но сводится къ нулю? Или вы думаете, что самое замираніе чувствительной способности должно давать сильное ощущеніе? Но вѣдь вамъ извѣстно, что даже тѣ, которые умираютъ отъ острыхъ и жестокихъ страданій, при приближеніи минуты смерти, прежде послѣдняго вздоха, успокоиваются и какъ бы отдыхаютъ; причемъ видно, что жизнь ихъ, при-

веденная къ едва замѣтной величинѣ, уже неспособна ощущать страданія, такъ какъ это послѣднее кончается раньше ея?

Рюишъ. Эпикурейцамъ, пожалуй, достаточно этихъ разсужденій, но ими не могутъ удовлетвориться тѣ, которые судятъ о существѣ души иначе, какъ напр. судилъ и сужу я, въ особенности теперь, когда своими ушами слышалъ, что мертвецы поютъ и говорятъ. Полагая, что смерть заключается въ отдѣленіи души отъ тѣла, я не могу понять, какимъ образомъ эти двѣ вещи, соединенныя, почти слитыя между собою въ единую нераздѣльную личность, могутъ раздѣлиться безъ особенныхъ усилій и мученій?

Мертвецъ. Скажи мнѣ: развѣ душа пришита къ тѣлу какими нибудь нервами, мускулами или перепонками, которые должны разорваться при ея отдѣленіи? Или, можетъ быть, душа—одинъ изъ членовъ тѣла, и потому должна съ болью оторваться отъ него? Развѣ ты не замѣчаешь, что она уходитъ изъ тѣла на столько, на сколько ей препятствуютъ тамъ оставаться, на сколько тамъ для нея нѣтъ мѣста? Скажи мнѣ еще: развѣ въ то время, когда вы получаете душу при рожденіи, вы живо чувствуете, какъ она входитъ въ ваше тѣло или, какъ ты говоришь, сливается съ нимъ? А если нѣтъ, почему же она даетъ чувствовать себя при выходѣ? Будь увѣренъ, что то и другое совершается одинаково спокойно и легко.

Рюишъ. Но что же такое смерть, если не страданіе?

Мертвецъ. Скорѣе удовольствіе, нежели что нибудь другое. Смерть, какъ и сонъ, наступаетъ не въ одну минуту, но постепенно. Конечно, степени эти болѣе или менѣе продолжительны, смотря по роду и причинѣ смерти. Въ послѣднюю минуту смерть не приноситъ ни страданія, ни удовольствія, какъ и сонъ. Въ другія же, предшествующія минуты, не можетъ быть причинъ для страданія, потому что страданіе есть чувства живое, а чувство умирающаго человѣка умираютъ вмѣстѣ съ нимъ. Но для удовольствія есть причина, потому что оно не всегда бываетъ живо: большая часть человѣческихъ удовольствій состоитъ въ нѣкоторомъ томленіи, такъ что они большею частію наступаютъ въ то время, когда самыя чувства гаснутъ; кромѣ того, часто самое томленіе составляетъ удовольствіе, особенно когда оно избавляетъ васъ отъ страданія, потому что, какъ ты самъ знаешь, прекращеніе какого нибудь страданія есть уже само по себѣ удовольствіе. Отсюда,—томленіе смерти должно быть пріятно уже потому, что оно освобождаетъ человѣка отъ страданія. Что до меня, то хотя я въ часъ смерти и не обращалъ особеннаго вниманія на свои ощущенія, потомучто доктора запретили мнѣ утомлять мозгъ, однако я помню, что ощущенія эти немного разнились отъ того удовольствія, которое человѣкъ обыкновенно чувствуетъ, засыпая.

Другіе мертвецы. И мы также помнимъ это.

Рюишъ. Пусть будетъ по вашему, хотя всѣ тѣ, съ которыми я разсуждалъ по этому поводу, утверждали совершенно противуположное: вѣдь они говорили не по опыту. Теперь скажите мнѣ: чувствуя

это странное удовольствіе, сознавали ли вы, что умираете и что это удовольствіе есть не болѣе, какъ любезность со стороны смерти, или воображали что нибудь другое?

Мертвецъ. Пока я не умеръ, я былъ убѣжденъ, что избавлюсь отъ этой опасности, и до послѣдней минуты думалъ и надѣялся прожить еще часъ-другой.

Другіе мертвецы. Тоже самое было и съ нами.

Рюишъ. Такъ и Цицеронъ говоритъ,—что нѣтъ такого старика, который бы не обѣщалъ прожить еще по крайней мѣрѣ годъ. Но какъ же вы замѣтили, наконецъ, что душа ваша вышла изъ тѣла? Скажите: почему вы знаете, что дѣйствительно умерли? Не отвѣчаютъ. Дѣти, вы не слышете меня? Должно быть прошло уже четверть часа, и они снова умерли. Пощупаемъ ихъ немножко. Совершенно умерли! Въ другой разъ я уже не стану бояться... А теперь воротимся въ постель.

12.

КОЛУМБЪ И ГУТЬЕРРЕЦЪ.

Колумбъ. Чудная ночь, другъ!

Гутьеррецъ. Дѣйствительно чудная; но она была-бы еще лучше, если бы мы любовались ею съ земли.

Колумбъ. Ага, и ты уже усталъ плавать!

Гутьеррецъ. Говоря вообще, я не усталъ; но наше настоящее плаваніе ужь черезчуръ продолжительно и начинаетъ мнѣ немного надоѣдать. Однако, не думай, что я жалуюсь на тебя, какъ другіе: будь увѣренъ, что какое бы ты ни принялъ рѣшеніе касательно нашего путешествія, я буду слѣдовать ему, какъ и прежде, отъ всего моего сердца. При всемъ томъ, я бы очень желалъ, чтобы ты мнѣ отвѣтилъ точно и вполнѣ искренно, увѣренъ ли ты попрежнему, что найдешь землю въ этой части свѣта или же время и опытъ поколебали въ тебѣ эту увѣренность?

Колумбъ. Говоря откровенно, и какъ другу, который умѣетъ хранить тайны, признаюсь тебѣ, что немного поколебался, тѣмъ болѣе, что съ теченіемъ времени многіе признаки, подававшіе мнѣ большія надежды, оказались пустыми, какъ напр. птицы,

которыя пролетали надъ нами съ запада и которыхъ я считалъ предвѣстниками недалекой земли. Кромѣ того, я ежедневно замѣчалъ, что предположенія, которыя я дѣлалъ до путешествія, не оправдывались относительно многаго; если же эти предположенія, которыя казались мнѣ почти достовѣрными, могли меня обмануть, то и самое главное изъ нихъ,—что мы найдемъ землю по ту сторону океана,—также можетъ неоправдаться. Правда, оно имѣетъ такія основанія, что если окажется ложнымъ, то въ такомъ случаѣ нельзя уже довѣрять никакимъ человѣческимъ сужденіямъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя основаны на очевидности. Но съ другой стороны, я зналъ, какъ часто теорія расходится съ практикой, и говорилъ самому себѣ: какъ можешь ты знать, что всѣ части свѣта походятъ другъ на друга, и на томъ основаніи, что эмисфера востока занята землей и водой, утверждать, что и западное полушаріе состоитъ изъ того же? Развѣ оно не можетъ быть единымъ безбрежнымъ моремъ? Почемъ ты знаешь, что вмѣсто воды и земли оно не занято какимъ нибудь другимъ элементомъ? А если и такъ,—развѣ оно не можетъ бытъ необитаемымъ и неспособнымъ къ обитанію? Но допустимъ и это,—почемъ ты знаешь, что его обитатели—разумныя твари, что они именно люди, а не какія нибудь другаго рода разумныя животныя? Если же они люди, развѣ они не могутъ въ высшей степени отличаться отъ тѣхъ, которыхъ ты знаешь? Можетъ быть, они больше насъ, живѣе, умнѣе, цивилизованнѣе, богаче наукою и искусствомъ? Такъ я думалъ и думаю про себя. И дѣйствительно, природа такъ могущественна, и явленія

ея такъ многочисленны и разнообразны, что не только нельзя дѣлать заключеній о ея дѣятельности въ мѣстахъ отдаленнѣйшихъ и неизвѣстныхъ нашему міру, но нельзя и отрицать того мнѣнія, что вещи неизвѣстнаго намъ міра болѣе или менѣе чудны и странны на нашъ взглядъ. Вотъ мы собственными глазами видимъ, что въ этихъ моряхъ магнитная стрѣлка значительно уклоняется отъ своего обычнаго направленія,—вещь удивительная, неслыханная для мореплавателей и необъяснимая для меня. Я не хочу этимъ сказать, что можно вѣрить баснямъ древнихъ о чудесахъ неизвѣстнаго міра и этого океана, какъ напр. баснѣ о странахъ, описанныхъ Аннономъ, гдѣ будто бы по ночамъ происходятъ огненные ураганы, которые извергаются въ море; конечно, все это бредни: мы сами видѣли, как была пуста боязнь нашихъ людей, которые ожидали отъ путешествія всевозможныхъ страховъ и ужасовъ и думали, что уже достигли предѣловъ доступнаго моря, видя, что густая сѣть водорослей дѣлаетъ его похожимъ на зеленый лугъ, и мѣшаетъ кораблю двигаться. Отвѣчая на твой вопросъ, я хочу только сказать, что хотя мое предположеніе основано на вѣроятнѣйшихъ данныхъ и подтверждено многими географами, астрономами и отличными мореходцами, съ которыми, какъ тебѣ извѣстно, я совѣтывался въ Испаніи, Италіи и Португаліи, но и оно можетъ оказаться ложнымъ, потому что, повторяю, многія геніальныя заключенія не выдерживали опыта, и это происходитъ почти всегда, когда они относятся къ вещамъ мало извѣстнымъ.

Гутьеррецъ. Слѣдовательно, ты въ сущности и свою жизнь, и жизнь товарищей поставилъ въ зависимость отъ простой гипотезы?

Колумбъ. Да, не могу отрицать этого. Но оставляя въ сторонѣ то, что люди ежедневно подвергаютъ свою жизнь опасности изъ за какихъ нибудь мелочей и пустяковъ,—взгляни на дѣло безъ предразсудковъ. Если бы теперь ты, я и всѣ наши товарищи, не были на этомъ кораблѣ, среди моря, въ этомъ никому неизвѣстномъ и въ высшей степени рискованномъ положенiи, что было бы съ нами? Чѣмъ бы мы были заняты? Какъ проводили бы время? Можетъ быть веселѣе? Или, можетъ быть, проводили бы его въ тяжкихъ трудахъ и заботахъ, или, наконецъ, скучали бы? Что̀ такое положенiе, свободное отъ неизвѣстности и опасности? Если это положенiе счастливое, то, конечно, его можно предпочесть всякому другому; но если оно полно скуки и мелкихъ дрязгъ, то всякое другое лучше его. Я не буду говорить о славѣ и пользѣ, которыя насъ ожидаютъ, если наше предпрiятiе получитъ желанный успѣхъ; наше плаванiе имѣетъ другiя преимущества, которыя, по моему мнѣнiю, дѣлаютъ его въ высшей степени выгоднымъ для насъ: оно избавляетъ насъ отъ скуки, заставляетъ насъ любить жизнь и цѣнить многiя вещи, о которыхъ мы прежде и не думали. Древнiе пишутъ, что несчастные любовники, бросаясь съ левкадiйской скалы въ море и случайно спасаясь отъ смерти, по милости Аполлона, исцѣлялись отъ любовной страсти. Не знаю, правда ли это, но знаю хорошо, что, избѣжавъ этой опасности, они даже и безъ милости Аполлона

въ теченіе извѣстнаго времени дорожили бы жизнью, которую прежде ненавидѣли. По моему мнѣнію, каждое опасное морское путешествіе почти то же, что прыжокъ съ левкадійской скалы, даже лучше, потому что полезныя слѣдствія его продолжительнѣе. Обыкновенно думаютъ, что моряки и солдаты, постоянно подвергая свою жизнь опасности, очень мало цѣнятъ её въ сравненіи съ людьми другихъ профессій. А я такъ думаю, что по той же самой причинѣ никто такъ не цѣнитъ и не любитъ жизни, какъ моряки и солдаты. Сколько вещей, которыхъ вообще никто не думаетъ называть благомъ, становятся для нихъ драгоцѣнными и милыми уже только потому, что они лишены ихъ! Ну скажи, кто же причисляетъ къ благамъ жизни грязную землю, которая тебя поддерживаетъ? Никто, за исключеніемъ моряковъ и особенно насъ, у которыхъ, вслѣдствіе неизвѣстности положенія, нѣтъ бóльшаго желанія, какъ увидать клочекъ земли; вѣдь съ этимъ желаніемъ мы просыпаемся каждое утро, съ нимъ засыпаемъ, и если только намъ придется когда нибудь замѣтить издалека вершину какой нибудь горы или верхушку лѣса, мы будемъ внѣ себя отъ радости и довольства, а высадившись, будемъ прыгать, какъ дѣти, получивъ возможность стоять на твердой землѣ или идти пѣшкомъ куда вздумается,— и много дней будемъ счастливы.

Гутьеррецъ. Все это истинная правда: если твое предположеніе окажется справедливымъ, мы будемъ вполнѣ счастливы, по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней.

Колумбъ. Хотя съ своей стороны я не осмѣливаюсь обѣщать вѣрный успѣхъ, но надѣюсь, что мы скоро будемъ наслаждаться имъ. Въ послѣдніе дни лотъ касается дна, и качество земли, которая остается на немъ, кажется мнѣ добрымъ знакомъ. Къ вечеру облака вокругъ солнца представляются иной формы и другаго цвѣта, нежели какъ были прежде. Воздухъ, какъ ты самъ чувствуешь, сталъ нѣжнѣе и теплѣе. Полнаго и постояннаго вѣтра уже нѣтъ,—онъ сдѣлался перемѣнчивъ и неустойчивъ, какъ будто имѣетъ какое нибудь препятствіе на своемъ пути. А тростниковая вѣтвь, которая недавно проплыла мимо насъ и, какъ мнѣ показалось, была немного разрѣзана? А другая древесная вѣточка съ красными и свѣжими ягодами? Наконецъ, хотя полеты птицъ не разъ меня обманывали, но они съ каждымъ днемъ становятся все чаще и многочисленнѣе; да кромѣ того, въ стаяхъ появляются птицы, которыя по формѣ нисколько не походятъ на морскихъ. Словомъ, всѣ эти признаки, взятые вмѣстѣ, внушаютъ мнѣ надежду на великое и доброе будущее.

Гутьеррецъ. Дай Богъ, чтобы она на этотъ разъ оправдалась!

13.

КОПЕРНИКЪ.

Сцена I.

Первый Часъ дня и Солнце.

Первый Часъ. Добраго утра, ваша свѣтлость.

Солнце. Скорѣе—доброй ночи.....

Первый Часъ. Лошади готовы.

Солнце. Хорошо.

Первый Часъ. Утренняя звѣзда уже давно показалась.

Солнце. Хорошо. Ступай себѣ

Первый Часъ. Что желаетъ сказать этимъ ваша свѣтлость?

Солнце. Желаю сказать, чтобъ ты оставилъ меня въ покоѣ.

Первый Часъ. Но, ваша свѣтлость, ночь продолжалась столько времени, что уже не въ состояніи болѣе продолжаться. Если мы замѣшкаемся, можетъ произойти безпорядокъ.....

Солнце. Пусть происходитъ что угодно,—я не двинусь съ мѣста.

Первый Часъ. О ваша свѣтлость, что же это? Вы чувствуете себя дурно?

Солнце. Я чувствую только то, что не двинусь съ мѣста, а потому ты можешь отправляться, куда тебѣ угодно.

Первый Часъ. Какъ же я могу идти, когда вы изволите оставаться дома? Вѣдь я—первый часъ дня, а дня не можетъ быть, если ваша свѣтлость не удостоитъ выйти по обыкновенію.

Солнце. Если не будетъ дня,—будетъ ночь; часы ночи отбудутъ двойную службу, а ты и твои товарищи будете гулять. По правдѣ сказать, мнѣ надоѣло постоянно кружиться и свѣтить какимъ нибудь четыремъ созданьицамъ, живущимъ на такомъ крохотномъ клочкѣ грязи, что я, при всей моей зоркости, не могу его разглядѣть. Сегодня ночью я рѣшилъ не безпокоиться болѣе, и если люди желаютъ свѣта, пусть они зажигаютъ свои собственные огни или поступятъ, какъ имъ заблагоразсудится.

Первый Часъ. Но, ваша свѣтлость, что же могутъ сдѣлать эти бѣдняки? Содержаніе такого громаднаго количества лампъ и свѣчъ, которыя бы горѣли въ теченіе цѣлаго дня, потребуетъ невѣроятныхъ издержекъ. Другое дѣло, если бы имъ былъ уже извѣстенъ способъ освѣщенія газомъ, которымъ они могли бы иллюминовать свои улицы, дома, магазины и пр. безъ большихъ расходовъ. Но въ дѣйствительности-то пройдетъ по крайней мѣрѣ триста лѣтъ, прежде чѣмъ они изобрѣтутъ этотъ способъ; за это время они успѣютъ истратить

весь запасъ масла, воска, смолы и сала,—и наконецъ останутся въ потьмахъ....

Солнце. Тогда пусть охотятся за свѣтляками, свѣтящимися жучками.....

Первый Часъ. Но кто же спасетъ ихъ отъ холода? Безъ помощи вашей свѣтлости они не въ силахъ будутъ согрѣться даже и тогда, если употребятъ на дрова всѣ свои лѣса. Мало того,—они умрутъ съ голода, потому что земля уже не будетъ давать плодовъ. Такимъ образомъ, въ короткое время погибнетъ вся раса этихъ бѣдныхъ животныхъ: сначала они будутъ бродить по землѣ ощупью, отыскивая гдѣ бы поѣсть, чѣмъ бы согрѣться, а потомъ, когда исчезнетъ все, что только можно проглотить, когда потухнетъ послѣдняя искра тепла, они всѣ перемрутъ во мракѣ, замороженныя, какъ куски горнаго хрусталя.

Солнце. Да мнѣ-то что за дѣло до всего этого? Что я, кормилица что ли для рода человѣческаго, или поваръ, обязанный поставлять и приготовлять ему провизію? Очень мнѣ нужно заботиться о какой-то горсточкѣ невидимыхъ простымъ глазомъ твореньицъ, которыя живутъ за цѣлые милліоны миль отъ меня и не могутъ ни видѣть, ни сладить съ холодомъ безъ моего свѣта! Наконецъ, если бы моя особа дѣйствительно служила, такъ сказать, баней или печкой этому человѣческому роду, то здравый смыслъ требуетъ, чтобы сами люди ходили около печки, если хотятъ согрѣться, а не печка около нихъ. Если Землѣ дѣйствительно необходимо мое присутствіе, пусть она сама отправляется ис-

кать его: я же, съ своей стороны, не стану безпокоиться, потому что нисколько не нуждаюсь въ ней.

Первый Часъ. Если я не ошибаюсь, вашей свѣтлости угодно, чтобы теперь сама Земля исполняла то, о чемъ до сихъ поръ заботилась ваша свѣтлость?

Солнце. Именно: теперь и всегда.

Первый Часъ. Ваша свѣтлость изволите разсуждать совершенно справедливо. Но да будетъ позволено мнѣ напомнить вашей свѣтлости о многихъ прекрасныхъ вещахъ, которыя необходимо придутъ въ упадокъ при этомъ новомъ порядкѣ. Самый день лишится своей блестящей колесницы съ ея чудными конями, которые каждое утро выходятъ изъ волнъ морскихъ..... Наконецъ, что будетъ съ нами, бѣдными часовыми? Намъ уже не будетъ мѣста на небѣ, и мы изъ небесныхъ дѣтей превратимся въ земныхъ, если только, сверхъ чаянія, не разсѣемся, какъ дымъ. Но пусть было бы такъ,—еслибъ этимъ все и покончилось! Остается еще убѣдить Землю вертѣться, а это должно показаться ей въ высшей степени труднымъ и страннымъ, потому что она до сихъ поръ еще ни разу не пошевелилась на своемъ мѣстѣ. И если ваша свѣтлость повидимому только теперь начинаетъ немножко лѣниться, то, смѣю увѣрить васъ, Земля въ настоящее время лѣнива по прежнему.

Солнце. Нужда столкнетъ её съ мѣста и научитъ бѣгать и скакать. Но, во всякомъ случаѣ, надо будетъ пріискать какого-нибудь поэта или философа, который бы убѣдилъ Землю двигаться, а если убѣдить нельзя, заставилъ бы её силою; потому

что здѣсь, собственно говоря, все дѣло во власти философовъ и поэтовъ, для которыхъ почти нѣтъ ничего невозможнаго. Да, когда-то эти поэты (въ то время я былъ еще молодъ и слушалъ ихъ) своими сладкими пѣсенками заставили меня, порядочнаго толстяка, добровольно бѣгать, сломя голову, вокругъ какого нибудь комочка глины, какъ будто это было пріятной прогулкой или благороднымъ упражненіемъ. Но съ лѣтами я сталъ практичнѣе, обратился къ философіи, и смотрю теперь на вещи съ точки зрѣнія пользы, а не красоты, и всѣ поэтическія чувства, если они не касаются моего желудка, возбуждаютъ во мнѣ смѣхъ. Теперь я философствую, и такъ какъ не нахожу никакого разумнаго основанія противопоставить праздной и досужей жизни жизнь дѣятельную, которая, по моему мнѣнію, совсѣмъ не оплачиваетъ затраченнаго на неё труда,—то и порѣшилъ предоставить труды и заботы другимъ, а самому жить въ пріятномъ покоѣ. Эту перемѣну произвели во мнѣ главнымъ образомъ философы, которые въ настоящее время сильно пошли въ гору. Такимъ образомъ, чтобъ заставить Землю вертѣться и двигаться вмѣсто меня; съ одной стороны было бы выгоднѣе употребить въ дѣло поэта, нежели философа, потому что поэты, воспѣвая прелести и надежды жизни, побуждаютъ людей къ труду и дѣятельности, а философы, напротивъ, отнимаютъ у нихъ охоту къ этому. Но съ другой стороны, философы теперь особенно въ модѣ, и я сомнѣваюсь, что Земля въ настоящее время станетъ слушать какого-нибудь поэта внимательнѣе, чѣмъ я; потому—лучше прибѣгнуть къ фи-

лософамъ, хотя этотъ народъ не отличается ни дѣятельностью, ни способностью возбуждать её въ другихъ; можетъ быть, новизна и необыкновенность случая выведетъ ихъ изъ обычной колеи.... И такъ, сдѣлай вотъ что: отправляйся на землю или пошли туда кого-нибудь изъ товарищей, и если встрѣтится на улицѣ какой нибудь философъ, наблюдающій небо и звѣзды (что непремѣнно должно быть въ эту странную для людей ночь),—вскинь его на плечи и доставь немедленно ко мнѣ; я увижу, годится ли онъ для нашего дѣла. Слышалъ?

Первый Часъ. Слышалъ, ваша свѣтлость, и спѣшу исполнить приказаніе.

Сцена II.

Коперникъ на террассѣ своего дома наблюдаетъ восточную часть неба съ помощью бумажной трубы: телескопы еще не были изобрѣтены въ то время.

Коперникъ. Непостижимая вещь! Или всѣ часы врутъ, или солнце опоздало болѣе, нежели на цѣлый часъ: ни одного луча не видно на востокѣ, небо ясно и чисто, какъ зеркало; звѣзды блестятъ, какъ въ полночь. Ну, достопочтенный Альмагеста *), попробуй-ка объ-

*) Альмагеста—древнѣйшій изъ астрономическихъ трактатовъ, написанный Клавдіемъ Птоломеемъ во второмъ вѣкѣ по Р. Х. Прим. пер.

яснить этотъ случай! Правда, я не разъ слыхалъ о ночи, которую провелъ Зевсъ съ женою Амфитріона; помню также разсказы перувіанцевъ, которые увѣряютъ, что въ ихъ странѣ когда-то случилась необычайно длинная, почти безконечная ночь, причемъ солнце наконецъ вышло изъ волнъ извѣстнаго озера Титикаки. До сихъ поръ я, какъ и всѣ благоразумные люди, полагалъ, что все это лишь пустыя выдумки; но теперь, когда я вижу, что разумъ и наука не въ силахъ возвыситься надъ ними, я готовъ вѣрить подобнымъ разсказамъ, готовъ даже отправиться по всѣмъ озерамъ и болотамъ и пробовать, неудастся ли поймать на удочку дневное свѣтило..... Но это что такое?!..

Сцена III.

Послѣдній Часъ и Коперникъ.

Послѣдній Часъ. Коперникъ, я—Послѣдній Часъ!

Коперникъ. Послѣдній часъ? Хорошо: противъ этого нечего сказать. Дай мнѣ только, если можно, необходимое время, чтобы написать завѣщаніе и сдѣлать распоряженія касательно похоронъ.

Послѣдній Часъ. Какихъ похоронъ? Развѣ я послѣдній часъ жизни?

Коперникъ. Да кто же ты, наконецъ? Послѣдній часъ служебника, что ли?

Послѣдній Часъ. А признайся, этотъ часъ едва ли не самый пріятный для тебя, когда ты участвуешь въ хорѣ?

Коперникъ. Но откуда ты узналъ, что я каноникъ? Кто тебѣ сказалъ мое имя?

Послѣдній Часъ. О тебѣ я справлялся здѣсь на улицѣ... Я же съ своей стороны не болѣе, какъ послѣдній часъ дня.

Коперникъ. А, теперь понимаю: первый часъ боленъ, а потому и дня еще нѣтъ......

Послѣдній Часъ. Погоди дѣлать заключенія: дня совсѣмъ не будетъ, ни сегодня, ни завтра,—никогда, если ты не позаботишься объ этомъ.

Коперникъ. Вотъ прекрасно! Развѣ это моя обязанность,—дѣлать день?

Послѣдній Часъ. Я тебѣ все это объясню; но прежде всего тебѣ необходимо немедленно отправиться со мною во дворецъ Солнца, моего повелителя. Дорогою я сообщу тебѣ многое, а самое главное передастъ тебѣ лично его свѣтлость, когда мы прибудемъ на мѣсто.

Коперникъ. Очень хорошо. Но путь нашъ, если я не ошибаюсь, долженъ быть очень продолжителенъ. Какъ мнѣ захватить съ собою столько припасовъ, чтобъ не умереть съ голода въ одинъ изъ прекрасныхъ.... годовъ нашего путешествія? Кромѣ того, я не думаю, что во всѣхъ владѣніяхъ его свѣтлости найдется для меня провизіи хотя на одинъ завтракъ.....

Послѣдній Часъ. Не заботься объ этомъ. Ты не долго пробудешь во дворцѣ Солнца, а путешествіе наше совершится въ одинъ мигъ: вѣдь я—духъ.....

Коперникъ. Да, но я то—тѣло......

Послѣдній Часъ. Ну вотъ! Ты вѣдь не метафизикъ,

чтобъ затрудняться такими пустяками. Влѣзай ко мнѣ нá плечи, а остальное предоставь мнѣ.

Коперникъ. Ну,—влѣзъ. Посмотримъ, что будетъ дальше.

Сцена IV.

Коперникъ и Солнце.

Коперникъ. Свѣтлѣйшій!

Солнце. Извини, Коперникъ, что я не приглашаю тебя садиться: стулья здѣсь не въ употребленіи; но я тебя не задержу. О проектѣ моемъ ты уже слышалъ отъ моего слуги; остается сказать, что я считаю тебя вполнѣ способнымъ осуществить его.

Коперникъ. Монсиньоръ, вашъ проектъ представляетъ многочисленныя затрудненія.

Солнце. Но затрудненія не должны устрашать людей, подобныхъ тебѣ; говорятъ даже, что они придаютъ отваги отважному. Да наконецъ, какія же это затрудненія?

Коперникъ. Прежде всего, какъ бы ни была могущественна философія, но и она едва ли будетъ въ состояніи убѣдить Землю промѣнять покой и пріятный досугъ на безустанное и утомительное движеніе, особенно въ настоящее, далеко не героическое время.....

Солнце. Но если не подѣйствуютъ убѣжденія,— заставь её силою.

Коперникъ. Охотно бы, свѣтлѣйшій, если бы я былъ Геркулесомъ или, по крайней мѣрѣ, Орландомъ, а не простымъ каноникомъ изъ Варміи.

Солнце. Это не отвѣтъ. Развѣ не правду говорятъ, что одинъ изъ вашихъ старыхъ математиковъ брался перевернуть небо и землю, если только дадутъ ему точку опоры внѣ міра? Тебѣ вовсе не нужно двигать небо, а между тѣмъ ты имѣешь здѣсь точку опоры внѣ Земли и такимъ образомъ можешь свободно сдвинуть её въ мѣста, не спрашивая даже ея согласія.

Коперникъ. Это еще, пожалуй, не трудно сдѣлать, ваша свѣтлость; но для этого потребуется рычагъ такой длины, что не только я, но даже ваша свѣтлость, при всемъ своемъ богатствѣ, не располагаетъ и половиною тѣхъ средствъ, которыя необходимы для его приготовленія. Но я перехожу къ другому, самому главному затрудненію. До сихъ поръ Земля занимала первое мѣсто въ мірѣ, такъ сказать, средоточіе его и (какъ вамъ извѣстно) стояла неподвижно, лишь любуясь тѣмъ, что совершалось вокругъ нея; а вокругъ нея,—надъ нею, подъ нею, предъ нею и за нею,—кружились всѣ прочіе міры вселенной, какъ превосходящіе её величиною, такъ и уступающіе ей въ этомъ, какъ свѣтлые, такъ и темные,—кружились безпрерывно, съ невѣроятною, головокружительною быстротою; такъ что, казалось, вся вселенная представляла собою одинъ необъятный дворецъ, въ которомъ на тронѣ возсѣдала Земля, а всѣ другіе міры, её окружающіе, являлись какъ бы ея придворными, тѣлохранителями, слугами. Дѣйствительно, Земля всегда считала себя царицей міра и, принимая въ соображеніе прежній порядокъ вещей, нельзя не признать, что она разсуждала не дурно, даже имѣла много основаній

разсуждать такъ. Но что сказать вамъ о насъ, людяхъ? Каждый изъ насъ считаетъ себя болѣе нежели первымъ между всѣми земными существами. Послѣдній лохмотникъ, не имѣющій куска черстваго хлѣба, воображаетъ себя императоромъ, и не какимъ-нибудь константинопольскимъ или германскимъ, даже не повелителемъ полсвѣта, какъ были римскіе государи, но императоромъ вселенной, царемъ солнца, планетъ, всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ звѣздъ и конечной причиной всѣхъ этихъ міровъ, включая сюда и вашу свѣтлость. Теперь, если мы заставимъ Землю выйти изъ средоточія міра, заставимъ её бѣгать, вертѣться, трудиться,—однимъ словомъ, запишемъ её въ разрядъ обыкновенныхъ планетъ, это поведетъ къ тому, что ея величество Земля и ихъ величества люди лишатся трона, лишатся своего величія и останутся при своихъ лохмотьяхъ и другихъ убожествахъ, которыхъ у нихъ не мало.

Солнце. Что же хочетъ этимъ сказать мой милый Коперникъ? Уже не боится ли онъ, что это будетъ дѣйствительно преступленіемъ противъ величества?

Коперникъ. О нѣтъ, ваша свѣтлость: ни кодексы, ни пандекты, ни права, начиная съ государственнаго и кончая естественнымъ, сколько мнѣ извѣстно, не упоминаютъ о такомъ преступленіи. Я хочу только сказать, что наше предпріятіе касается не одной физики; не забудьте, что оно дѣлаетъ переворотъ въ порядкѣ и, такъ сказать, въ іерархіи всѣхъ вещей и существъ, измѣняетъ самую цѣль творенія, а это, въ свою очередь, произведетъ великій переворотъ въ метафизикѣ и во всѣхъ умозрительныхъ наукахъ;

вообще въ результатѣ будетъ то, что люди (если только они сумѣютъ и захотятъ разсудить здраво) окажутся въ собственныхъ глазахъ совсѣмъ другимъ товаромъ, нежели какимъ они воображали себя до сихъ поръ.

Солнце. Сынъ мой, все это меня нисколько не безпокоитъ, потому что для меня ваша метафизика, физика, алхимія и даже, если хочешь, никромантія— почти одно и тоже. Люди же удовольствуются тѣмъ, что̀ они есть на самомъ дѣлѣ; а если это имъ не понравится,—повѣрь мнѣ, они примутся по обыкновенію разсуждать наизнанку, даже пойдутъ противъ очевидности, что̀ имъ чрезвычайно легко удается, и такимъ образомъ, будутъ считать себя попрежнему баронами, князьями, императорами,—чѣмъ угодно; однимъ словомъ—утѣшатся, не причинивъ ни мнѣ, ни міру никакой непріятности.

Коперникъ. Извольте, оставимъ въ сторонѣ людей и Землю. Теперь посмотрите, свѣтлѣйшій, что будетъ съ другими планетами: узнавъ, что Земля дѣлаетъ съ ними одно дѣло, вообще стала имъ ровней, онѣ не захотятъ оставаться по прежнему, безъ украшеній, простыми, гладкими, пустынными и печальными, но пожелаютъ имѣть, подобно Землѣ, свои рѣки, моря, горы, растенія, даже своихъ обитателей,— однимъ словомъ, ни въ чемъ не уступятъ Землѣ: вотъ вамъ еще громадный міровой переворотъ, слѣдствіемъ котораго будетъ безконечный наплывъ новыхъ существъ, которыя мгновенно, какъ грибы, повыростутъ со всѣхъ сторонъ.

Солнце. Пусть ихъ ростутъ сколько угодно: моего свѣта и моей теплоты достанетъ на всѣхъ, и

міръ всегда найдетъ чѣмъ питать, одѣвать и содержать ихъ безъ ущерба себѣ.

Коперникъ. Но подумайте еще немного, ваша свѣтлость, и передъ вами возникнетъ новый безпорядокъ: звѣзды, замѣтивъ, что вы изволили сѣсть, и сѣсть не на скамейку, но на тронъ, и держите вокругъ себя блестящую свиту планетъ,—не только захотятъ также сѣсть и успокоиться, но и царствовать, а слѣдовательно имѣть—каждая своихъ собственныхъ подданныхъ, подобно вамъ. Эти новыя подчиненныя планеты также потребуютъ украшеній и населенія. Не стану распространяться о томъ, какъ унизится бѣдный человѣческій родъ, и безъ того униженный въ системѣ нашего міра, когда заблестятъ безчисленныя миріады новыхъ міровъ, когда послѣдняя звѣздёнка млечнаго пути составитъ собою отдѣльный міръ; но имѣя въ виду лишь вашъ интересъ, я долженъ напомнить вашей свѣтлости, что до сихъ поръ вы изволили быть, если не первымъ во вселенной, то по крайней мѣрѣ вторымъ (т. е. послѣ земли), и не имѣли равныхъ себѣ (полагая, что звѣзды не смѣли и думать равняться съ вами); при новомъ порядкѣ вещей вы будете имѣть столько равныхъ, сколько звѣздъ на небѣ. Смотрите, свѣтлѣйшій, какъ бы это измѣненіе не нанесло ущерба вашему сану?

Солнце. Развѣ ты не помнишь, что сказалъ вашъ Цезарь, когда, переправляясь черезъ Альпы, ему случилось проходить черезъ одно маленькое и бѣдное селеніе? Онъ сказалъ, что желалъ бы лучше быть первымъ въ этой деревушкѣ, нежели вторымъ въ Римѣ. Такъ и мнѣ пріятнѣе быть первымъ въ

этомъ мірѣ, нежели вторымъ во вселенной. Но не честолюбіе побуждаетъ меня измѣнить настоящій порядокъ вещей; меня побуждаетъ къ этому единственно любовь къ покою, даже, если, хочешь,—просто лѣность: я, въ противуположность Цицерону, досугъ предпочитаю почету.

Коперникъ. Свѣтлѣйшій, съ своей стороны я употреблю всѣ мои силы, чтобъ доставить вамъ этотъ покой; боюсь только, что онъ не будетъ продолжителенъ, даже при полномъ успѣхѣ предпріятія. Вопервыхъ, я почти убѣжденъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ вы будете принуждены двигаться кругообразно, какъ блокъ или какъ мельничное колесо, не сходя съ мѣста; потомъ, съ теченіемъ времени, вашей свѣтлости, пожалуй, придется снова бѣгать,—не говорю вокругъ земли, но не все ли это равно? Впрочемъ, довольно: пусть будетъ такъ, какъ вы желаете. Не смотря на всѣ препятствія и затрудненія, я попробую услужить вашей свѣтлости; въ случаѣ неудачи, вы, покрайней мѣрѣ, не скажете, что у меня не хватило храбрости....

Солнце. Отлично, Коперникъ: попробуй!

Коперникъ. Остается еще одно маленькое затрудненіе...

Солнце. Какое же?

Коперникъ. Не хотѣлось бы, чтобъ за это дѣло меня сожгли живьемъ, какъ феникса, потому что, случись это,—я убѣжденъ, что не сумѣю воскреснуть изъ своего пепла, какъ сдѣлала эта умная птица, и такимъ образомъ навсегда лишусь возможности лицезрѣть вашу свѣтлость.

Солнце. Слушай, Коперникъ: ты знаешь, что въ то время, когда васъ, философовъ, еще не было, вообще во времена поэзіи, я былъ пророкомъ. Позволь же мнѣ попророчествовать въ послѣдній разъ, и изъ уваженія къ моей старинной профессіи, повѣрь моимъ словамъ: дѣйствительно, твоимъ послѣдователямъ и вообще тѣмъ, которые послѣ тебя рѣшатся признать истиннымъ твое дѣло, предстоятъ обжоги и другія подобныя непріятности; но ты, насколько мнѣ извѣстно, ты ничѣмъ не поплатишься за свое дѣло. Наконецъ, если ты хочешь дѣйствовать навѣрняка,—поступи такъ: книгу, которую ты напишешь на этотъ случай, посвяти папѣ *), и тогда, ручаюсь, даже санъ каноника останется за тобою.

---

*) Коперникъ, дѣйствительно, посвятилъ свое сочиненіе папѣ Павлу III.

14.

ТРИСТАНЪ И ДРУГЪ.

Другъ. Я читалъ вашу книгу,—книга печальная по вашему обыкновенію...

Тристанъ. Да, по моему обыкновенію.

Другъ. Печальная, мрачная, безнадежная. Видно, что жизнь на вашъ взглядъ—прескверная вещь.

Тристанъ. Что мнѣ сказать вамъ? Дѣйствительно, я имѣлъ эту глупость—думать, что жизнь человѣческая несчастна...

Другъ. Несчастна—можетъ быть. Но въ концѣ концовъ....

Тристанъ. О нѣтъ, нѣтъ: ничего не можетъ быть счастливѣе! Теперь я перемѣнилъ убѣжденіе. Но когда я писалъ эту книгу, я имѣлъ глупость думать такъ. Мало того, я такъ былъ убѣжденъ въ этомъ, что скорѣе готовъ былъ усомниться въ чемъ угодно, только не въ выводахъ, которые я сдѣлалъ на этотъ счетъ; мнѣ казалось, что совѣсть читателя будетъ лучшимъ свидѣтельствомъ ихъ справедливости; я воображалъ, что если и возникнетъ споръ, то развѣ о пользѣ или вредѣ этихъ выводовъ, но никакъ не о истинѣ ихъ, что мои жалобы, какъ общія

всѣмъ, будутъ повторены каждымъ сердцемъ, которое ихъ услышитъ. Когда же я узналъ, что со мной несоглашаются, и не только въ частностяхъ, но и въ сущности; когда мнѣ сказали, что жизнь совсѣмъ не несчастна, и если кажется мнѣ такою, то единственно вслѣдствіе моей собственной немощи, моего личнаго несчастія,—я на первыхъ порахъ былъ пораженъ, ошеломленъ, я окаменѣлъ отъ удивленія и долгое время полагалъ, что нахожусь не на землѣ, а въ какомъ нибудь иномъ мірѣ. Но потомъ, придя въ чувство, я побранилъ себя немного; наконецъ, расхохотался и сказалъ: „люди вообще то же, что мужья. Мужьямъ, если только они хотятъ спокойно жить, необходимо думать, что жены ихъ вѣрны—каждая своему мужу; они такъ и поступаютъ, даже и въ томъ случаѣ, когда всѣмъ хорошо извѣстно, что они рогаты. Тому, кто хочетъ или долженъ жить въ какой нибудь странѣ, необходимо думать, что эта страна—самая лучшая часть обитаемаго міра, и онъ думаетъ такъ. Вообще людямъ, которые желаютъ жить, необходимо вѣрить, что жизнь прекрасна и драгоцѣнна; и они вѣрятъ этому, и возстаютъ противъ тѣхъ, которые думаютъ иначе, потому что въ сущности родъ человѣческій вѣритъ не въ истину, но въ то, что ему кажется истиной по его собственному усмотрѣнію; онъ, который вѣрилъ и будетъ вѣрить всевозможнымъ глупостямъ, никогда не повѣритъ ни тому, что знаніе невозможно, ни тому, что нѐ на что надѣяться; философъ, который рѣшился бы доказывать какое нибудь изъ этихъ положеній, не пріобрѣлъ бы себѣ ни извѣстности, ни послѣдователей, и это понятно: положенія эти

такъ невыгодны для желающихъ жить; они оскорбляютъ людскую гордость, они требуютъ особенной храбрости и душевной твердости, чтобъ повѣрить имъ. А люди трусливы, малодушны, слабы; они склонны надѣяться на благо, потомучто принуждены мѣнять свои мнѣнія о немъ, сообразно съ требованіями необходимости, управляющей ихъ жизнью; они всегда готовы, по словамъ Петрарки, сложить оружіе у ногъ судьбы; всегда на столько разсудительны, что легко утѣшаются во всякомъ несчастіи, выговоривъ себѣ хоть какую нибудь подачку взамѣнъ того, въ чемъ имъ отказано и что они потеряли; входятъ, такъ сказать, въ сдѣлку съ судьбой, какъ бы она ни была къ нимъ жестока и несправедлива; а когда она отказываетъ имъ въ послѣднемъ желаніи,— живутъ ложными вѣрованіями, призраками, которые становятся для нихъ такъ же прочны и жизненны, какъ сама дѣйствительность. И какъ весь свѣтъ смѣется надъ рогатыми мужьями, влюбленными въ своихъ женъ, такъ и я смѣюсь надъ этими людьми, влюбленными въ жизнь; смѣюсь надъ ихъ ребяческою готовностью вѣчно оставаться въ дуракахъ и, при всѣхъ ихъ дѣйствительныхъ страданіяхъ, быть еще насмѣшкою природы и судьбы. Я разумѣю здѣсь не обманы воображенія, но обманы ума. Породила ли во мнѣ эти мысли болѣзнь,— я не знаю; знаю только то, что я, больной или здоровый, презираю людскую трусость, отвергаю всякое утѣшеніе, всякое ребяческое обольщеніе, беру на себя смѣлость вынести всякую безнадежность и подвергнуться всѣмъ послѣдствіямъ моей философіи, скорбной, но истинной. Если и не принесетъ осо-

бенной пользы эта философія, за то она дастъ сильнымъ людямъ гордое наслажденіе — сорвать послѣдній покровъ съ этой таинственной и вѣчно прячущейся жестокости человѣческаго жребія! „Все это я говорилъ себѣ такъ, какъ будто скорбная философія была моимъ изобрѣтеніемъ. Да и какъ же иначе? Всѣ её отвергали, какъ отвергаютъ вообще всѣ новыя и еще неслыханныя вещи. Однако, поразмысливъ, я вспомнилъ, что она такъ же нова, какъ Соломонъ, Гомеръ и вообще всѣ древнѣйшіе поэты и философы, сочиненія которыхъ переполнены множествомъ образовъ и изреченій, представляющихъ человѣческій жребій до крайности несчастнымъ: одни изъ нихъ говорятъ, что человѣкъ несчастнѣе последняго животнаго, другіе, — что лучше совсѣмъ не родиться, а ужъ если родиться, то умереть въ кол колыбели, наконецъ, третьи увѣряютъ, что люди, особенно угодные богамъ, всѣ умираютъ въ молодости... Я вспомнилъ также, что съ того времени до вчерашняго, или много-много до третьяго дня, всѣ поэты, всѣ философы и писатели, большіе и маленькіе, такъ или иначе повторяли и подтверждали тѣ же самыя мысли. Тогда я снова принялся удивляться, и долгое время переходилъ отъ удивленія къ досадѣ, отъ досады къ смѣху, пока, наконецъ, послѣ глубокихъ изслѣдованій, не пришелъ къ заключенію, что несчастіе человѣка есть одна изъ застарѣлыхъ ошибокъ ума и что ложь этого мнѣнія и человѣческое счастіе есть одно изъ великихъ открытій девятнадцатаго вѣка. Тогда я совершенно успокоился и теперь сознаюсь, что находился въ жестокомъ заблужденіи.

Другъ. И такъ, вы перемѣнили мнѣніе?

Тристанъ. Совершенно. Могу ли я оспаривать истины, открытыя девятнадцатымъ вѣкомъ?

Другъ. И теперь вы признаете своими его вѣрованія?

Тристанъ. Вполнѣ. Чтожь въ этомъ удивительнаго?

Другъ. Вѣрите въ безконечное совершенствованіе человѣка?

Тристанъ. Безъ всякаго сомнѣнія.

Другъ. Такъ таки и убѣждены, что человѣчество съ каждымъ днемъ приближается къ совершенству?

Тристанъ. Еще бы!—Правда, мнѣ иногда приходитъ въ голову, что въ разсужденіи тѣлесныхъ силъ, древній человѣкъ стоилъ, по крайней мѣрѣ, четырехъ современныхъ; а тѣло—это самъ человѣкъ, потому что (не говоря уже о прочемъ) мужество, великодушіе, страсти, способность дѣйствовать, способность наслаждаться, словомъ все, что благородитъ и животворитъ жизнь, зависитъ отъ тѣлеснаго здоровья и не имѣетъ мѣста безъ него. Тотъ, кто слабъ тѣломъ,—не человѣкъ, но ребенокъ, даже хуже: его назначеніе—смотрѣть на то, какъ живутъ другіе, много-много болтать объ этомъ; но самая жизнь—не для него. Потому то въ древности и позднѣе слабость тѣла возбуждала всеобщее презрѣніе. У насъ же воспитаніе давнымъ давно перестало думать о тѣлѣ, какъ о чемъ то слишкомъ низкомъ и недостойномъ; оно заботится о духѣ и, желая развить его какъ можно болѣе, разрушаетъ тѣло, не замѣчая, что вмѣстѣ съ нимъ разрушается и духъ. Но помочь нашему воспитанію въ этомъ дѣлѣ невозможно безъ кореннаго преобразованія современнаго общест-

веннаго строя и безъ измѣненія всѣхъ другихъ сторонъ общественной жизни, которыя когда то, въ виду собственной выгоды, стремились къ сохраненію и усовершенствованію тѣла, какъ теперь стремятся къ разрушенію его. Отсюда, пожалуй, можно было бы заключить, что мы передъ древними почти то же, что ребята передъ взрослыми людьми; да, при сравненіи древнихъ индивидовъ и массъ (премилое современное словечко!) съ современными, можетъ показаться, что древніе были несравненно мужественнѣе насъ, какъ въ морали, такъ и въ философіи. Но само собою разумѣется, я пренебрегаю этими ничтожными противорѣчіями и положительно убѣжденъ, что человѣчество идетъ быстрыми шагами къ совершенству.

Другъ. Стало быть вы согласны съ тѣмъ, что наука или, какъ говорится, просвѣщеніе возрастаютъ постоянно?

Тристанъ. Всенепремѣнно, хотя я и вижу, что по мѣрѣ возрастанія охоты къ ученью, уменьшается стремленіе къ знанію. Я считаю число истинно ученыхъ современниковъ, жившихъ лѣтъ пятсотъ тому назадъ, и къ удивленію своему вижу, что это число несоразмѣрно велико въ сравненіи съ настоящимъ. Говорятъ, что теперь ученыхъ мало потому, что знанія не соединяются, какъ прежде, въ немногихъ избранныхъ, но распредѣлены между множествомъ людей, такъ что обиліе послѣднихъ вознаграждаетъ недостатокъ первыхъ. Но знанія не богатства, которыя могутъ раздѣляться и соединяться, составляя всегда одну и ту же сумму. Гдѣ каждый знаетъ немного, тамъ и всѣ знаютъ мало, потому что знаніе

недѣлимо. Правда, поверхностное образованіе можетъ быть *обще* многимъ неученымъ; все же остальное знаніе принадлежитъ только ученымъ, и самая большая часть его—ученѣйшимъ. Вообще, только тотъ въ силахъ умножить и двинуть впередъ человѣческое знаніе, кто лично наиболѣе ученъ т. е. снабженъ наибольшею массою знаній. Не находите ли вы, что теперь появленіе этихъ „ученѣйшихъ" становится съ каждымъ днемъ все менѣе возможнымъ? Впрочемъ, все это не болѣе какъ поверхностныя разсужденія, даже, если хотите, софизмы, которые не могутъ заставить меня усомниться въ непреложности вашего мнѣнія. Повѣрьте, еслибъ весь міръ казался мнѣ сборищемъ глупцовъ-обманщиковъ съ одной стороны и глупцовъ-самохваловъ съ другой, то и тогда я продолжалъ бы утверждать, что знаніе и просвѣщеніе возрастаютъ безпрерывно.

Другъ. Слѣдовательно, вы согласны съ тѣмъ, что нашъ вѣкъ лучшій изъ всѣхъ вѣковъ?

Тристанъ. Конечно. Такъ думали о себѣ всѣ вѣка, даже самые варварскіе; такъ думаетъ и мой вѣкъ, и я вмѣстѣ съ нимъ. Если вы меня спросите, въ чемъ заключается его превосходство, я повторю вамъ все то, что уже сказалъ.

Другъ. Однимъ словомъ, вы согласны съ мнѣніемъ журналовъ?

Тристанъ. Именно. Я преклоняюсь предъ глубиною философіи журналовъ, которые, искореняя всякую другую литературу, преимущественно тяжелую и непривлекательную, являются истинными просвѣтителями нашего времени. Неправда ли?

Другъ. Истинная правда. Если вы говорите все это не шутя, —вы сдѣлались нашимъ.

Тристанъ. Вашимъ, вашимъ.

Другъ. Но что же вы сдѣлаете съ вашей книгой? Неужели вы передадите потомству мысли, въ которыя уже не вѣрите?

Тристанъ. Потомству? Вы меня смѣшите. Что касается индивидовъ девятнадцатаго вѣка, то, поймите, имъ нечего бояться потомковъ, которые будутъ знать объ этомъ столько же, сколько знали предки. *Индивиды исчезаютъ передъ массами*, какъ элегантно выражаются современные мыслители. Это значитъ, что индивиду совершенно безполезно безпокоиться о чемъ бы то ни было. Я все предоставилъ массамъ. Какимъ образомъ эти массы, состоя изъ индивидовъ, обходятся безъ ихъ участія, это, надѣюсь, намъ объяснятъ представители современнаго просвѣщенія. Но возвращаясь къ моей книгѣ и потомкамъ, я долженъ вамъ сказать, что книги, которыя теперь пишутся скорѣе, нежели читаются, вообще стоютъ столько, сколько стоютъ, и существуютъ, смотря по тому, сколько стоютъ. Воображаю, какъ славно будущій вѣкъ посмѣется надъ чудовищной библіографіей настоящаго времени! Или онъ разсудитъ такъ: „мои библіотеки полны книгъ, изъ которыхъ многія стоили тридцатилѣтнихъ и двадцатилѣтнихъ трудовъ; сначала прочтемъ эти книги, потомъ остановимся на тѣхъ, которыя стоили меньшихъ усилій, и когда уже намъ нечего будетъ читать, обратимся къ импровизаціямъ“. Другъ мой, нашъ вѣкъ—вѣкъ дѣтей; немногіе взрослые, которые уцѣлѣли, должны удалиться отъ стыда, какъ

удаляется изъ страны хромыхъ тотъ, кто ходитъ прямо. Эти добрые ребята хотятъ дѣлать все, что дѣлали въ другія времена взрослые люди и дѣлать, дѣйствительно, по дѣтски, безъ дальнихъ приготовленій. Одинъ мой пріятель, человѣкъ дѣловой, недавно мнѣ говорилъ, что даже посредственность сдѣлалась рѣдкостью; почти всѣ ничтожны, почти всѣ неспособны къ тѣмъ обязанностямъ и занятіямъ, которыя выпали на ихъ долю. Въ этомъ, мнѣ кажется, отчасти и заключается различіе между нашимъ вѣкомъ и прошедшими. Правда, величіе всегда было рѣдко, но въ прошедшихъ вѣкахъ жила по крайней мѣрѣ посредственность; теперь же эта посредственность умалилась до ничтожества. Отсюда этотъ ропотъ, это всеобщее смущеніе; каждый хочетъ быть всѣмъ, и никто не обращаетъ вниманія на немногихъ, дѣйствительно достойныхъ, которымъ нѣтъ прохода среди чудовищной толпы соревнователей... И въ то время, какъ послѣдняя мелочь считаетъ себя великой, темнота и шаткость положенія сдѣлались равно очевидными, какъ для дураковъ, такъ и для умныхъ... Но, да здравствуютъ статистика, политика и экономія! Да здравствуетъ карманныя энциклопедіи и руководства и многое множество другихъ твореній нашего вѣка! Да здравствуетъ и самъ девятнадцатый вѣкъ, хотя и бѣдный дѣлами, за то непомѣрно богатый словами, а это, какъ вамъ извѣстно,—превосходный знакъ.....

Другъ. Въ вашихъ словахъ слышна иронія. По крайней мѣрѣ, примите въ разсчетъ, что нашъ вѣкъ—переходный....

Тристанъ. Переходный? Что же изъ этого слѣдуетъ? Всѣ вѣка были и будутъ болѣе или менѣе переходными, потому что человѣчество идетъ не останавливаясь и никогда не остановится. Это милое словечко одинаково приложимо ко всѣмъ вѣкамъ, и если вѣкъ нашъ переходный, то намъ остается рѣшить отъ чего и къ чему мы переходимъ, отъ хорошаго къ лучшему или отъ худаго къ худшему? Вы, можетъ быть, скажете, что наше время—переходное по преимуществу, что мы переживаемъ быстрый и крутой переходъ изъ одного состоянія цивилизаціи въ другое, существенно отличное отъ предъидущаго? Въ такомъ случаѣ я, съ вашего позволенія, попробую посмѣяться надъ быстротою этого перехода: всѣмъ извѣстно, что соціальные перевороты должны совершаться медленно; въ противномъ случаѣ измѣненіе не уйдетъ далеко и вскорѣ принуждено будетъ возвратиться къ прежнему порядку вещей, чтобъ начать свой путь постепенно, шагъ за шагомъ. Такъ бываетъ всегда. Природа не дѣлаетъ скачковъ, и, насилуя её, можно пускать только мыльные пузыри; я хочу этимъ сказать, что всѣ скороспѣлые перевороты только кажущіеся, а не дѣйствительные.

Другъ. Однако, я не совѣтую вамъ говорить такъ со многими; иначе вы наживете себѣ кучу враговъ.

Тристанъ. Не бѣда! Теперь ни враги, ни друзья не могутъ мнѣ сдѣлать большаго зла.

Другъ. Но вы можете возбудить всеобщее презрѣніе, какъ профанъ въ новѣйшей философіи, какъ человѣкъ отсталый....

Тристанъ. Это будетъ мнѣ непріятно. Но что же

дѣлать? Если ко мнѣ отнесутся съ презрѣніемъ, я попробую утѣшиться.

Другъ. Но скажите же мнѣ, наконецъ, перемѣнили вы свое мнѣніе или нѣтъ? Какъ вы поступите съ этой книгой?

Тристанъ. Самое лучшее—сжечь её. Если же нѣтъ,—смотрѣть на нее, какъ на собраніе поэтическихъ вымысловъ, меланхолическихъ капризовъ, вообще какъ на выраженіе личнаго несчастія автора; потому что, видите ли, мой милый, я отъ души вѣрю, что и вы, и всѣ другіе очень счастливы; но я, съ позволенія девятнадцатаго вѣка, я несчастнѣйшій изъ людей, и знаю это такъ хорошо, что журналы цѣлаго свѣта не убѣдятъ меня въ противномъ.

Другъ. Я не знаю причинъ вашего несчастія, но понимаю, что въ этомъ случаѣ человѣкъ самъ лучшій судья въ своемъ дѣлѣ.

Тристанъ. Совершенно справедливо. Говоря откровенно, я не подчиняюсь своему несчастію, не гну головы передъ судьбой и не вхожу съ нею въ сдѣлки, какъ это дѣлаютъ другіе; но осмѣливаюсь желать смерти и желаю её болѣе всего, такъ страстно и искренно, какъ желали её лишь немногіе. Я не сказалъ бы вамъ этого, еслибъ не былъ увѣренъ въ томъ, что судьба оправдаетъ мои слова *); потому что, хотя я еще не предвижу моего конца, но глубоко чувствую, что часъ его недалекъ. Слишкомъ ужь я созрѣлъ для смерти, слишкомъ нелѣпой и невѣроятной кажется мнѣ возможность просуществовать еще сорокъ или пятдесятъ лѣтъ, которыми

*) Этотъ разговоръ былъ однимъ изъ послѣднихъ произведеній Леопарди.

мнѣ угрожала природа. Я дрожу при одной мысли объ этомъ. Да, когда кто нибудь заговоритъ при мнѣ о далекомъ будущемъ, какъ о чемъ-то мнѣ принадлежащемъ, я не могу удержаться отъ улыбки: до того я освоился съ мыслью о скорой смерти. Книги и занятія, которыя я когда-то такъ любилъ, великіе планы, надежды славы и безсмертія,—все это вещи, надъ которыми уже прошла пора смѣяться. Не смѣюсь я также и надъ планами и надеждами вѣка; желаю ему всевозможныхъ успѣховъ; хвалю и даже уважаю его стремленія, но уже не завидую ни потомству, ни тѣмъ, которымъ суждено еще долго жить. Было время, когда я завидовалъ дуракамъ и самохваламъ, даже былъ не прочь помѣняться съ ними положеніемъ. Теперь я не завидую болѣе ни дуракамъ, ни умнымъ, ни великимъ, ни маленькимъ, ни слабымъ, ни сильнымъ; завидую—мертвымъ, и только съ ними я помѣнялся бы жребіемъ. Я весь поглощенъ мыслью о смерти.... Воспоминаніе о юношескихъ снахъ и мысль о напрасно прожитомъ прошедшемъ не смущаетъ меня болѣе. Я умру спокойный и довольный, какъ будто никогда ничего другаго и не желалъ, ни на что не надѣялся. Это единственное благодѣяніе, которое можетъ помирить меня съ судьбой. Если бы мнѣ предстоялъ выборъ между счастіемъ и славой Цезаря или Александра съ одной стороны и немедленною смертью съ другой,—я выбралъ бы послѣднее и не заикнулся бы объ отсрочкѣ. *)

*) Разговоры „Тимандръ и Елеандръ“ и „Плотинъ и Порфирій“ не вошли въ настоящее изданіе; они будутъ помѣщены въ полномъ собраніи сочиненій Леопарди, переводъ которыхъ приготовляется авторомъ этой книги.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	строка	*Напечатано*	*Должно читать*
9	4 сверху	онъ радостныхъ	отъ радостыхъ
23	9 „	возрата	возврата
73	5 и 13	печался	печалься
—	8 и 16	блестнетъ	блеснетъ
126	6 „	нѣсвольло	нѣсколько
145	11 и 15	Апполону	Аполлону
150	14 „	на одного нерва	ни одного нерва
154	9 снизу	наслаждатся	наслаждаются
—	8 „	въ твоей жиз·	въ твоей жизни
158	3 „	пробывать	пребывать
164	1 „	перестанешь	перестаешь
168	12 „	делженъ	долженъ

СОДЕРЖАНІЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стр.

I. Ad hominem 5
II. Улетѣла! Прости золотая 7
III. Судьба 9
IV. Я вспомнилъ тебя 11
V. За усопшихъ 12
VI. Не расточай игривыхъ взглядовъ 15
VII. Едва жить начала ты, дитя 16
VIII. Трудно въ жизни тому 18
IX. Сфинксъ 19
X. Свѣтлый мигъ 20
XI. Notturno 22
XII. Иди! 23
XIII. Дѣвственность сердца, любви серебристыя грёзы 25
XIV. У фарисея 26
XV. Нѣтъ, блескомъ смѣлой красоты 29
XVI. Фантазія 30
XVII. О нѣтъ, не говори такихъ святыхъ рѣчей! . 33
XVIII. Памяти Диккенса 34
XIX. Нѣтъ, не клейми её безжалостнымъ презрѣньемъ. 36
XX. Свѣтъ 37
XXI. Въ лѣсу . . . .
1. Явилась ты—царилъ въ душѣ моей покой. . 38
2. Какъ ты хорошъ весенній, юный лѣсъ! . . 39
3. Благодатныя вешнія бури! 40
4. Іюльскій день, часы жары и лѣни . . . 41
5. Я снова здѣсь,—надъ лѣсомъ дышетъ осень. 43
6. Тебя ужь нѣтъ со мной—душа моя болитъ. 44
7. Я долго слушалъ васъ—мнѣ тяжко стало. 45

Стр.
8. Придешь ли ты опять? 46
9. Весна пришла, и съ нею воротились. . . 47
XXX. Изъ альбома женскихъ головокъ . . . . .
1. Широкій лобъ, какъ смоль коса 48
2. Изъ рамки локоновъ льняныхъ. 49
3. Нѣтъ, въ жизни никогда заботъ она не знала! 50
4. Очаровательнѣйшій профиль. 51
5. Я узнаю тебя, цвѣтокъ страны родной. . 52
6. Какой апломбъ въ осанкѣ горделивой! . 53
7. Какъ поблекнувшій ландышъ блѣдна. . . 54
8. Мягкіе локоны. 55
9. Глаза, глаза—полцарства за глаза! . . . 56
XL. Засуха. 57
XLI. И колыбель и гробъ загадочны равно. . . . 59
XLII. Нѣтъ, не скрывайся, не таи. 60
XLIII. Есть въ жизни минуты тоски безысходный. . 62
XLIV. Изъ Леопарди. 63
XLV. Видалъ ли ты, какъ путникъ изнуренный. . 65
XLVI. Я далекъ отъ тебя,—но не ширью морей. . 66
XLVII. Изъ Рюккерта 67
XLVIII. Не бойся слезъ 68
XLIX. День угасъ 69
L. Дѣтьми еще другъ друга мы любили. . . . 70
LI. Пощади, не смущай 71
LII. Ты все ропщешь на то, что въ волненіяхъ дня. 73
LIII. Я былъ одинъ; окрестъ, какъ саванъ бѣлый. 75
LIV. Ты не пришла. 77
LV. Эхо 78
LVI. Пѣсня. 79
LVII. Краль Траянъ 81
LVIII. Италія. Сонетъ Филикайи 87
LIX. Новый трудъ 88
LX. Бѣги, бѣги успокоенья 89

ПЕРЕВОДЫ.—РАЗГОВОРЫ ДЖÁКОМО ЛЕОПАРДИ.

Вмѣсто придисловія 93
I. Геркулесъ и Атлантъ. 95
II. Мода и Смерть. 100

Стр.
III. Домовой и Гномъ. 106
IV. Маламбрунъ и Фарфарель. 112
V. Природа и Душа. 116
VI. Земля и Луна. 122
VII. Закладъ Прометея. 131
VIII. Физикъ и Метафизикъ. 142
IX. Торквато Тассо и Геній. 150
X. Природа и Житель Исландіи 159
XI. Фредерикъ Рюишъ и его Муміи. 168
XII. Колумбъ и Гутьеррецъ. 175
XIII. Коперникъ. 181
XIV. Тристанъ и Другъ. 196

